

ГИДРА-2

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ 60-х

А.В. Васильев

Гидра-2
Криминальные истории шестидесятых

Москва
«Вече»
2011

УДК 821.161.1-312-4
ББК 84(2)
В19

Васильев, А.В.

В19 Гидра-2. Криминальные истории шестидесятых / А.В. Васильев. — М.: Вече, 2011. — 224 с.

ISBN 978-5-9533-5689-3

И вновь криминальные истории советских времен... Бандитизм послевоенных лет подавлен, уголовный мир вытеснен на задворки. Милиция несет службу без оружия, работа следователей, как поется в популярной песне, «на первый взгляд как будто не видна». И все же без работы они не остаются ни на день. На них сваливаются любые дела — от бытовых до хитро продуманных заказных преступлений. И везде они должны докопаться до истины.

Еще одна книга А.В. Васильева, писателя и бывшего следователя, для любителей документального детектива с оттенком ностальгии.

УДК 821.161.1-312-4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-9533-5689-3

© Васильев А.В., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

НОЧНОЙ ПОЖАР

(Рассказ следователя Сазонова)

Когда наша следственная группа прибыла на место пожара, там было тихо и пустынно. Сгорела только верхняя часть дома — крыша, потолок, обгорели верхние бревна. Сруб остался почти полностью не тронутым огнем, только почернел и местами обуглился. Дворовые постройки — сарай, коровник, дровяной склад, другие сооружения — были целы. Вокруг дома земля была утоптана, забор поломан. На огороде небольшими кучами лежала сухая ботва от картошки. Обгорела липа, росшая рядом с домом. Ее обуглившиеся ствол и ветви торчали в небо черными мертвыми пальцами, словно взывали о помощи. Холодный осенний ветер раздувал золу, качал оборванные электрические провода.

Ранним воскресным утром в районный отдел внутренних дел позвонил участковый инспектор Долгоруков и сообщил, что в деревне Завидово ночью был пожар. Горел пустовавший дом. При тушении пожара обнаружен обгоревший труп человека. И вот теперь нашей следственной группе нужно было на месте разобраться с причиной пожара, установить личность погибшего и причину его смерти.

К нам подошел инспектор Долгоруков, с которым я был знаком, поздоровался.

— Труп там, в сарае, — сказал он.

— Мы все вместе — судебно-медицинский эксперт, фотограф, участковый и я — направились к сараю. На самодельных носилках

лежали обуглившиеся останки человека, прикрытые сверху грязной, обгоревшей тканью. Фотограф сделал несколько снимков. Эксперт начал осмотр. Мы с участковым отошли в сторону.

— Расскажите, что вам известно о пожаре, — сказал я.

— Пожар возник ночью. Отчего — неизвестно, — начал свой рассказ участковый. — Я спал, меня разбудили. Когда я приехал, дом уже был охвачен пламенем. Горели крыша, чердак. Прибежали мужики с баграми, ведрами. Стали заливать огонь. Потолок прогорел и рухнул внутрь дома. Пожар был очень сильным. К дому близко нельзя было подойти, — обжигало. В это время приехали пожарники, залили огонь. В доме обнаружили труп. — Участковый замолчал.

— Вы говорите, что горели крыша и чердак. Наверное, пожар возник там?

Участковый посмотрел на меня, некоторое время подумал.

— Да, наверное, там.

— Кому принадлежал дом? — спросил я.

— Вообще это дом старика Панкратова. Но он последнее время перед смертью жил у сына в городе. Дом пустовал. Эта деревня — вымирающая, — сказал участковый. — В ней все меньше жильцов остается. Некоторые перевезли свои дома на центральную усадьбу, некоторые вообще уехали.

— У Панкратова — один сын?

— Два. Старший, Василий живет на центральной усадьбе, а младший, Петр — в городе. Старик здесь жил один. Жена его умерла года два назад. Этим летом он сильно заболел. Его увезли в город, положили в больницу. Кажется, там он и умер.

— Давно?

— Нет. Недели две или три назад.

— Что известно о трупе?

— Ничего. Он очень сильно обгорел. Опознать невозможно. Вроде мужик.

— Давайте осмотрим место происшествия, составим протокол, — сказал я. — Пригласите понятых.

Осмотр и описание пожарища заняли довольно много времени, однако каких-либо следов, вещественных доказательств, дающих ниточку для установления причин пожара, обнаружено не было.

После окончания осмотра и составления протокола я подошел к судебно-медицинскому эксперту, который находился в сарае рядом с трупом.

— Ну, что удалось установить? — спросил я.

— Очень мало. Труп сильно обгорел. Верхняя часть — голова, руки почти полностью сгорели. Он, по-видимому, долгое время находился непосредственно в очаге пожара. — Эксперт некоторое время помолчал. — Смерть, наверное, наступила от асфиксии. Легкие задымлены, в них пепел. Мужчина был в нетрезвом состоянии. Это все, — закончил эксперт.

— Можно предположить, что погибший задохнулся от дыма и пепла? — Я смотрел на эксперта.

— Да, такое предположение вполне возможно. Во всяком случае, до наступления смерти он дышал воздухом, наполненным дымом и пеплом. Думаю, что он находился в закрытом помещении, в котором что-то горело.

— Как вы думаете, где он находился? — Эксперт смотрел на меня и молчал. — Дело в том, — продолжал я, — что пожар возник на чердаке и сначала горела крыша. Потом огонь распространился на стены, прогорел и упал внутрь дома потолок. Вскоре пожар был потушен. Пол в доме и многие вещи целы. Если погибший до начала пожара находился внутри дома, мог он так сильно обгореть?

Эксперт задумался, посмотрел на обгоревший сруб дома.

— Думаю, что нет. Он, по-видимому, был на чердаке.

«Если это так, — подумал я, — то внутрь дома он мог упасть, когда рухнул потолок».

— Вы не скажете, — обратился я к участковому, — труп лежал сверху или под обрушившимся потолком?

— Он лежал среди обгоревших досок и балок. Такое было впечатление, что он упал вместе с ними.

— У вас сложилось такое впечатление, когда вы его увидели?

— Да, я сразу так подумал. Он лежал как-то неловко, изогнувшись, вверх ногами.

— Кстати, — сказал эксперт, — сохранилась часть сапога только на одной ноге. Вторая — без обуви.

— Может быть, она сгорела? — высказал предположение участковый.

— Нет, второго сапога не было на ноге. Вот посмотрите. — Действительно на левой ноге были видны остатки сапога. — Видите, — продолжал эксперт, — нога, на которой была обувь, обгорела значительно меньше, а вторая — больше. Значит, на ней не было сапога с самого начала пожара. Может быть, погибший сам снял его? Допустим, ложился спать, начал разуваться, а тут — пожар.

— Надо поискать второй сапог, — сказал я. — Не мог же потерпевший прийти сюда в одном сапоге.

Вместе с участковым мы внимательно осмотрели все внутри дома. Ничего обнаружить не удалось.

— Наверное, он сгорел, — высказал предположение участковый.

Я решил осмотреть весь участок. «Если не удастся найти сапог, может быть, удастся обнаружить что-нибудь другое, представляющее интерес», — подумал я.

Вскоре, буквально через несколько минут после начала осмотра под кустом смородины я увидел совершенно целый, совсем не обгоревший кирзовый сапог. Осторожно взяв его за край голенища, я осмотрел его. Сапог был с правой ноги. Подошва и нижняя часть его — в грязи. «Наверное, это второй сапог погибшего. Но как он здесь оказался? Почему возникла необходимость снимать его с ноги? Если потерпевший находился во время возникновения пожара на чердаке, что побудило его снять сапог и выбросить его с чердака? Может быть, этого человека насильно засунули на чердак, когда тот уже горел? Или затащили туда и после этого подожгли? Почему? Чтобы скрыть следы другого преступления — убийства? Но этот человек попал на чердак живым: он дышал, когда чердак уже горел. Возможно, он был без сознания. Могла возникнуть борьба, в процессе которой сапог слетел с ноги. Одни вопросы и предположения. Во всяком случае, есть достаточные основания полагать, что, кроме погибшего, при возникновении пожара был кто-то еще. И, возможно, не один. И не исключено, что он хватался за сапог руками. Значит, на нем могут быть отпечатки пальцев...» В это время, прервав мои размышления, подошел участковый.

— Нашли сапог. Как в настоящем детективе, — сказал он. — Труп — в доме, обувь — на огороде. Криминальная загадочная история.

— Вы не знаете, кто в деревне носил такие сапоги? — спросил я участкового.

— У нас их многие носят. В сельмаге постоянно продают.

Я внимательно осмотрел сапог. Сорок второго размера, средней изношенности. Слегка стоптан на правую сторону, видимо, его носили постоянно — и в дождливую, и в сухую погоду: сапог принял форму ноги. Заглянул внутрь сапога: может быть, там осталась портянка или находятся другие вещи. Пусто. Только болтались петли, с помощью которых сапог надевали на ногу. Странно, правая петля была засалена и надорвана, левая — совершенно новая, чистая. Что бы это могло значить? По-видимому, пользовались только правой петлей, левой — нет. Почему?

Может быть, хозяин сапога — однорукий?

— В этой деревне или на центральной усадьбе есть однорукий мужчина?

Участковый задумался.

— Есть. Кошкин Матвей. У него левая рука не развита с детства. Его Сухоруким зовут. Пьяница. Говорит, ему от природы положено пить, для работы нужны две руки, а у него одна, правая. Чтобы стакан держать.

— Чем он занимается?

— На скотном дворе сторожем работает. Летом как-то пас стадо. Напился. Коров порастерял. Судили его. Дали принудработы. Отрабатывает в совхозе. А что? — спросил участковый.

— Надо съездить к нему домой. И привезите его сюда, если, конечно, его найдете.

— Найдем. Куда он денется, — ответил участковый.

Он тотчас завел свой мотоцикл и уехал. А я отнес сапог в сарай.

Теперь нужно поговорить с жителями деревни. Куда пойти? Двери двух соседних домов были на замках, окна заколочены. В третьем доме кто-то жил. Я направился туда. На дворе находилась пожилая женщина. Поздоровавшись, я представился. Она пригласила меня в дом.

— Вы уж извините, — сказала она. — Дома-то у меня не очень красиво. Одна живу. Сын — в городе. Зовет меня туда. Но у нас с невесткой отношения не очень хорошие. Поэтому я здесь, пока здоровье есть. Летом они ко мне приезжают. Летом здесь хорошо.

— Что вы можете рассказать о Панкратовых, о пожаре?

— Ничего, — ответила она. — Говорят, что в городе люди ничего не знают друг о друге. Сейчас и в деревне также. Живут каждый в

своем доме. В гости друг к другу не ходят. Раньше на работе встречались. Вместе работали. А сейчас я — на пенсии.

— Дом кто строил?

— Сам, Панкратов Захар. Потом, правда, Петька, младший сын, его ремонтировал. Когда жил еще здесь. Затем он в город уехал. Женился там. А Захар здесь жил, один. После того как Елена, его жена, померла. А этим летом сам заболел и к Петьке уехал. А дом остался пустой. Дом-то у них хороший был, большой, почти новый. Не то что моя избушка на курьих ножках.

— Василий помогал дом ремонтировать?

— Нет. Его жена говорила, что у них дом хороший, а дом отца им не нужен. Кто в том доме живет, тот пусть и ремонтирует. Так мне Захар говорил.

— Петр приезжал сюда?

— Кажись, да. Осенью я его видала. Он картошку копал. Спросила, как отец. Он сказал, что плохо. А вскоре я узнала, что помер он.

— О пожаре что можете сказать?

— Ничего не знаю. Ночью услыхала шум, крики, машины гудели. Увидела красные сполохи от пожара. Я плохо себя чувствую, болею. Наломалась за свою жизнь. Все время в деревне, на ферме работала. Труд тяжелый, физический. Теперь руки болят, ноги, все тело. Услыхала я шум, встала, вышла на улицу. Вижу, дом Панкратова Захара горит. Постояла и ушла в дом. Долго заснуть не могла. Только что встала.

— Как вы думаете, дом кто-то поджег или он сам загорелся?

— Не знаю, может, и подожгли. Пьяница какой-нибудь. Здесь иногда ходят такие. И даже ночуют в пустых домах. Летом. Туристы, другие разные люди.

На этом разговор наш закончился. Когда я вышел на улицу, то увидел мотоцикл, на котором вернулся участковый. Он ждал меня около сгоревшего дома.

— Не нашел я Кошкина. Был у него дома, на ферме. Нигде нет. Жена сказала, что еще вчера вечером ушел из дома. Может быть, напился, спит где-нибудь.

— Я думаю, что мы его никогда больше не найдем, — сказал я. Долгоруков недоуменно смотрел на меня. — Я думаю, что он лежит в сарае.

— Это он сгорел вместе с домом? Может быть, он и поджег? — высказал предположение участковый.

— Возможно, — ответил я. — У меня к вам просьба. Поезжайте в райцентр, возьмите в райотделе служебную разыскную собаку с проводником, эксперта-криминалиста Панкина — вы его знаете, — найдите Панкратова Петра и с ними возвращайтесь.

— Будет сделано, — ответил участковый и тотчас уехал.

А я встретился почти со всеми жителями деревни и поговорил с ними о пожаре. Никто ничего нового не сказал. От чего возник пожар — не знали. Кошкина вечером в деревне не видели.

Вскоре после того, как я вернулся к сгоревшему дому, приехал участковый. Из милицейского газика вышли эксперт, проводник с собакой и незнакомый молодой мужчина, по-видимому, Панкратов Петр.

— Все выполнено, — по-военному доложил участковый.

Я его поблагодарил и подошел к эксперту.

— Можно, я осмотрю дом? — спросил Панкратов.

— Пожалуйста. Только никуда не уходите, мне нужно с вами поговорить, — ответил я.

— Хорошо. — Петр направился к дому.

— В сарае находится сапог, — сказал я эксперту. — Нужно снять все имеющиеся на нем отпечатки пальцев, Сапог грязный, некоторые отпечатки видны невооруженным глазом.

Мы вместе с экспертом пошли к сараю. Там я передал ему сапог, эксперт начал работать, а я подошел к Панкратову, который стоял около дома и хмуро смотрел на него.

Разговор с Петром Панкратовым состоялся около сарая. Мы сидели на скамейке. Петр рассказал о смерти отца, о том, что последнее время он жил у него.

— Что хранилось на чердаке дома? — спросил я.

— Сено. Его еще отец туда положил.

— Как можно было попасть на чердак?

— С крыши веранды. Через дверь, которая запиралась на вертушку. Был лаз и с веранды.

— Дом был заперт на замок?

— Да. Дверь, ведущая на веранду, была закрыта на висячий замок, а внутрь дома с веранды — на врезной.

— У кого были ключи?

— У меня. От навесного замка, кажется, был ключ и у Василия. Брата. А от врезного мы хранили за подоконником на веранде.

— Дом кому отец завещал?

— Он завещания не оставил. Сказал, что мне. Я его ремонтировал, потратился. Василий в ремонте не участвовал. У меня двое маленьких детей. Думали, что жена с ними будет летом жить. Здесь огород, сад, рядом речка. А получилось вот так.

— Кто мог поджечь дом?

Панкратов молча смотрел на меня. Затем пожал плечами.

— Не знаю.

У меня больше вопросов не было. Панкратов попросил разрешения очистить дом от грязи, обгоревших досок, собрать сохранившиеся вещи. Я разрешил.

Эксперт сказал, что сапог обработан. Фотограф сделал снимки, я попросил фотографа поехать в районный центр, проявить и отпечатать снимки. А сам, аккуратно завернув сапог в бумагу, вместе с участковым инспектором, экспертом и проводником с собакой поехали на центральную усадьбу совхоза. Там я попросил участкового изъять в присутствии понятых обувь и некоторые носильные вещи Кошкина, других людей. Все эти вещи мы разложили на полу в конторе совхоза. Собаке дали понюхать сапог, найденный около сгоревшего дома, и проводник стал подводить ее к лежащим на полу вещам и обуви. Собака некоторое время обнюхивала их, затем отворачивала голову, грустно смотрела на проводника, как будто осуждала его неправильное поведение. Когда он подвел собаку к ботинкам, принадлежавшим Кошкину, она взвизгнула, залаяла и схватила их, как будто говорила, что это те самые ботинки, которые она ищет. Мы несколько раз меняли место ботинок Кошкина, подводили собаку также к его вещам, и всякий раз она лаяла и хватала их зубами. Сомнений не было — сапог принадлежал Кошкину. Я составил протокол.

«Итак, при пожаре, наверное, погиб Кошкин, если он вчера не передал сапоги кому-нибудь другому. Об этом необходимо поговорить с его женой».

Жена Кошкина вошла в контору, настороженно и тревожно глядя на меня. Я предложил ей сесть. Она осторожно опустилась на стул.

— Скажите, пожалуйста, в какой обуви ушел вчера ваш муж из дома?

— А что? Зачем вам это надо? Он что-нибудь натворил?

— Я с вами разговариваю, как со свидетелем. А свидетель обязан отвечать на мои вопросы и говорить только правду.

Она молча смотрела на меня.

— В сапогах ушел.

— В каких?

— Обыкновенных, в каких всегда ходит.

— Это его сапог?

Она внимательно осмотрела сапог, заглянула вовнутрь, посмотрела на петли.

Его. Чей же еще? Потерял, что ли? Во до какой степени нажрался, дурак старый. — Она зло отвернулась.

— Он вчера в этом сапоге ушел?

— В этом. Больше ему не в чем. Одни они у него. А может, он их продал? На водку обменял, босым остался. Пьяница проклятый. Надоел мне уже. Другие — в дом, а он — все из дома. Дети у нас уже взрослые. Стыдно им за такого родителя. И никакая лихоманка его не берет. Напьется, спит на улице. Проспится и опять — как огурчик. Хоть бы чихнул. Милиция его задержала, что ли? Почему вы им интересуетесь?

Я молчал, думал, как ей сказать о том, что он погиб при пожаре. Решил, что вначале нужно закончить разговор. Сообщение о его смерти может вывести ее из равновесия. Неизвестно, как она себя после этого поведет.

— Когда и куда он ушел вчера из дома?

— Черт его знает, куда он подался. В магазин, наверное. У него одна дорога.

— Вы никуда сегодня не уезжаете?

— Нет. Куда мне ехать? Дома буду.

— Может быть, я вас еще вызову.

— Пожалуйста, — сказала она и, не прощаясь, вышла.

«Итак, теперь нужно установить, где был вчера вечером Кошкин, с кем встречался. Коли он находился в магазине, его должен был видеть продавец. Надо с ним поговорить».

В магазине стояла небольшая очередь. Продавец, женщина средних лет, что-то взвешивала покупателю. Участковый обратился к людям, стоявшим в очереди:

— Граждане, мы на несколько минут оторвем продавца. Нам нужно с ней поговорить. — Все молча смотрели на него. Рука продавца повисла в воздухе. Мы прошли за прилавок, а затем вместе продавцом — в подсобное помещение, заставленное мешками, различной посудой, ящиками с продуктами, другими товарами. Продавец настороженно смотрела на нас.

— Вы не волнуйтесь, — сказал я ей. — Нас интересует Кошкин Матвей. Он вчера вечером был у вас в магазине?

— Был, — утвердительно ответила женщина.

— Что он здесь делал, с кем разговаривал, куда и с кем ушел?

— Соображал, с кем бы выпить. Со многими разговаривал. Надоел он мне, почти каждый вечер здесь находится. Я попросила его выйти из магазина. Куда он ушел, я не знаю.

— Кто, кроме вас, видел его в магазине?

— Многие. Все, кто был здесь. Тимофеевна, — вдруг громко сказала продавец, открыв дверь в торговый зал магазина, — ты вчера вечером была в магазине?

— Ну, — утвердительно ответила Тимофеевна.

— Кошкина видела?

— Ну, видела.

— Куда он ушел и с кем?

— Кажись, с Замошкиным Николаем.

— Во, слыхали. Больше я ничего не знаю, — сказала продавец, как бы заканчивая наш разговор.

Из магазина мы пошли к Замошкину. Он с сыном, парнем лет семнадцати, пилил на дворе дрова. Поздоровались. Он спокойно смотрел на участкового.

— Вы вчера вечером видели Кошкина? — спросил я его.

— Да, у магазина. Потом он увязался за мной. Предлагал мне выпить. Но я отказался. Мы раньше иногда с ним выпивали, а сейчас я это дело бросил. Водка до хорошего не доводит.

— Куда он пошел после встречи с вами?

— Черт его знает. Он по всей деревне ходит, когда выпьет. Суббота для него — святой день. На неделе — трезвый, а в субботу обязательно напьется.

— Я его ночью, часов в двенадцать видел вместе с дядей Василием Панкратовым, — сказал сын.

— Пьяных? — спросил отец.

— Да, шли, качались.

— Этот тоже такой. Два сапога — пара. Тоже ни одного выходного не пропустит. Обязательно напьется. Вчера дом его отца сгорел. Я, другие мужики ездили тушить. А его дома не оказалось. Напился, наверное, и спал где-то. Даже жена не знала, где он. Во как.

Поблагодарив Замошкина, мы вместе с участковым направились к Панкратову. Постучавшись, вошли в дом. Увидев нас, Панкратов, сидевший за столом, застыл, напряженно глядя в нашу сторону. Замерла у печи жена. Они как будто испугались нас.

— Вы вчера видели Кошкина? — спросил я, обращаясь к Панкратову.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— А что?

— Нас интересует, видели ли вы вчера вечером Кошкина?

— Н-нет, то есть да, видел.

— Так видели или нет?

— Видел. На улице.

— Расскажете подробнее.

— Он шел по улице. Я его видел.

— Подробнее. Вы вместе с ним ходили по улице? — Опять тот же быстрый настороженный взгляд. Молчание. — Может быть, вам провести очную ставку с теми людьми, которые видели вас вместе с Кошкиным, когда вы шли по улице?

Он снова бросил на меня быстрый взгляд.

— Да, шел. Один раз. Рядом. Он — сам по себе, я — сам по себе.

— Вместе с ним выпивали?

Опять затяжное молчание.

— Что вы от меня хотите? — срывающимся голосом вдруг заговорил он. Казалось, что он может расплакаться.

— Я хочу, чтобы вы рассказали все, что произошло вчера ночью с вами и Кошкиным.

— Ничего не произошло, ничего, — срывающимся голосом почти кричал он. — Напился он, как свинья, и все.

— Что — все?

— И все. И больше я ничего не знаю.

— Где напился?

— Сам напился. У него была бутылка.

— Ну и что дальше?

Дальше он ушел. И все. — Панкратов отвернулся, зашмыгал носом.

— Ну, договаривайте до конца, — сказал я.

Участковый напряженно смотрел на Панкратова. У плиты застыла его жена. Панкратов вдруг заплакал, всхлипывая тоскливо и безысходно. Я жестом показал участковому, чтобы он вывел из комнаты жену Панкратова. Тот взял ее под руку, и они вместе вышли.

— Ну, так что случилось, рассказывайте.

Панкратов вытер кулаком слезы, шмыгнул носом.

— Разве это дело, когда одному все, а другому — ничего, а? Я что — не сын?

— А кто сказал, что вам — ничего? — спросил я, до конца не осознавая, о чем идет речь.

— Отец сказал — дом Петру, у него дети. Но это неправильно, я с этим не согласен.

«Почему он завел разговор о доме?» — мелькнула у меня мысль.

— По закону вы такой же наследник дома и всего имущества, как и ваш брат Петр. И если бы вы обратились, суд вам выделил бы ровно половину.

Он посмотрел на меня.

— Это — правда?

— Да, так гласит закон.

— Какой я дурак, какой я дурак! — Он ударял себя кулаком по лбу.

— А что случилось?

Он поднял на меня глаза, посмотрел некоторое время, затем опустил взгляд, но ничего не ответил. Молчание затягивалось.

— Но вернемся к Кошкину. Что вы с ним делали вчера ночью?

Панкратов смотрел на меня прямым, каким-то просветленным взглядом.

— Сгорел он. — Панкратов выругался, наклонил голову, зашмыгал носом.

— Как сгорел? — спросил я.

— Вместе с домом. Черт нас понес туда, — вытирая слезы рукой, говорил он. — Не хотел я поджигать дом. Но как-то так получилось,

по пьянке. Сухорукий, то есть Кошкин сказал — не видать тебе дома, как своих ушей. Петькин он. Мне стало обидно. Думаю, пусть лучше никому не достанется. Мы вроде ночевать там хотели, на чердак забрались. А меня вот здесь... — Он показал рукой на грудь. — Словно черт зудит и зудит: не твой это дом, не твой. Обозлился я, поджигай, говорю Кошкину. Тот и поджег. Сено вспыхнуло сразу. Потом уж хотели потушить, но где там! Кошкин упал. Я хотел его вытащить. Потянул за ноги. Стащил сапог. Сам чуть не задохся, а он — как бревно, ни с места. Выскочил и убежал. Черт попутал. Судите меня. Виноват я — родительский дом спалил. — Он смотрел на меня мокрыми жалкими глазами, растирая по лицу слезы. — Водка виновата.

«И незнание закона», — подумал я.

Проведенная экспертиза установила, что отпечатки пальцев на уцелевшем сапоге Кошкина оставлены Панкратовым Василием.

Вскоре состоялся суд. Панкратов был приговорен к лишению свободы.

СЛЕДЫ ЗА ЗАБОРОМ

(Рассказ следователя Сазонова)

Женщина была очень взволнована. Она смотрела испуганно и непрерывно поправляла головной платок.

— Понимаете, я, как всегда, рано утром шла на ферму доить коров мимо нашего магазина. Обычно сторож Егорыч стоял у ворот, здоровался, интересовался, как дела. Иногда мы с ним разговаривали. Он рассказывал, что в магазин поступило, какие товары ожидаются. Сегодня его не было. А ворота — открыты. Я заглянула во двор и увидела, что он сидит в углу между складом и забором. Я крикнула: ты чего, мол, там? Он молчит. Я посмотрела внимательно, вижу, руки у него за спиной связаны. Я очень испугалась. На улице — никого. Не помню, как к бригадиру добежала. Рассказала ему все. Он меня спросил, посмотрела ли я, что с ним. А я говорю: нет, испугалась. Он быстро оделся, и мы вместе пошли. Пришли к складу, зашли во двор. Только бригадир тронул за плечо Егорыча, тот и упал. А глаза у него — стеклянные. Дверь в склад — настежь. Кража, наверное. Тут бригадир тракториста нашего, Панкова разбудил, чтобы тот поохранял магазин Егорыча, а сам к участковому побежал. Я на ферму пошла коров доить. А руки трясутся, работать не могу. — Она смотрела на меня, видимо ожидая, что я еще спрошу. Но вопросов у меня больше не было.

— Спасибо, — сказал я. — Можете быть свободны. Если потребуетесь, я вас еще приглашу.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответила она и, попрощавшись, вышла.

В это утро еще до начала рабочего дня мне домой позвонил прокурор района и попросил немедленно выехать на место совершения преступления. И вот я, следователь прокуратуры, вместе с инспектором уголовного розыска и экспертом прибыли на склад, опросили очевидцев, произвели осмотр. Было установлено, что во дворе магазина и склада, обнесенных забором, в углу на спине лежал сторож Шевелев Иван Егорович. Руки его были связаны. Он был мертв. Видимых повреждений тела обнаружено не было.

Около трупа на мягкой земле, слегка покрытой молодой майской травой, видны отпечатки ног человека, следы волочения тела, некоторые следы представляют собой отпечатки одних каблуков. Они значительно глубже других и расположены под углом. По-видимому, они оставлены человеком, который тащил труп сторожа. Эксперт сделал слепки всех следов.

Дверь склада распахнута. Внутри разбросаны товары, продукты. Навесной замок, на который была закрыта дверь склада, лежит на земле. Дужка его перепилена. На замке обнаружены отпечатки пальцев.

Замки, двери, окна магазина целы. Туда воры, по-видимому, не проникали. Почему обокрали только склад? Обычно лезут в магазин в надежде найти там деньги, может быть, воры знали, что на складе хранится что-то ценное, и решили украсть именно эти товары? Надо поговорить с завмагом.

Двери каморки сторожа открыты. У входа — ведро с водой. На табуретке — электроплитка, на ней — чайник. В тумбочке — маленький фарфоровый чайник с остатками заварки, стакан и чашка с отломанной ручкой, на столе — хлеб, лук, вареные яйца. Все — в нетронутом состоянии. Жена сторожа сказала, что именно эти продукты он взял с собой, уходя на работу. Следовательно, сторож ничего не ел. Почему? Не успел? Жена говорила, что он «вечерял», как она выразилась, часов в двенадцать ночи. Значит, на него напали раньше. Когда?

Заведующий магазином, уже немолодой мужчина, вместе с бухгалтером сельпо и представителем общественности составляют опись товаров, чтобы установить размер похищенного.

Труп сторожа отправлен в морг для вскрытия и исследования с целью установления причины смерти.

Участковый вместе с инспектором ушли, чтобы поговорить с жителями о том, был ли кто-то посторонний накануне в деревне, останавливалась ли на ночь какая-либо машина, что думают люди о краже, о том, кто ее мог совершить.

«Что делать мне? Как всегда, после выполнения самых неотложных следственных действий наступает период относительной незанятости. Все работают, проводят анализы, исследования обнаруженных следов, документов, вещественных доказательств, чтобы дать заключения, на основании которых можно разработать версии и вести дальнейшее расследование. А сейчас? Что мне делать сейчас? Наверное, нужно в спокойной обстановке еще раз проанализировать все имеющиеся сведения о краже, сопоставить их, все обдумать. Как совершена кража? Вещи вынесли на себе? Через ворота в переулок, а затем с краденым шли по деревне? Вряд ли. Тогда как? Могли перебросить через забор. Надо внимательно осмотреть его».

Медленно шагая вдоль забора, я внимательно осматривал доски. За складом под навесом лежали ящики, пустые и с бутылками. Я внимательно осмотрел их. Ничто не привлекло моего внимания. Пошел вдоль забора, который протянули от навеса до угла магазина, расположенного напротив склада. Этот забор выходил в поле. Я не спеша шел около забора, но ничего подозрительного не видел. Забор — высокий. Перелезть через него не просто. Вряд ли воры тащили украденное здесь. Может быть, перебросили, а сами вышли через ворота. Надо осмотреть забор и снаружи.

За забором росли крапива, лопухи. В одном месте они были сильно помяты. Валялась разбитая бутылка из-под портвейна. Что же здесь произошло? Я внимательно осмотрел место. Лопухи и крапива были поломаны и вытоптаны. Такое впечатление, что около забора кто-то ходил. Были видны четкие следы ног человека. Если бы через забор перебрасывали товары, то крапива и лопухи должны быть примяты сверху, а они сломаны у корня. Может быть, искали в них переброшенные вещи? Какими должны быть эти вещи, чтобы их искать? Одни загадки.

На траве и земле был виден след, который шел от вытоптанного у забора места к кустарнику, росшему в небольшом овраге. Я пошел ря-

дом с ними. Следы глубокие, глубже, чем оставлял я. Видимо, человек нес что-то тяжелое. Что? Наверное, украденное. След вышел на дорожку, протоптанную вдоль оврага у кустов и ведущую в деревню. Куда дальше ушли воры? Наверное, по тропинке. И все унесли с собой? От забора к кустарнику — всего один след. Если бы там проходили несколько человек, след был бы другим. Значит, один человек все унес? А может быть часть спрятал в кустах? Нужно продолжить поиск. Я шел по тропинке, внимательно осматривая траву. В одном месте обнаружил примятую траву, сломанную ветку. Осторожно раздвинув кусты, я посмотрел в овраг. Недалеко среди кустов находилась небольшая яма, заросшая травой и лопухами. Некоторые из них были помяты. Через кустарник я пробрался к яме. На дне стоял ящик с бутылками вина, портвейна, сверху слегка прикрытый наклоненной травой. Больше ничего в яме не было. Бутылки такие же, как и разбитая у забора.

«Так, значит, не все унесли. Вино оставили. Почему? Не успели? Кража совершена в первой половине ночи. Времени было достаточно. Непонятно, почему оставили здесь, недалеко от места кражи? Сейчас это не имеет значения. Необходимо немедленно орга-низовать наблюдение». Осторожно я вернулся обратно на склад. Там уже находились оба инспектора. Им не удалось выяснить ничего интересного. Я рассказал об обнаруженном ящике. Они сразу ушли в засаду.

Опись товаров еще продолжалась. Я вошел в склад и попросил заведующего сказать, что украдено. Однако он не мог назвать пропавшие товары.

— Не помню, — ответил он, пожав плечами. — Ящика портвейна нет. Кажется, пуховые платки, женские импортные кофты пропали, некоторые продукты. Может быть, и еще что. Надо проверить, что еще находится в магазине.

Из перечисленного заведующим было видно, что кража — крупная. «Мог ли один человек унести все украденное? Может быть, основную часть товаров вынесли через ворота, затем переулком вышли в поле, к оврагу? Возможно, там спрятаны и другие товары. Необходимо произвести тщательный осмотр всего оврага. Но как? Если искать там открыто, преступники это обнаружат и не придут за оставленными товарами. Что делать? Наверное, пока не нужно организовывать поиск. Нужно ждать результатов засады». Я пошел в кабинет участкового, находящийся в здании сельсовета.

Вечером, когда уже наступали сумерки, неожиданно появился участковый. Вместе с ним был пожилой, грязно и неопрятно одетый мужчина.

— Вот, пришел за вином, — сказал участковый, кивнув в его сторону головой. — Пронькин его фамилия. Говорил я тебе: кончай пить, плохо кончится, докатился. Давай, рассказывай.

Тот таращил на нас глаза и молчал.

— Садитесь, рассказывайте, — сказал я, показав на свободный стул. Я сидел за столом участкового.

Пронькин, покачиваясь, подошел к стулу, сел.

— А что рассказывать? Я ничего не знаю. — Он пытался смотреть на меня, но это ему не удавалось: голова его качалась, он с трудом удерживался на стуле. — А что он ко мне пристает? — кивнул он головой на участкового. — Хватает меня. Я что, его обидел?

— Расскажите, как случилось, что вы пришли за вином, которое находилось в овраге?

Пронькин тупо смотрел на меня и молчал.

— Шел, шел и пришел, — наконец ответил он.

— Ты мне дурака не валяй, — вмешался участковый. — Рассказывай, откуда это вино.

— Не знаю. Я зашел в кусты по малой нужде, а оно там стоит.

— Врет он все, — сказал участковый. — Он шел прямо к этой яме. Не случайно забрел.

Пронькин молчал, тупо глядя на участкового.

— По нужде я туда зашел. Вижу — яма, а в яме — вино. Я и взял, — заплетающимся языком сказал Пронькин.

— Ты что это? — спросил его участковый. — Да он совсем пьян, — обратился он ко мне. — Когда он успел? — Пронькин молча смотрел на участкового и вдруг икнул. — Где бутылка? — спросил участковый. Пронькин молчал. Участковый достал из кармана его пиджака бутылку. Она была наполовину пуста. — Когда это ты успел? — Пронькин смотрел на него мутными глазами, икал и молчал. — Когда мы его задержали около ящика, он был трезвый.

— Я и сейчас вполне, — сказал Пронькин.

— До утра проспишься, потом поговорим, — сказал участковый. — Идем.

Он отвел Пронькина в другую комнату и закрыл дверь на ключ.

Оказалось, что за вином Пронькин пришел один. Участковый заметил его, когда он шел еще по дорожке. Дойдя до куста со сломанной веткой, Пронькин сразу полез в овраг, подошел к яме, встал на колени и, наклонившись, достал бутылку, начал вставать. В это время к нему подошли участковый и инспектор уголовного розыска. Пронькин не пытался скрыться. Он удивленно смотрел на них, держа в руках бутылку.

— Как вы думаете, мог ли Пронькин один совершить кражу, убить сторожа, перепилить замок?

Участковый молча смотрел на меня.

— Не знаю. Темная личность, инвалид. Жена работает в колхозе. У них участок. Выращивают фрукты, овощи. Он торгует на рынке в райцентре. Даже в областной центр ездит. Пьет. Может быть, и сошелся с какой шпаной. Возможно, они вместе и совершили кражу. Товары увезли, а вино оставили ему.

— А может быть, и не увезли, а тоже спрятали в овраге. Думаю, что эту ночь нам придется провести там, — сказал я. — Коли похищенное спрятано в кустах, за ним могут прийти только ночью и незаметно вынести его. Днем это сделать невозможно.

Участковый взял шинель, и мы отправились в овраг. Инспектор уголовного розыска тотчас ушел оттуда в кабинет участкового. Спали мы по очереди. Однако ночь прошла спокойно. Никто в овраге не появлялся.

Утром мы вернулись, а инспектор ушел в овраг. Участковый привел Пронькина. Тот осторожно вошел в кабинет, поздоровался, шмыгнул носом, сел.

— Как самочувствие? — спросил я.

— Нормально, — нехотя ответил он и отвернулся.

— Расскажите, что вам известно о вине, которое находится в яме в овраге и за которым вы вчера вечером пришли туда.

Пронькин повернул в мою сторону голову, посмотрел, опустил глаза.

— Ничего не знаю, — сказал он. — Был сильно пьяный, Ничего не помню.

— У нас есть основания подозревать вас в убийстве сторожа магазина и в краже товаров со склада, в том числе и вина. Что вы скажете?

Пронькин тупо смотрел на меня.

— Никого я не убивал и ничего об этом не знаю.

— Не хотите говорить? — Пронькин молчал. — Я вас вынужден задержать до выяснения всех обстоятельств по делу, — сказал я Пронькину.

Он молча, словно не совсем понимая, о чем идет речь, смотрел на меня.

Оставив участкового с Пронькиным, я пошел в овраг. Вместе с инспектором уголовного розыска мы осмотрели там все кусты, ямы, обошли весь овраг. Однако ничего обнаружить не удалось.

«Что делать с ящиком? Оставить его или убрать? Если у Пронькина есть сообщники, они, наверное, догадались, что он задержан. Может быть, кто-то видел, как участковый вел Пронькина. За вином они, конечно, не придут. Оставлять его нет никакого смысла». Инспектор был того же мнения. Мы вместе вернулись обратно.

В присутствии понятых были произведены осмотр и фотографирование вытопатанного места за забором, следов, ведущих к оврагу, ящика с вином в яме, составлен протокол. Эксперт сделал слепки следов.

В доме Пронькина произвели обыск. Однако ничего, имеющего отношение к делу, обнаружено не было. «Может быть, участковый прав. Украденные вещи увезли, а вино оставили Пронькину», — подумал я.

Попросив участкового последить за тем, как будут развиваться события в деревне, о чем станут говорить люди, мы вместе с инспектором уголовного розыска, экспертом и Пронькиным, взяв с собою все собранные вещественные доказательства, уехали.

Приехав, я сдал Пронькина дежурному райотдела, а сам тотчас отправился к судебно-медицинскому эксперту. Он сказал, что исследование трупа закончено, картина, в общем, ясна.

— Смерть наступила от отравления снотворным, седуксеном. Руки ему связали, когда он был еще жив. Наружных телесных повреждений не обнаружено. Вот, в общем, и все, что я могу сказать, — закончил эксперт. Акт экспертизы он обещал представить в ближайшее время.

«Так, значит, сторож принял снотворное, — думал я на обратном пути. — При этом в смертельной дозе. Зачем? Может быть, он соучастник, а снотворное принял, чтобы оправдать себя: дескать,

спал, ничего не знаю. Но почему в такой большой дозе? И почему у него были связаны руки? Обычно в случае соучастия сторожа его связывают, нередко наносят телесные повреждения, имитируя нападение. Снотворное в эту схему не вписывается, может быть, сторож принимал снотворное от бессоницы и на работе спал? Возможно. Следует поговорить об этом с его женой, заведующим магазином. Но, если бы он постоянно пользовался этим лекарством, он не ошибся бы в дозе. Скорее всего, такое большое количество снотворного ввел в его организм кто-то другой помимо его воли. Кто? Наружных повреждений нет. Значит, насильственный способ отпадает. Ввели незаметно для сторожа. Как? С каким-то напитком или пищей. Продукты сторожа целы. Значит, он пил или ел что-то другое. Возможно, их кто-то принес. Кто? Может быть, Пронькин? Эксперт сказал, что в желудке сторожа много жидкости, похожей на чай. Видимо, снотворное растворили в чае. Может быть, Пронькин угостил сторожа чаем со снотворными. Эту версию надо тщательно проработать. Необходимо: 1) проверить идентичность обуви Пронькина следам, обнаруженным около трупа, на территории склада и за забором; 2) поговорить с женой сторожа об отношениях его с Пронькиным; 3) побеседовать с завмагом. Может быть, были случаи, когда он заставал сторожа за чаепитием с Пронькиным, другими лицами; 4) срочно дать задание участковому, чтобы он изъял фарфоровый чайник, а также стакан и чашку из каморки сторожа с целью проведения экспертизы. Если Пронькин пил чай со сторожем там, то в остатках чая должен быть седуксен, — думал я. — Но, с другой стороны, если бы они пили чай там, то обязательно ели продукты сторожа. Но они целы. Значит... Возможно, Пронькин принес чай, содержащий раствор седуксена, и угостил им сторожа. Где? Может быть, у ворот или на территории. А когда сторож заснул, Пронькин связал ему руки и оттащил в угол. Возможно. Нужно все это проверить.

С обуви Пронькина были сделаны отпечатки. Когда их сравнили с обнаруженными на месте происшествия, оказалось, что они совпадают только со следами за забором, где была найдена разбитая бутылка. Следы около трупа, в том числе и оставленные одними каблуками, принадлежали не Пронькину. Так, значит, он был там не

один. И тот, второй тащил спящего сторожа в угол, к забору. Кто он? Нужно еще раз поговорить с Пронькиным».

Когда он вошел в кабинет, я его вначале не узнал. Это был совсем другой человек: взгляд вполне осмысленный, глаза смотрели настороженно и внимательно.

— Следствием установлено, — сказал я, — что на месте преступления, кроме вас, был второй человек, который имеет отношение к краже и смерти сторожа. Скажите, кто он?

— Я ничего не знаю об этом, — ответил он, по-прежнему настороженно глядя на меня. — О смерти сторожа я тоже ничего не знаю и никакого отношения к ней не имею.

— А кто имеет? — спросил я.

— Не знаю. Я ничего не знаю, никого не убивал.

— Кражи вина вы тоже не совершали? — Молчание. — Пронькин, ваше поведение только усугубляет вашу вину. Посудите сами: совершена кража, в том числе украдено вино, отравлен сторож. На бутылках, обнаруженных в овраге, отпечатки ваших пальцев. Около забора склада и на поле — следы ваших ног. Задержали вас около украденного вина, когда вы пришли за ним. Кто поверит вам, что ничего не совершали и ничего не знаете? — Пронькин опустил голову. — Кто еще участвовал в краже? Где остальные вещи? Кто дал снотворное сторожу?

— Я ничего об этом не знаю, — повторил он.

Больше мне ничего добиться от него не удалось.

После разговора с Пронькиным я позвонил участковому и попросил его направить ко мне жену сторожа и заведующего магазином. Первой приехала жена сторожа. Она рассказала, что снотворного ее покойный муж никогда не принимал. И вообще он был против лекарств, лечился травами и парилкой. О самоубийстве никогда не думал. Жить ему нравилось. На территорию магазина и склада никого не впускал, говорил: не положено.

— Даже я не могла к нему войти. Были случаи, когда поесть ему приносила. Он брал еду через окно в воротах. Сам сделал специальное окошко и через него разговаривал, когда к нему приходили. Кто ему дал снотворное, ума не приложу.

— Какие отношения были у вашего мужа с Пронькиным?

— Особых никаких. Муж его не любил. Пьяница, говорил, непутевый он. А Пронькин приходил к мужу поговорить. Мой-то строгий был, не выпивал, не позволял себе. Пьяниц не терпел.

— Мог он вместе с Пронькиным во время дежурства пить чай?

Женщина задумалась.

— Нет. Муж не допустил бы этого, — уверенно сказала она.

— А мог Пронькин принести с собой чай и угостить вашего мужа?

— Пронькин, может, и мог. Но муж не стал бы пить чай у ворот. Он любил делать все основательно, а не на бегу.

Старческое морщинистое лицо ее было печальным, но она не плакала. Я смотрел на нее и думал: кто же дал ему снотворное? Сам он принести не мог, от Пронькина или кого другого тоже не брал. Чай пил не в каморке. Где? Может быть, в магазине? Вместе с заведующим? Возможно, допустим, тот напоил сторожа чаем со снотворным, а когда он уснул, связал его и совершил кражу. Либо имитировал ее. Работники торговли обычно поступают так, чтобы скрыть имеющуюся недостачу. Логично. В эту версию укладываются и другие обстоятельства преступления: открытые двери склада, ворота. Он мог это сделать специально, чтобы привлечь внимание к краже. А как в эту версию вписывается Пронькин? Может быть, они совершили кражу вместе? Обычно торговые работники такие дела совершают одни. Нужно поговорить с заведующим магазином.

— Какие отношения были у вашего мужа с завмагом?

Женщина задумалась, глядя в пространство.

— Строгий мужчина Петр Кузьмич. Серьезный. Его к нам из района, говорят, прислали. Или сам приехал. Люди болтают всякое.

— А что говорят?

Одни — вроде из-за жены. То ли побил ее, то ли гулял. Другие — что с начальством не поладил. А там кто его знает. Мой-то уважал его, говорил: это — хозяин. Один работал. С утра до вечера.

На этом наш разговор с Шевелевой закончился.

Перед окончанием рабочего дня пришел заведующий магазином Ожогин, поздоровался. Лицо — неподвижное, сосредоточенное. «Действительно строгий мужчина», — подумал я.

— Расскажите поподробнее, как пришел на работу в последний раз сторож, как он выглядел, что говорил. Интересуют самые незначительные детали.

Ожогин задумался.

— Как обычно. Я уже собирался уходить, запирал магазин, когда он пришел. Поздоровался. Сходил в свою каморку. Потом запер за

мной ворота. — Заведующий спокойно смотрел в окно, словно происходящее в кабинете его не касалось.

— В его поведении вы не заметили ничего необычного, подозрительного?

— Нет, не заметил.

— Вы его чаем не угощали?

Ничто не изменилось в позе и во взгляде.

— Нет, не угощал. — Вздохнул, опустил голову.

— Вы чем-то расстроены?

— Нет. То есть да. ЧП в магазине. — Но расстроенным он не выглядел. Был очень сосредоточен. И не более.

— Вы давно работаете в этом магазине?

— Год.

— А до этого где работали?

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Тоже в системе потребкооперации.

— Где?

— В соседнем районе.

— Почему перешли сюда?

Молчание.

— Не захотел там работать.

— Почему? — Опять молчание. — У меня такое впечатление, что вы чего-то боитесь и не хотите говорить, — сказал я. Ожогин посмотрел на меня. В лице его что-то изменилось. Оно потеряло свое хмурое, сосредоточенное выражение. — Рассказывайте сами, без вопросов.

— Не сработался я с председателем сельпо и ушел.

«Это надо проверить, — подумал я. — Может быть, причина увольнения другая. Уж очень неохотно он говорит об этом».

— Вы на работу ходите в этой обуви? — спросил я.

Он посмотрел на свои сапоги.

— Да, а что?

— Дело в том, что и около трупа, и на территории склада и магазина обнаружены следы разных людей. Наверное, среди них есть и следы тех, кто совершил кражу. Нам бы хотелось их выделить. Поэтому мы определяем следы тех людей, которые бывали там по делам службы. Хотелось бы и ваши установить, чтобы исключить их из поиска.

Ожогин внимательно слушал и смотрел на меня.

— Пожалуйста, — сказал он.

В ящике, наполненном специальным составом, Ожогин сделал отпечатки правого и левого сапога. Эксперт попросил сделать отдельно отпечатки каблуков под углом. Ожогин выполнил его просьбу. После этого мы расстались.

На следующий день эксперт представил результаты исследования. Оказалось, что следы каблуков, обнаруженные около трупа, оставлены обувью Ожогина. По-видимому, это он тащил тело сторожа. Улика серьезная. Нужно немедленно ехать в деревню.

В тот же день я был там. Вместе с участковым мы пришли в дом к Ожогину. Увидев нас, он старался казаться невозмутимым и спокойным. Обыск был долгим и тщательным. В гардеробе среди белья была найдена довольно большая сумма денег, в кладовке в мешках — много крупы, сахара. В кладовке же в тайнике — в двойной стене — женские пуховые платки, импортные кофты, бюстгальтеры, трико, совершенно новые, с этикетками и ярлыками. Когда мы стали доставать из тайника эти вещи, Ожогин, находившийся здесь же, опустился на скамью. Однако лицо его по-прежнему сохраняло угрюмое выражение. При обыске была также изъята пилка по металлу, хранившаяся в кладовке вместе с другими инструментами.

В присутствии тех же понятых был произведен обыск и в магазине. Там были обнаружены чайники — электрический и для заварки чая, стаканы, открытая пачка индийского чая. Ожогин был доставлен в райотдел.

Экспертиза установила, что дужка замка, на который был закрыт склад, перепилена пилкой, обнаруженной в кладовке Ожогина.

В тот же день я предъявил завмагу обвинение в убийстве сторожа и хищении. Он молча, сохраняя хмурое выражение на лице, прочитал постановление, не спеша положил его на стол и молчал.

— Что скажете по поводу предъявленного вам обвинения? — спросил я.

— Да, я виноват, — медленно говорил он. — Я действительно дал снотворное сторожу. Но убивать его я не хотел. В этом моей вины нет. Я только хотел, чтобы он заснул. И все. В убийстве я не виновен.

— Вы дали старому человеку очень большую дозу. Любому ясно, что в результате могла наступить смерть.

— Я не знал, что от снотворного можно умереть. Я хотел, чтобы он крепче заснул.

— Это вас не оправдывает. Вы должны нести ответственность за его смерть. — Ожогин темным неподвижным взглядом смотрел в пространство. — Что вы можете сказать о причастности Пронькина к совершению преступления?

Ожогин перевел взгляд в мою сторону, но меня он не видел. Взгляд его постепенно возвращался из неведомой дали.

— Что? — спросил он. Я повторил вопрос. Он задумался. — Пронькин? Какой Пронькин? Инвалид? — Я утвердительно кивнул головой. — Ничего не знаю. Я с ним никаких дел не имел. А что?

— Вы действовали один?

— Да.

Взгляд его был по-прежнему задумчивым и отрешенным.

— Распишитесь, что вы ознакомлены с постановлением о привлечении вас к уголовной ответственности, — сказал я.

Ожогин расписался, и мы расстались.

«Так, значит, Пронькин совершил кражу самостоятельно, отдельно от Ожогина. Может быть, с ним участвовал кто-то еще? Хотя, судя по следам, других участников не было. Нужно поговорить с Пронькиным».

— Мы установили, — сказал я ему, — что вы совершили только кражу вина. Что вы скажете?

Пронькин смотрел внимательно и испуганно.

— Да, совершил, — неожиданно признался он.

— Расскажите, как это случилось.

— По пьянке. Проснулся ночью, душа горит. А выпить нечего. Все кончилось. Вышел из дома. На улице — темно. Ноги сами понесли меня к магазину. Думал, с Егорычем поговорю. А вдруг у него найдется? Подошел, а ворота открыты. Я позвал Егорыча. Тихо, думаю, может, он там, во дворе. Вошел — никого. Смотрю, а дверь склада — настежь. Я знал, что там — вино. Я туда. Нащупал ящик, схватил и вынес. К забору. Побросал бутылки через забор. Ящик — тоже. Сам перелез, собрал их и — в овраг. И все.

Я записал его показания.

— Почему вы сразу не рассказали? — спросил я. — Ваше молчание могло запутать следствие, и себя вы поставили под угрозу: могло сложиться мнение, что именно вы убили сторожа. Понимаете, к чему могло привести ваше поведение?

Пронькин молча смотрел на меня.

— Я сбился с толку. Вы меня спрашивали об Егорыче, а я ничего не знаю. Помню, что ящик с вином взял, и все. А больше ничего не помню.

«Деградация личности, — подумал я, глядя на отечное лицо Пронькина, трясущиеся руки. — Алкоголик. Ему надо лечиться. Нужно подготовить необходимые документы для суда, чтобы он назначил ему принудительное лечение».

Последующим расследованием было установлено, что Ожогин работая завмагом в соседнем районе, допустил большую растрату, возместил ущерб и был переведен на ту же должность на новое место работы, где и совершил хищение.

Однажды утром, когда расследование по делу заканчивалось, ко мне в кабинет вошел пожилой мужчина, спросил, тот ли я следователь, который ведет дело Ожогина, и, получив положительный ответ, сказал, что я ему нужен. Он представился председателем сельсовета.

— Нас, то есть сельсовет, волнует, кто приходит работать к нам в село. Людей присылают разных, а нас даже не извещают. С Ожогиным тоже такая история вышла. Прислали человека, который уже проворовался. Вроде в ссылку или на перевоспитание. А мы разве не такие же граждане, как все? Там он негож, а у нас сойдет? Центральным комитетом партии, правительством принято специальное постановление о повышении роли Советов, а у нас все по-прежнему. Почему мы, советская власть, не можем обсудить какого-то продавца, который нас будет обслуживать, выяснить, что он за человек и сказать, принимаем мы его к себе или нет? Ответьте мне, пожалуйста, и помогите. Факт налицо. Прислали к нам жулика, он и здесь проворовался. А в ответе мы, у нас — ЧП. А мы к этому ЧП — никакого отношения: человек-то не наш и прислали его к нам без нашего ведома и согласия. Неправильно это. Я в райисполком обращался. Мне сказали, что они этот вопрос решить не могут. Может, вы поможете? Я вас очень прошу.

— Я обещал помочь.

Вскоре дело было направлено в суд, который приговорил Ожогина к лишению свободы. Одновременно за кражу вина был осужден и Пронькин. Суд назначил ему также принудительное лечение от алкоголизма.

СОБРАНИЕ

(Рассказ следователя Сазонова)

В кабинет вошла секретарша Нина Ивановна.

— Вас просит зайти Виктор Сергеевич, — сказала она мне.

— Сейчас?

— Да, — ответила она и вышла.

Я встаю из-за стола и иду в кабинет прокурора. Там сидят прокурор и его помощник по уголовным делам Иван Петрович Сачков.

— Вот такое дело, товарищ Сазонов, — обратился ко мне помощник прокурора. Он был человеком старой закалки и всегда при деловом разговоре обращался на «вы», по фамилии и со словом «товарищ».

«Ну, значит, что-то предстоит официальное, видимо, куда-нибудь пошлют. Наверное, что-то случилось», — подумал я.

— Владимир Алексеевич, — перебил его прокурор, обращаясь ко мне. — Вы знаете, что Сметанин заболел, а у него сегодня назначено собрание в райпищеторге по обсуждению дела кладовщика Акимова. Я тебя прошу съездить туда и провести это собрание. Неудобно откладывать. Не везет нам с этим делом, все какие-то закавыки: то экспертиза тянула, теперь Сметанин заболел, а срок по делу истекает, надо его заканчивать. — «У меня у самого дел по горло», — думал я, слушая прокурора. — Главный упор при обсуждении сделай на недопустимость такого поведения работника склада, материально ответственного лица и остановись на недостатках в контроле и учете

в торге. Понял? Посмотри дело, прочти внимательно постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

— Хорошо, — ответил я.

— Ну, давай, действуй. Больше некому, все заняты. И протокол пусть оформят побыстрее.

— Во сколько там назначено собрание? — спросил я.

— Кажется, в два часа. Но ты позвони, узнай предварительно.

— Хорошо, — говорю я и выхожу из кабинета, прихватив с собою дело. «Вот свалилось на мою голову, — думаю я и иду по коридору к себе в кабинет. — Придется ехать, ничего не поделаешь».

Придя в кабинет, я позвонил директору райпищеторга. Он сказал, что собрание назначено на два часа. Приглашены материально ответственные лица всего торга. Собрание состоится в зале управления райпищеторга.

Я посмотрел дело по обличению Акимова, старшего кладовщика продовольственного склада № 2, которой находится при магазине № 5 и является филиалом основного склада райпищеторга. При ревизии склада у Акимова была обнаружена недостача. В процессе расследования установлены поддельные отчетные документы и факты хищений Акимовым со склада.

В половине второго я поехал в райпищеторг. Когда я приехал туда, все уже были в сборе. Директор представил меня присутствующим и сказал, что я приехал по делу Акимова, которого привлекают к уголовной ответственности за хищения.

Я встал из-за стола и увидел перед собой несколько десятков внимательных глаз. В зале стояла тишина. Все ждали, что я скажу. Я посмотрел на свои записи, вспомнил пухлое дело Акимова, подумал почему-то о складе его и спросил:

— Вы знаете Акимова?

Я спросил зал, и все сидящие в нем хором ответили: — Знаем.

— Он арестован, и его будут судить, — сказал я. — Его будут судить за хищение государственного имущества. Вы знаете его как работника, как кладовщика, а я вам хочу показать его второе лицо, лицо вора. Он украл у государства несколько тысяч рублей. Он работал, встречался с вами, с другими людьми, которые относились к нему как к честному человеку, а он воровал. Как же все это случилось? Как объясняет сам Акимов, вначале у него якобы было все

хорошо. А года полтора назад у него обнаружилась недостача. Почему образовалась эта недостача, он якобы не знает. Он испугался, что его могут привлечь к ответственности за нее, и скрыл ее, составив фиктивные накладные на отпуск товаров со склада. Все обошлось. Недостача не была своевременно вскрыта, и Акимов, воспользовавшись этим, стал продавать со склада дефицитные товары. Поскольку он продавать не имел права, он оформлял продажу через магазин. Иногда оформлял, иногда забывал. Чаще забывал, чем оформлял. При проведении ревизий в этом году у него была установлена большая недостача. И вот результат. В процессе следствия обнаружено много фиктивных накладных и других расходных документов, подделанных Акимовым. ОБХСС следил за Акимовым. Правда, слежка за ним была установлена только в этом году, и поэтому он смог так много украсть. По инициативе ОБХСС у него была проведена ревизия, а затем и инвентаризация. В общем, вина его полностью доказана, и он признался в совершении хищения.

Акимов — вор, и он получит по заслугам, он обвиняется по статье 92 части 2 Уголовного кодекса РСФСР. Мера наказания по этой статье предусмотрена до семи лет лишения свободы. Сколько получит Акимов, решит суд.

Мне хотелось бы несколько слов сказать и о другом, а именно — о тех очень удобных, я бы сказал, для Акимова условиях. В течение полутора лет не было ни одной не только инвентаризации, даже надлежащей ревизии. Никакого контроля за действиями Акимова. Контроль должен быть железным, то есть постоянным, действенным, а проверки — неожиданными. Для честного человека не страшен такой контроль, а для людей типа Акимова он просто необходим. Вы не подумайте, что я или милиция, ОБХСС рады, что поймали Акимова и будут его судить. Мне, например, лично больно и обидно за самого Акимова, за его семью. Ведь у него двое почти взрослых детей. Сыну шестнадцать лет, дочери тринадцать. Сам он воевал на фронте, был ранен, награжден. Таким отцом дети могли гордиться. А что теперь? Что теперь могут сказать они о своем отце? И могут ли они вообще говорить о нем? Им стыдно и больно, как стыдно и больно любому ребенку, когда его отец сидит за воровство. Это я сказал от себя лично, о своем отношении к этому делу.

Но и как следователь я скажу то же самое. Государство совсем не заинтересовано, чтобы его граждане воровали государственное, то есть народное добро и сидели в тюрьме. Чем меньше у нас будет преступлений, чем меньше у нас будет воров, тем лучше всем нам, тем лучше государству. И поэтому, собственно, я и пришел сюда, к вам, пришел рассказать все, что случилось с Акимовым, на его примере предупредить повторение подобных случаев, постараться не допустить совершение нового преступления. Я думаю, и это, наверное, так и есть, что здесь сидят честные люди и добросовестные работники. На это я и рассчитываю и надеюсь, что больше мы не встретимся на аналогичном собрании.

Я прошу меня извинить, так как я несколько уклонился от того, что я хотел вам сказать. Я хотел сказать вот еще о чем. О необходимости постоянного контроля. Если бы был у вас хорошо налаженны учет и контроль — который, кстати, предусмотрен инструкцией о проведении ревизий складов, — если бы вовремя была проведена у Акимова инвентаризация или хотя бы просто надлежащая ревизия, не было бы уголовного дела, не сидел бы, может быть, и Акимов на скамье подсудимых и не было бы этого собрания. Воровство Акимова было бы вскрыто в самом начале. Сумма похищенного не могла бы быть большой, и, следовательно, никто бы не стал возбуждать уголовное дело. Взыскал бы райпищеторг ущерб, наказали бы в дисциплинарном порядке Акимова, предупредили, в худшем случае — уволили или перевели на другую работу, и этим бы дело кончилось. Был бы сохранен честный человек государству, муж — жене, отец — детям, а райпищеторгу — работник. Но контроля не было, Акимов спокойно воровал, не боясь, что может быть разоблачен.

Я считаю, что на этом собрании вы все должны не только высказать свое отношение к преступлению, совершенному Акимовым, но и обсудить недостатки, которые существуют в райпищеторге, если они есть, которые мешают вам всем нормально и спокойно работать и которые однажды для кого-нибудь из вас могут оказаться роковыми, хотя я думаю, что такого не произойдет.

Я сел. В зале стояла неподвижная тишина. Затем кто-то пошевелился, кто-то кашлянул. Секретарь, склонившись над столом, быстро писала протокол. Встал директор.

— Товарищи, кто хочет высказаться? — спросил он. Никто ничего не ответил. Все сидели и молчали. — Кто хочет сказать? — вновь обратился он к присутствующим.

Встала молодая женщина.

— Смирнова — моя фамилия. Я работаю бухгалтером склада № 1. Я не знаю, что произошло с Акимовым, не видела. Но раз доказано, что он воровал, пусть отвечает. Если его будет судить суд, пусть и судит по закону, пусть дает, что заслужил. Я хочу сказать о другом. Порядки у нас в райпищеторге не совсем правильные еще. Я так считаю. Может, я не права, тогда пусть об этом скажут другие. Я хочу сказать о нашем складе. Помещение нашего склада старое, не совсем приспособленное к хранению товаров. Во время дождя в некоторых местах крыша склада протекает, проветривается склад плохо, в нем очень сыро. Товары, естественно, портятся. Вот недавно привезли к нам на склад кашу гречневую, полуфабрикат. В продаже она идет плохо, лежала у нас на складе. А на днях мы посмотрели с Бойковой Надей эту кашу, она вся покрылась плесенью от сырости. Пускать в продажу ее нельзя, может быть отравление. Ее нужно списывать. А каши этой у нас на несколько тысяч рублей. В прошлый раз рыбу копченую списывали, теперь кашу. Списываешь, а у самой сердце кровью обливается: люди готовили ее, сколько труда вложили, а мы все сгноили. Сколько денег государственных на ветер. Правильно ли это? Нет, не правильно. Нужно что-то делать, Иван Сергеевич, — обратилась она к директору торга. — Так дальше нельзя. Комиссию образовать и списать испорченные товары просто и легко, а надо не допускать порчу, надо отремонтировать склад. Под видом испорченных товаров можно списать и качественные. Было ведь такое у Акимова. У меня все. — И она села.

— Вопрос о ремонте склада перед исполкомом мною поставлен еще в прошлом году, но они говорят, что сейчас нет на это средств, — сказал директор торга, вставая. — Кто хочет еще что-либо сказать?

Следующим выступил заведующий магазином. Он говорил о недостатке транспортных средств для подвозки продуктов, о поломках холодильной установки в магазине, еще о чем-то, о том, что Акимов за совершенное им преступление пусть отвечает по закону, что своим преступлением он подвел весь коллектив торга, что-то говорил

еще... Я слушал его невнимательно, так как думал о том, что необходимо написать представление в исполком и, может быть, даже в райком о необходимости срочного производства ремонта складов райпищеторга.

Выступили еще несколько человек, которые осуждали преступление Акимова, предлагали направить в народный суд представителя от торга общественным обвинителем. Собрание избрало общественным обвинителем заместителя председателя профсоюзного комитета Богомолова В.А.

По возвращении в прокуратуру я доложил прокурору о проведенном собрании и предложил написать представление о ремонте склада райпищеторга.

— Хорошо, подготовьте проект представления. Обсуждение в коллективе было полезно, — ответил он.

ДРАКА НА ТАНЦПЛОЩАДКЕ

Рано утром в понедельник дежурному райотдела внутренних дел позвонил из деревни Крюково участковый уполномоченный Воронов. Он сообщил, что в воскресенье вечером на танцплощадке возникла драка, в которой приняли участие молодые парни. В результате имеются потерпевшие. У одного выбиты зубы, у другого сломана рука. У многих — ссадины и шишки. И вот теперь следователь прокуратуры Сазонов ехал в деревню, чтобы на месте оперативно разобраться со случившимся и принять необходимые меры.

— Участковый уже выяснил, кто дрался, то есть виновные установлены, — сказал ему перед отъездом прокурор. — Но все равно внимательно все расследуйте.

В деревне автомашина сразу подъехала к зданию сельсовета, одну из комнат в котором занимал участковый инспектор. Он спал, сидя за столом. От стука двери проснулся, встал.

— Почти всю ночь пришлось работать, — сказал он.

Сазонов попросил участкового подробно рассказать о случившемся.

— По субботам, воскресеньям у нас в клубе проводятся различные мероприятия: концерты, кино, танцы, — начал свой рассказ участковый. — Вчера были танцы. Я присутствовал там с самого начала. Поскольку вечер был душный, теплый, то люди перешли из клуба на танцплощадку и танцы продолжались на улице. Все было спокойно. Я последил некоторое время. Потом решил пройти по

деревне, посмотреть, как дела. Затем сюда, в сельсовет. Со сторожем посидели, покурили. Отсутствовал я не больше часа. С танцплощадки доносилась музыка. Я уже хотел вернуться, посмотреть, все ли там в порядке. Вдруг послышались крики, визг, музыка оборвалась. Я понял, что там что-то случилось, и побежал туда. На танцплощадке была драка. Дрались молодые парни. Некоторые были с палками. Девушки, другие парни их удерживали. Я всех знаю и запомнил, кто что делал. Поэтому потом мне легко было с ними разговаривать. Вовремя прибежал. Я сразу дал свисток, вытащил пистолет и выстрелил вверх. Все побежали в разные стороны, среди убегающих я увидел Мохова Николая. У него все лицо было в крови. На земле остался лежать Дронов Петр. Его я отвел в медпункт. Пришла сестра. У него оказалась сломана рука. Огромная шишка на голове, синяки на теле. Я пытался с ним поговорить, но он ничего не мог толком сказать. Таращил на меня бессмысленные глаза и издавал бессвязные звуки. Он был пьян. Сейчас он находится там, в медпункте. Нашел я и Мохова. Тот спал на дворе около своего дома. Разбудить мне его не удалось. Он тоже был пьян. В таком же бессознательно пьяном состоянии находились и некоторые другие участники драки. От них мне ничего не удалось добиться.

Девушки, трезвые парни рассказали, что вначале эти ребята вели себя нормально, танцевали. А потом, наверное, выпили. Стали, качаясь, ходить по танцплощадке, задираться. Дронов ругался нецензурно. Ему сделали замечание. Мохов сказал, чтобы он заткнулся. Дронов ударил его. Тот упал, ударился лицом о скамейку. Выхватил штакетину и бросился на Дронова. Сразу образовалась общая свалка, которую я и застал. На танцплощадке я нашел две палки-штакетины, одну из которых бросил Мохов. Вот, собственно, и все, что мне удалось установить, — закончил свой рассказ участковый Воронов.

— Так, в общем, ясно, — сказал Сазонов. — Необходимо выяснить, как была сломана рука Дронова и выбит зуб Мохову. И еще. Откуда у них спиртные напитки? Удалось установить, что они пили?

— Нет, не удалось. Для меня это тоже загадка. По субботам у нас магазин не торгует спиртными напитками. А на прошлой неделе вообще их не было в продаже. Мы сейчас ведем большую работу с целью полного запрета торговли спиртным. Думаем на следующей неделе провести общий сход, обсудить этот вопрос и принять

решение. Но пока еще не все согласны. Некоторые считают, что пока необходимо существенно ограничить продажу, но не запрещать полностью. Говорят, что водка необходима в лечебных целях, особенно для людей, которые работают в любую погоду и зимой на улице. Разъясняем людям. Думаем дойти до конца. Но и сейчас пить стали значительно меньше. Знаете, — вдруг оживился участковый, — у нас за последнее время возродились некоторые старинные игры, например, лапта. Многие стали играть в футбол, волейбол, девушки по воскресеньям водят хороводы, поют. И парни участвуют. Я считаю, это происходит потому, что меньше пить стали. А откуда эти взяли водку — ума не приложу.

— Итак, преступление налицо: Дронов, Мохов и другие нарушили общественный порядок, устроили на танцплощадке пьяную драку, ругались нецензурно. Хулиганство. Возбуждаем уголовное дело и начинаем работу. Вначале осмотрим танцплощадку, а затем поговорим с участниками драки и свидетелями, — сказал Сазонов.

Осмотр танцплощадки ничего не дал. На ней не было обнаружено что-либо, имеющее отношение к делу. После этого Сазонов попросил Воронова пригласить парней, участвовавших в драке. Вскоре тот вернулся. С ним были две девушки.

— Надо же так напиться, — сказал Воронов. — До сих пор в себя прийти не могут. — Сазонов вопросительно посмотрел на него. — Лежат пластом, не встают. Родственники отпаивают их. В общем, очень плохо себя чувствуют. Некоторых до сих пор рвет. Надо же так напиться...

Девушки рассказали, что, когда Дронов ударил Мохова, тот упал, ударился лицом о скамейку и выбил зуб. Схватил штакетину и стукнул ею Дронова. Тот подставил руку. Тут началась общая свалка, и они убежали.

— Все были так взволнованы. До сих пор вспоминают с ужасом. До драки было так хорошо, весело. Парни испортили нам вечер, — заключили они.

После этого Сазонов вместе с участковым Вороновым пошел в медпункт, чтобы поговорить с Дроновым. Их встретила сестра. Она задумчиво сидела за столом, опухшие от бессонницы глаза. Она провела их в другую комнату, в которой стояло три железные кровати. На одной из них, бледный, с закрытыми глазами, лежал моло-

дой парень, предплечье левой руки было забинтовано. И хотя окно было открыто, в комнате стоял отвратительный, рвотный запах. На второй кровати спала немолодая женщина.

— Что с ним? — негромко спросил Сазонов.

— Я думаю, — также шепотом ответила сестра, — сильное алкогольное отравление. Видимо, много выпил. Я ему промыла желудок, сделала укол. Пока нет заметного улучшения. — В это время женщина, спавшая на кровати, проснулась. Увидев участкового и Сазонова, встала, поправила прическу. Подошла к молодому человеку, положила ему руку на лоб. — Это мать Дронова, — сказала сестра. — Я ее попросила прийти сюда, когда ему было плохо.

— А можно с ним поговорить? — спросил Сазонов сестру.

— Петя, Петя, — сказала мать, трогая рукой щеку сына.

Голова его болталась на подушке, но глаз он не открывал. К Дронову подошла сестра, похлопала ладошкой по щекам — он не просыпался.

— Нет, ничего не получится. Надо подождать, — сказала она.

На глазах матери навернулись слезы. Она их молча вытерла. Сазонов спросил, не знает ли она, что пил ее сын.

— Не знаю. У нас дома не было спиртного. И давно уже нет.

— А у других ребят было?

— Не знаю. Сын ничего еще не говорил.

Другие парни находились в аналогичном состоянии. Разговаривать с ними было невозможно. Тогда Сазонов опросил свидетелей событий, которые произошли на танцплощадке, пытаясь выяснить, откуда на танцплощадке появились алкогольные напитки, кто их туда доставил. Ничего установить не удалось. Никто из свидетелей ничего не видел и не знал.

Только к обеду парни стали приходить в себя. Первый разговор состоялся с Дроновым.

— Расскажите, что вчера произошло на танцплощадке? — спросил Сазонов.

Дронов напряженно смотрел на Сазонова, видимо, стараясь вспомнить вчерашние события.

— У меня очень сильно болит голова, — наконец сказал он. — Я ничего не помню.

— Что с вашей рукой?

Дронов перевел взгляд на руку, пощупал ее правой рукой.

— Болит, — сказал он. — А что с ней, не знаю.

Дронов был очень бледен. Казалось, что даже посветлели его глаза. Они были какими-то необыкновенно прозрачными. «Странно, — подумал Сазонов. — Провал памяти. Видимо, он очень много выпил».

— Сколько вы выпили?

Дронов медленно перевел глаза на Сазонова, подумал.

— Один стакан, — ответил негромко он.

— Водки? — спросил Сазонов.

Дронов молчал, хмуро смотрел в окно.

— Не помню, — ответил он, не глядя на Сазонова.

«Непонятно, — подумал Сазонов. — Помнит, что выпил стакан, а чего — забыл. Не хочет говорить? Почему? Не желает рассказывать о том, откуда спиртное? Может быть, самогон? Возможно. Не хочет выдать самогонщика? Наверное».

— Может быть, самогон пили? — спросил Сазонов. Дронов опустил голову. — Кто угощал? — Дронов молчал. — Просили, наверное, не выдавать? Да? — Дронов отвернулся и хмуро смотрел в окно. — Подумайте, кого вы скрываете. Вас отравили. И не только вас. Многие находились в очень тяжелом состоянии. Хорошо, что сестра, родные приняли необходимые меры, а то неизвестно, чем все это могло кончиться. А вы не хотите сказать об этом отравителе. Если вы не скажете, он отравит других своим зельем. Это уже не шуточное дело.

— Я его не знаю, — негромко сказал Дронов. Сазонов молча смотрел на него. — Правда, я его не знаю, — повторил он, глядя на Сазонова.

— Расскажите, как он выглядел, где вы с ним встретились?

Дронов подумал некоторое время.

— Ему лет 40—45. В капроновой шляпе. В очках. Он сидел в кустах на скамейке недалеко от танцплощадки. Самогон напивал из пластмассовой канистры. За стакан я ему уплатил три рубля. Он говорил: мужики, вы меня не выдавайте. Я же для вас стараюсь.

— Расскажите, что вы делали после того, как выпили? — спросил Сазонов.

— Пошел на танцплощадку, танцевал. — Сазонов молча смотрел на Дронова. — А что еще? Я больше ничего не помню. — Он посмотрел на Сазонова.

— Кто вас привел сюда?

— Не знаю. Не помню. — Он напряженно старался вспомнить. — Ничего не помню. Честное слово.

Аналогичные показания о мужчине, продававшем самогон, дали и другие парни. Они также сказали, что мужчина находился в кустах, откуда он пришел и как, никто не видел. И куда он ушел, после того как продал самогон, никто не знал. Выяснить у них, кто начал драку, кто сломал руку Дронову, не удалось. Парни тоже ничего не помнили.

«Какое-то странное опьянение, — думал Сазонов. — Может быть самогон был недостаточно очищенным и парни отравились сивушными маслами? Нужно, наверное, взять у них кровь на анализ». Сазонов сказал об этом сестре. Она взяла кровь у всех, кто пил самогон. Кроме того, ей удалось собрать в пробирку рвотные массы. Все это тотчас же было отправлено в районный центр в лабораторию для анализа. Приближался вечер, а о мужчине, который продавал самогон, ничего не было установлено. Его нужно было обязательно найти. Как? Сазонов долго думал. Неужели его никто не видел? Не может этого быть. Танцующие, допустим, не видели — он сидел в кустах. Но до кустов он как-то добрался и из кустов тоже не испарился. Капроновая шляпа, очки, канистра... Он должен был обратить на себя внимание жителей деревни.

— Послушайте, — обратился Сазонов к участковому Воронову после разговора со всеми участниками драки и свидетелями. — Давайте проведем общее собрание и поговорим с людьми. Надо найти этого мужчину. Я думаю, там удастся кое-то выяснить.

Участковый согласился.

Собрались жители деревни на улице, рядом с танцплощадкой.

— Товарищи, — сказал Воронов. — Вчера у нас случилось ЧП. Вы все знаете, на танцплощадке произошла пьяная драка. В связи с этим к нам приехал следователь прокуратуры. Представляю ему слово. Он вам объяснит, зачем вас собрали.

— Я хочу, — сказал Сазонов, — обсудить с вами один вопрос. Вашим парням, которые затеями драку, продал самогон неизвестный мужчина. — Сазонов назвал приметы, о которых рассказали ему допрошенные. — Кто видел, как этот мужчина появился в деревне, куда ушел или уехал? Может быть, кто-нибудь покупал самогон?

По нашим данным, он продавал некачественный, ядовитый самогон, которым отравил ваших парней. Он может травить и других. Помогите его найти.

Как только Сазонов закончил говорить, поднялось несколько рук. Многие хотели сказать. Первой встала пожилая женщина.

— Этот мужчина, — сказала она, — приехал на машине красного цвета. Поставил ее в переулке возле нашего огорода. В светлой шляпе, правильно, светлом пиджаке. И с канистрой. Пошел в сторону клуба. Я думала, он на колодец за водой пошел. Я на огороде была. Видела. А когда он уехал, не знаю.

— Какая марка машины? — спросил Сазонов.

— По-моему, «Москвич». Я не очень в них разбираюсь. Говорили многие. Кто-то видел, как он шел к машине, кто-то — как уезжал. Одному мужчине «Москвич» встретился на улице.

— Я вначале подумал, что это Николай, мой свояк. У него точно такой «Москвич». А потом смотрю, номер не тот вроде. Я посмотрел вовнутрь. Вижу — мужик незнакомый. Он был без шляпы и без очков. Пиджак — светлый. — Мужчина назвал номер «Москвича», хотя и не очень уверенно. «Это ниточка, — подумал Сазонов. — Может быть, с ее помощью удастся распутать весь клубок». И хотя еще говорили несколько человек, которые видели мужчину и «Москвич», но больше никто номера машины не запомнил и нового ничего не сказал. В основном, высказывали различного рода предположения.

— А что будет нашим ребятам? — раздались голоса после того, как Сазонов, поблагодарив всех, сказал, что собрание окончено. Он предвидел этот вопрос и был готов к нему.

— А что вы сами думаете? — спросил он.

Все молчали. — Совершена драка, людям испорчен вечер. У одного человека сломана рука. Это чистейшей воды хулиганство, то есть уголовное преступление...

— Ну, это по пьяной лавочке. Мужик виноват. Он их подпоил, — сказал кто-то.

— С мужика мы спросим, — сказал Сазонов. — По всей строгости закона. Но и парни виновны. Никто их не принуждал пить. Более того, они платили по три рубля за стакан. — Сазонов помолчал, давая прочувствовать сказанное. — Однако пили не все, хотя им тоже предлагали. Например, Николаю Соловьеву, другим. И остались

нормальными людьми. Вели себя, как подобает. Если б не они, неизвестно, что могли натворить Дронов, Мохов, другие, хлебнувшие зелья. Трезвые их удержали. Парни взрослые и полностью отвечают за свои поступки. Алкогольное опьянение не смягчает, а отягощает вину и, следовательно, усиливает ответственность. Они сами сознательно привели себя в это состояние. — Сазонов видел перед собой сосредоточенные, серьезные лица. Все внимательно смотрели на него. — И вы все тоже виноваты в том, что произошло. Сейчас всем миром ведется борьба с пьянством, насколько мне известно, ваша деревня намерена отказаться от продажи алкогольных напитков и их употребления вообще, совершенно правильное решение. Вы все, наверное, почувствовали, что спокойнее стало на наших улицах, в местах общественного пользования. И нужно продолжать это дело. Недосмотрели один раз. А каков результат? Уголовщина. И, наверное, будут судить виновных. А если бы не допустили этого самогонщика, предупредили выпивку, не было б и ЧП. Потанцевали, весело и хорошо провели время. Все были бы довольны. А теперь что хорошего? Ничего. На всей деревне пятно, а самим хулиганам, их родственникам каково?

— Больше такого не случится, — сказал кто-то.

— Хорошо, если не случится. И не должно. А о парнях мы с вами еще поговорим отдельно, когда найдем этого мужчину, узнаем, что за зелье он продавал. И когда вообще все по делу будет ясно. Тогда и будем решать, что делать с любителями выпить и в пьяном состоянии похулиганить, подраться.

На этом собрание закончилось. Все стали расходиться. Сазонов вместе с участковым Вороновым направились в сельсовет. Оттуда он сразу позвонил в районный центр, в ГАИ и попросил узнать, кому принадлежит автомашина «Москвич» с названным мужчиной номером. Через некоторое время оттуда сообщили, что такой номер в ГАИ не зарегистрирован.

«Мужчина, наверное, неправильно запомнил номер. На самом деле он другой», — подумал Сазонов и поделился этой мыслью с участковым. Тот тоже задумался.

— А знаете, — сказал он. — Этот самогонщик может быть из соседнего района. Граница-то недалеко, за полями нашего колхоза проходит. Туда надо бы позвонить, узнать.

— А как туда позвонить? — спросил Сазонов.

— Только через районный центр.

Сазонов снова позвонил в ГАИ и попросил связаться с соседним районом. Через некоторое время раздался звонок, и работник ГАИ сообщил, что хозяин автомашины установлен. Это — Гусев Петр Николаевич. Назвали его адрес.

Сазонов вместе с Вороновым и тремя парнями, хорошо запомнившими мужчину, тотчас выехали в соседний район, в указанную деревню. Воронов предложил заехать к участковому Коровину, обслуживающему эту деревню, который был ему знаком, и вместе с ним навестить самогонщика. В кабинете участкового Коровина Сазонов рассказал план необходимых действий. Воронов и Коровин согласились.

Парни вместе с Вороновым остались в кабинете, а Сазонов с участковым Коровиным поехали за Гусевым. Вначале, как было условлено, заехали в два дома, и участковый пригласил двух мужчин в возрасте 40—45 лет. Участковый взял у знакомых жителей деревни три капроновые светлые шляпы и очки. Затем подъехали к большому кирпичному дому, обнесенному высоким забором. Ворота оказались заперты. Когда участковый постучал, во дворе хрипло залаяла собака. Открылась и тотчас закрылась занавеска на окне. Минут через пять послышался женский голос:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — сказал Сазонов.

— Хозяин дома? — спросил участковый, первым входя во двор.

Женщина узнала его, поздоровалась, настороженно и, как показалось Сазонову, испуганно глядя на Коровина.

— Дома, дома, — ответила она. — Проходите в дом. Цыц, ты, — крикнула она на огромного лохматого пса, рвавшегося с цепи и исходящего злобным лаем.

Участковый сразу прошел в дом. Там сидел Гусев, который настороженно смотрел на участкового. Тот протянул ему руку.

— Послушай, Петр, — обратился к нему Коровин. — Есть дело. Надо помочь. Не надолго. Там еще мужики есть. Плетнев, Захаров. Пошли.

Тот опустил голову, помедлил.

— Ну, если надо, значит, надо. Пошли. Я сейчас, — сказал он жене, которая тоже вошла в дом и стояла около двери.

Она ничего не ответила.

Сазонов, участковый и Гусев вместе вышли на улицу. Следом за ними вышла и жена Гусева. Увидев знакомых мужчин, сидящих в машине, Гусев успокоился.

В кабинете участкового их посадили рядом, попросили одеть капроновые шляпы и очки. Эта процедура привела Гусева в волнение. Он, видимо, начал догадываться, что она означает. А когда вышел Мохов и стал внимательно рассматривать сидящих мужчин, он побледнел и опустил голову.

— Сидеть прямо, — сказал Сазонов. — Голову опускать нельзя.

Гусев поднял голову, глядя в сторону. Мохов его опознал за того мужчину, который продавал самогон. Опознали его и другие парни.

После этого в доме Гусева был произведен обыск. Нашли самогонный аппарат, три пластмассовые канистры с самогоном, светлую капроновую шляпу, светлый пиджак, деньги — около тысячи рублей. В сарае, где находился самогонный аппарат, обнаружили также трехлитровую стеклянную банку с темной жидкостью с густым запахом табака. В автомашине «Москвич», стоявшей в гараже, была найдена пустая светлая пластмассовая канистра с остатками жидкости, пахнущей самогоном.

После этого были проведены очные ставки Гусева с парнями. Те подтвердили, что именно он продавал им самогон. Гусев тоже не отрицал этого.

— Ну и что? — сказал он. — Да, я продавал. А если у государства не купишь, а людям хочется? Что я, обокрал кого, убил? Они сами добровольно покупали и просили еще привезти. Путь государство обеспечивает. Пусть экономически вытесняет частника, как сейчас говорят по телевизору.

— Заниматься самогоноварением запрещено законом, — сказал Сазонов. — За это установлена ответственность, вплоть до уголовной.

Гусев махнул рукой.

— Запрещали раньше торговать цветами, овощами, фруктами. Для запрета много ума не надо. А надо дело организовать. На Руси никогда не считалось грехом пропустить чарочку. А сейчас попробуй это сделать... Настоишься в очереди. Правильно это?

Сазонов молча смотрел на Гусева.

— Вы совсем не то говорите, — сказал Сазонов. — Во-первых, никогда не запрещали торговать цветами и овощами.

Гусев иронически хмыкнул.

— Не запрещали... А как гоняли старушек, которые продавали на улице. А облавы, обыски, которые устраивали на дорогах при выезде в город...

— Это была борьба со спекуляцией...

— Спекуляцией. Со своего огорода. Вы этого не знаете, а я на себе испытал. Сейчас-то разрешили эту, как вы говорите, спекуляцию. Торгуй. Только отбили у людей охоту, запугали.

— У вас отбили? — Гусев недружелюбно посмотрел на Сазонова, но ничего не ответил, отвернулся. — Вы теперь перешли на торговлю самогоном. Доходное дело. — Гусев молчал, глядя в окно. — Алкоголь — это не продукт питания, необходимый ежедневно. Он причиняет зло обществу, отдельным людям. Зло, которое вы совершили, заключается не только в том, что напоили парней. В результате произошла драка, испорчено людям настроение, сорвано культурное мероприятие, нарушен общественный порядок. У одного парня сломана рука, многим причинены телесные повреждения...

— Умного человека никакое вино не испортит. А дурак, он и трезвый, и пьяный дурак. Ему пить нельзя, — перебил Сазонова Гусев.

— До вашего зелья они все вели себя нормально. Так было бы и до конца, если б не появились вы, — сказал Сазонов.

— Все сразу, как только выпили, бросились в драку? — спросил с вызовом в голосе Гусев. — Один, наверное, нашелся дурак. В семье не без урода. Но зато другим было хорошо. Стаканчик настроение поднимает. И сразу все вокруг становится прекрасным. Для чего же люди выпивают?

— От вашего напитка они чуть не умерли, отравились.

— Вот этого не надо, не надо. Напиток у меня чистый. Все сделано, как надо. И из собственных яблок. Со своего сада. И из своей картошки. Пить надо уметь.

— Насколько он чистый, мы еще проверим, — сказал Сазонов, — и поговорим попозже. — Гусев бросил быстрый взгляд на Сазонова, но ничего не ответил.

Последующим расследованием было установлено, что Гусев торговал самогоном не только в деревнях, доставляя его туда на авто-

машине, но и продавал на автостраде проезжающим водителям, создавая тем самым условия для аварий. Экспертиза дала заключение, что в самогоне, который Гусев продавал около танцплощадки, содержался настой табака. По-видимому, Гусев добавлял его в самогон. В результате у молодых людей, выпивших этот самогон, наступило отравление, которое могло сопровождаться потерей сознания.

— Это очень серьезное дело, — сказал эксперт Сазонову. — Такое отравление может привести и к смертельному исходу. В данном случае все обошлось потому, что парни молодые и физически здоровые, выпили самогон в сравнительно небольших дозах и после еды. Кроме того, своевременно были приняты необходимые профилактические меры.

При очередной встрече с Гусевым Сазонов все это сказал ему. Тот спокойно выслушал.

— Ерунда все это, — сказал он. — Люди курят табак, никотин сразу в кровь поступает, и ничего. Никто не умер. А в желудке все рассосется. Зато с табачком крепость у самогона повышается. И он чище становится. Табак все в нем убивает, любую грязь. По себе знаю. Так что не надо меня пугать.

— Самогон с настоем табака — ядовитый напиток. Такое заключение дала экспертиза. В нем никотин. Кроме того, он содержит сивушные масла. И то и другое — яд. Так что вы поили молодых людей опасным для жизни зельем. При этом делали это, как видно из ваших высказываний, сознательно. Поэтому ваши действия содержат признаки еще одного преступления — покушение на убийство.

— Чего? — спросил Гусев. — Какого убийства? Никакого убийства. Вы что? Кого я убил?

— К счастью, не убили. Но могли лишить жизни многих. А продажа самогона водителям? Это тоже создание условий для аварий, и, возможно, со смертельным исходом.

— Умный за рулем пить не будет. А дураку ничем не поможешь.

— Сами себя, Гусев, вы посадили на скамью подсудимых. Зачем вам это было надо? Чего вам не хватало? Живете вдвоем с женой, оба работаете.

Гусев молча, потемневшим взглядом смотрел на Сазонова.

— Дочь у меня. В городе, в институте. Сам рос во время войны, в послевоенную голодуху. Хотелось, чтобы у нее все было, как надо.

— А результат? Теперь у нее отец — преступник.

От этих слов Гусев дрогнул. У него словно что-то сломалось внутри. Он как-то сник. Лицо приобрело жалкое выражение. Казалось, он заплачет. Гусев отвернулся и молча стал смотреть в окно...

От колхоза Сазонов получил письменное ходатайство о передаче Дронова и Мохова на перевоспитание коллективу. В ходатайстве указывалось, что раньше они никогда не совершали хулиганских или других противоправных действий. Происшедшее — результат алкогольного опьянения и отравления. Дронов и Мохов дали коллективу слово, что больше никогда подобного с ними не случится. Данное ходатайство Сазонов приобщил к уголовному делу, которое после окончания расследования было направлено в суд. Вскоре оно было рассмотрено. Дронова и Мохова приговорили к условной мере наказания и передали на перевоспитание коллективу колхоза, Гусева — к лишению свободы.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ

От Комитета народного контроля трикотажного объединения к нам поступил материал о приписках в раскройно-швейном цехе, — сказал прокурор, передавая папку с бумагами следователю. — Комитет считает, что там, возможно, совершено преступление. Я согласен с этим мнением. Прошу вас все тщательно проверить, и, если предположение подтвердится, виновные должны быть привлечены к уголовной ответственности.

— Хорошо. Я немедленно займусь этим делом. — Следователь Сазонов взял папку и вышел из кабинета.

Следователь, долго и внимательно изучал переданные прокурором документы, делал выписки, заметки. В письме Комитета народного контроля сообщалось о том, что в цехе, начальником которого является Глазов М.П., в течение последнего полугода допускались приписки в нарядах. Общая сумма их составляет около восьми тысяч рублей. Наряды с приписками, в основном, составлялись мастерами Основиной Т.К. и Карпухиным П.Н. В письме указывались номера этих нарядов.

«Что делать? — традиционный вопрос, возникающий перед следователем в начале расследования. — Прежде всего необходимо выяснить порядок составления нарядов. Наверное, нужно поговорить с начальником цеха. Он одновременно даст характеристику мастерам, составлявшим наряды, их деловым и личным качествам».

На следующий день перед Сазоновым сидел моложавый ухоженный мужчина, благоухающий одеколоном «В полет». Следователь попросил его рассказать о порядке составления нарядов, принятии выполненной работы, движении полуфабрикатов и готовой продукции. Он также поинтересовался, что за люди мастера Основина и Карпухин.

— Наряды выписывают мастера каждому рабочему на выполнение той или иной работы. После того как она сделана, мастер принимает ее и закрывает наряд, который поступает после этого в отдел труда и заработной платы. — Глазов посмотрел на следователя, который записывал его показания, помолчал некоторое время и продолжал: — К нам в цех поступает трикотажное полотно. Оно раскраивается на детали, а затем швеи-мотористки их сшивают. Готовая продукция — верхний женский трикотаж — принимает ОТК. Далее она поступает на склад. Вот и все. — Он опять взглянул на следователя, помолчал. — О мастерах. Карпухин — молодой работник. Он пришел к нам после окончания института. Работает два года. Толковый, исполнительный. Поначалу слабо разбирался в производстве, но сейчас освоился. Вполне справляется со своими обязанностями. Комсомолец. Активный. Самодеятельность в цехе организовал. Секретарь цехкома комсомола. Основина давно работает. Выросла на предприятии. Сначала была швеей-мотористкой. Потом окончила техникум и вот уже несколько лет работает мастером. Она производство знает очень хорошо. Подскажет, поможет любой работнице.

Сазонов молча писал.

— Вы обсуждали этот случай в коллективе?

— Да, у нас было совещание руководства цеха.

— И к какому выводу пришли?

— Решили, что имеют место приписки. У нас и раньше были единичные случаи. Основина и Карпухин отрицают, говорят, что не приписывали.

— И что решили?

— Пока ничего. Ждем результатов расследования.

Сазонов молча посмотрел на Глазова, продолжал писать. Закончив писать, он попросил Глазова прочитать написанное и, если все правильно, расписаться. Внимательно прочитав протокол допроса, тот подписал его и, попрощавшись, вышел.

«Ждут окончания расследования. Они там работают и не знают, что у них происходит. А я должен во всем разобраться. Легко сказать. Как это сделать? — Сазонов подошел к столу, взял сигарету, не спеша размял ее, закурил. — Но, с другой стороны, я за свою работу получаю заработную плату и обязан все выяснить. Они создают продукцию, выполняют свои производственные обязанности. И, может быть, действительно ни Основина, ни Карпухин, ни рабочие, ни, наконец, начальник цеха не знают, как это случилось. Возможно, кто-то все это делает помимо них. А может быть, и у кого-то из них рыльце в пушку, но не хотят признаться. Факт приписок налицо. И я должен установить, кто и зачем это сделал. — Сазонов долго стоял посреди комнаты, курил. — Необходимо поехать в объединение, ознакомиться с обстановкой, поговорить с рабочими».

На следующий день Сазонов долго наблюдал из конторки начальника цеха за работой участка, прошел на склад готовой продукции. Затем зашел в отдел труда и заработной платы, изъял все наряды, в которых был завышен объем работ. Эти наряды были подготовлены народными контролерами. Еще раз прочитал письмо Комитета народного контроля, осмотрел внимательно наряды. Оказалось, что приписки имелись в нарядах многих рабочих.

«Возможно, приписки производились с целью увеличения заработной платы, — подумал он. — Такое иногда встречается. Необходимо поговорить с этими рабочими», — решил следователь. Он вернулся обратно в конторку начальника цеха и попросил пригласить по очереди работниц, у которых были приписки. Первой вошла средних лет женщина, настороженно глядя на него, села к столу. Сазонов показал ей наряд, подписанный мастером Карпухиным, и попросил ее рассказать, как он был закрыт.

— Я не помню, как он был закрыт, — медленно говорила она, и было видно, что она усиленно пытается вспомнить. — Но я хорошо помню этот заказ на женские трикотажные кофты. Они всем нам очень понравились. С красивой отделкой и недорогие.

Следователь посмотрел на нее.

— В этом наряде завышен объем работ. На самом деле вы сделали меньше, чем здесь указано.

— Такого не может быть. Мастер этого не допустит. Карпухин — очень честный человек. Он никогда лишнего не запишет. И зачем,

собственно? Что заработал, то и получай. Иначе никто ничего делать не будет. Деньги за так не платят.

— А Основина приписывает?

Нет, она еще более требовательна. Пока продукция не готова, она ни за что не подпишет наряда. Она говорит: «Один раз позволь, потом не будет отбоя». Я считаю, что правильно. Нашему брату только один раз дай слабинку — на шею сядут.

Аналогичные показания дали все опрошенные рабочие. Ни у одного из них не прозвучало даже намека на то, что мастера допускали приписки.

Допрошенные Основина и Карпухин категорически утверждали, что они не завышали объемов работ. Однако они не могли объяснить происхождение приписок.

Сазонов был в недоумении. «Если рабочие говорят правду, а не верить им нет никаких оснований, значит, приписок нет. Что же тогда есть? — Снова, в который раз он начал перечитывать документы, представленные народным контролем. — “Перерасход фонда заработной платы по цеху за счет приписок в нарядах составил более восьми тысяч рублей”. Необходимо разобраться в хозяйственном механизме образования фонда заработной платы, его расхода, связи с нарядами. Нужно изучить порядок определения результатов экономической деятельности предприятия. Побеседовать с работниками планово-экономического отдела, изучить литературу. Лучше начать со второго», — решил Сазонов. Он несколько часов провел в библиотеке, листая толстый труд под названием «Экономический анализ деятельности промышленных предприятий». После чего понял, что заключение Комитета народного контроля основано на сопоставлении планового фонда заработной платы цеха и его фактического расхода.

Однако такого сопоставления недостаточно. Необходим также анализ и количества произведенной продукции, использованных полуфабрикатов. Сазонов позвонил в Комитет народного контроля объединения. Ему сообщили, что по другим показателям — количеству произведенной продукции, расходу полуфабрикатов — цех уложился в плановые показатели. Перерасходован только фонд заработной платы. Перерасход произошел за счет приписок в нарядах.

В них указано, что работ и, следовательно, продукции произведено больше, чем на самом деле.

«По документам действительно получается так, — думал Сазонов, положив трубку. — И на этом основании можно предъявить обвинение мастерам и дело направить в суд. Доказательств достаточно. Тем более подозреваемые никак не опровергают этого. Голословное отрицание своей вины может быть признано как форма защиты. Так. Но, с другой стороны, как быть с показаниями семнадцати рабочих, которые, будучи предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, категорически отрицали даже саму возможность приписок. Не все они положительно относились к мастерам, критиковали их некоторые действия, высказывали недовольство, но никто не подтвердил приписок. Сговор? Весь цех сговорился скрыть злоупотребления? Вряд ли. Где же истина?» Сазонов снова стал читать бумаги. «“На швейном участке раскройно-швейного цеха на протяжении последних двух кварталов обнаружены приписки”. Только на одном участке и только за последние полгода. Почему? Карпухин работает на участке два года, Основина — четыре. Раньше у них приписок не было. Может быть, причина в другом месте. Где?» — Сазонов очень хорошо запомнил прочитанное в книге: перерасход фонда заработной платы может быть абсолютным и относительным. Относительный перерасход выявляется путем соотношения фактического фонда с плановым в расчете на единицу продукции. — Это означает, — рассуждал он дальше, — что если допустить, что произведено продукции больше плана, то перерасхода фонда зарплаты не будет, следовательно, не будет и приписок. Но возникает вопрос: за счет чего? Количество полуфабрикатов определено планом. Для производства сверхплановой продукции необходимо дополнительное их получение. Так. Возможно, за счет экономии. Необходимо проверить эту версию. Как? Прежде всего: кто мог это сделать? Мастера? Народные контролеры проверяли количество поступающих на швейный участок деталей. Оно соответствует количеству их в готовой продукции. Для того чтобы произвести дополнительную продукцию, они должны состоять в сговоре с раскройным участком, чтобы он передавал неучтенные детали. Тогда там тоже должны быть перерасход фонда заработной платы и приписки. Но их нет. Значит, эти лишние

детали появлялись где-то между участками. Кто-то координировал их работу и использовал экономию при раскрое на изготовление левой продукции, которую затем изымал. В результате получилось то, что мы и имеем». Сазонов закурил, встал из-за стола, вышел из кабинета на улицу и медленно пошел по тротуару. Ему почему-то показалось, что он находится на верном пути. Что главное сделано и теперь необходимо только найти того человека, который все это совершил. Он вспомнил начальника цеха, пытался представить его в роли преступника. Не получилось. «Это не важно. Начальник это сделал или нет, установить не сложно», — думал он. Но в том, что это был кто-то из руководителей цеха, следователь не сомневался.

На следующий день Сазонов снова был в трикотажном объединении. Там он сразу прошел на склад готовой продукции. Заведующая складом, полная, шумно дышащая женщина, посмотрела на него неодобрительно, стала поспешно убирать документы со стола.

— Расскажите, пожалуйста, как передается готовая продукция к вам на склад.

— Обыкновенно, — сказала она, не глядя на следователя. — После того как изделие примет ОТК, оно складывается и упаковывается, а затем передается на склад.

Следователь молча посмотрел на нее.

— Расскажите, пожалуйста, всегда ли готовая продукция на склад передавалась так или были какие-то отклонения. Возможно, ее передавалось больше, чем отражалось в документах, либо, наоборот, поступало меньше, а остальное передавалось позже.

Завскладом опять шумно задышала, глухо покашляла, бросила быстрый взгляд на следователя. Руки ее нервно двигались по столу.

— В этом нет никаких нарушений. Вся продукция проходит через склад в соответствии с накладными. — Она опять взглянула на следователя. — В конце месяца иногда бывали случаи, когда в план засчитывалась еще не законченная производством продукция, но после мы ее обязательно получали, как положено.

— Как это происходило? — спросил Сазонов.

— В конце месяца ко мне приходил Савелий Петрович и говорил, что цех не укладывается с выполнением плана. Просил в учетных документах склада отразить, что план выполнен. Не хватающую продукцию цех поставит в ближайшие дни. Я так и делала.

— А были случаи, когда на склад передавалась лишняя, сверхплановая продукция, но не оформлялась документально?

Сазонов спокойно смотрел на заведующую складом. Она тоже начала успокаиваться.

— Да, бывали. Иногда цех перевыполнял план, и Савелий Петрович просил не проводить по накладным всю продукцию, а часть придержать. Как бывает? Кто-то из рабочих заболел, не поставили сырье вовремя — план срывается. Недовыполнение можно перекрыть из запасов. Так тоже бывало.

— А как готовая продукция поставляется в торговлю из склада?

— К нам приходит машина, мы ее нагружаем и отправляем в магазин.

— Одна и та же?

— Да. Шофер — Иевлев Григорий, отчества не помню. — Она также назвала номер автомобиля.

— Савелий Петрович присутствует при погрузке продукции?

— Да, постоянно. Он же отвечает за продукцию: ее качество, сохранность, доставку. И поэтому часто сопровождает машины. У магазина иногда бывают претензии. Он их разрешает. У него дел много.

— Помогал ли он грузить?

— Да, иногда носил сам коробки и пачки.

Следователь записал ее показания. Она их прочитала и расписалась.

— Где я могу найти Савелия Петровича?

— Он работает заместителем начальника цеха. Но сейчас, кажется, в отпуске.

— О нашем разговоре, — сказал на прощание Сазонов, — никто не должен знать.

— Хорошо, я никому ничего не скажу.

«Так, — думал Сазонов, — манипулирование с готовой продукцией, о котором рассказала заведующая складом, является условием для совершения хищений. Однако это пока лишь версия, и не более. Но если хищения действительно имели место, то кто их совершал? Заведующая? — В начале допроса у Сазонова мелькнула такая мысль. — Может быть, она специально дала такие показания, чтобы навести следствие на ложный путь? — думал он далее. — Возможно. Чтобы убедиться в этом, необходимо проверить правиль-

ность ее показаний, и в первую очередь в отношении Савелия Петровича. Если показания не подтвердятся, значит, это сговор и попытка запутать следствие. Если они соответствуют действительности, значит, она не причастна к преступлению. Одновременно появятся веские основания подозревать заместителя начальника цеха в хищении готовой продукции. Для начала следует допросить водителя Иевлева».

Водитель Иевлев оказался средних лет степенным мужчиной с неторопливыми движениями. Густая черная шевелюра его начала седеть. Совершенно белыми были виски. Он, уверенно ступая, вошел в кабинет, поздоровался. Сазонов пригласил его сесть, предупредил об ответственности за заведомо ложные показания и попросил рассказать о порядке получения продукции на складе объединения, ее погрузке, перевозке и выгрузке в магазине. Иевлев глухо покашлял в кулак, посмотрел на следователя.

— Я уже давно работаю по обслуживанию этого объединения. Перевожу продукцию с разных складов, в том числе и из цеха верхнего женского трикотажа. По договору объединение обеспечивает грузчиками. Как правило, грузили рабочие склада. Помогал и Савелий Петрович, невысокий полный мужчина. По-моему, он работает там снабженцем или экспедитором. — Иевлев посмотрел на следователя, но тот писал, не поднимая головы, помолчал некоторое время. — Он часто сопровождал груз, когда машина шла в универмаг. Завскладом выписывала накладные, и я вез товар в магазин. Там по накладной сдавал. Вот и все.

— В универмаге кто принимал товар?

— Заведующая складом или... Я точно не знаю, кем она работает. Зовут ее Тамара Сергеевна. Кудрявая блондинка, вся в золоте. Там Савелий Петрович тоже помогал разгружать продукцию.

— А на торговой базе Савелий Петрович помогал разгружать машину? — спросил Сазонов.

— Нет. Он туда никогда не ездил. Он объяснял это тем, что основные претензии к продукции высказывает универмаг, иногда возвращает продукцию как бракованную. Поэтому он должен сдать ее в порядке в торговлю.

— А были случаи возврата продукции в вашем присутствии?

— Нет, не было. Был один случай, когда одна пачка оказалась лишней. Может, мне показалось. Тамара Сергеевна и Савелий Петрович сказали, что все правильно. Я не стал пересчитывать. Мне главное, чтобы не было недостачи.

Сазонов записывал его показания. Закончив писать, он передал протокол Иевлеву, попросил его прочитать и подписать. Тот деловито и сосредоточенно прочитал написанное, расписался, попрощался и вышел.

«Показания заведующей складом подтвердились, — думал следователь. — Появились веские факты, свидетельствующие о причастности к преступлению заместителя начальника цеха. Та пачка, которая, как кажется Иевлеву, была лишней, могла быть похищенной Савелием Петровичем со склада объединения и привезена среди других Тамаре Сергеевне для продажи. Логично. Необходимо срочно провести ревизию на складе универмага». Он тотчас составил постановление о производстве ревизии, позвонил в отдел борьбы с хищениями социалистической собственности районного отдела внутренних дел, договорился с инспекторами о немедленном выезде на склад универмага. Через полчаса он и работники милиции были у склада.

Когда они подходили к двери склада, оттуда вышла женщина со свертком под мышкой. Ее остановили, попросили показать, что у нее в свертке. Она испуганно развернула газету. Там лежал женский трикотажный костюм. Ее попросили вернуться. На складе находилась еще одна женщина, которая в тот момент, когда следователь вошел в склад, передавала полной блондинке деньги. Она также была задержана. Блондинка оказалась Тамарой Сергеевной Коневой, заведующей складом универмага. Она тотчас была отстранена от выполнения своих обязанностей, а склад опечатан.

Задержанные женщины рассказали, что они работают в продовольственном магазине, расположенном напротив универмага. Им позвонила Тамара Сергеевна и попросила зайти на склад. Сказала, что есть интересные женские костюмы. Они пришли и купили. Они также рассказали, что аналогичные случаи бывали и раньше.

Проведенной ревизией на складе были обнаружены излишки женских трикотажных костюмов производства трикотажного объединения. После этого была допрошена заведующая складом

Конева. Она очень волновалась, лицо ее покрылось красными пятнами.

— Скажите, откуда у вас излишки женских трикотажных костюмов? — спросил Сазонов. Она задвигалась на стуле, поправила правой рукой прическу, сверкнув массивными золотыми кольцами, и молчала, видимо, не зная, что сказать. Молчал и следователь, внимательно рассматривая кончик пера своей ручки. Затем взглянул на нее. — Все трикотажные костюмы, и изъятые у покупательниц, и обнаруженные на складе, производства вашего трикотажного объединения. При этом они изготовлены в цехе, где работает Лопотков Савелий Петрович. — Конева вздрогнула, словно ее ударили. — Так откуда же они у вас?

Она хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле. Она несколько раз кашлянула.

— Их привез Лопотков.

— Как?

— Вместе с товаром по накладной. Лишнюю коробку, пять костюмов. Попросил продать. Он сказал, что это сверхплановые костюмы, что они все равно не учитываются у них, поскольку перевыполнение плана не разрешается.

— Деньги от продажи оставались у вас?

— Нет, я их отдавала Савелию Петровичу. Он платил мне за работу — с каждого костюма по десятке.

— Сколько раз он привозил Вам такие товары?

— Наверное, раз десять. Я точно не помню. Но у меня записано.

Было установлено, что всего Лопотковым было похищено товаров на сумму 8 тысяч 200 рублей и привезено на склад Коневой, которая и продала их. Продажа осуществлялась по номинальной цене. Покупателям сообщалось, что есть дефицитные товары, которые и покупали их, чтобы не стоять в очереди. Как правило, это были работники продовольственных магазинов, ресторанов, ателье, парикмахерских, услугами которых, также на льготных условиях, пользовалась Конева.

Лопотков при допросе вначале пытался все отрицать. Он утверждал, что по договоренности с начальником юридического отдела объединения, чтобы не спорить в арбитраже по мелким претензиям торговой фирмы, он иногда заменял нестандартную, некачественную

продукцию. Но затем под тяжестью предъявленных улик был вынужден признаться в содеянном и рассказал, что хищения он совершал, пользуясь доверием заведующей складом готовой продукции цеха, незаметно клал в машину лишнюю пачку или коробку с готовой продукцией. То же самое незаметно от водителя делал в магазине, сообщал об этом только Коневой. Хищения совершал только за счет экономии. Зная количество сэкономленных материалов в цехе и количество произведенной за счет экономии сверхплановой продукции.

Оказалось, что в раскройно-швейном цехе по инициативе одного рабочего была разработана новая, более экономичная система раскроя деталей женского верхнего трикотажа. Однако планирование деятельности цеха осуществлялось по старым нормам. Поэтому цех имел экономию трикотажа.

С целью установления количества похищенного планово-экономический отдел произвел перерасчет расхода трикотажной ткани на изготовление единицы продукции. В результате были установлены количество сэкономленного материала и количество произведенной из нее неучтенной продукции. Оказалось, что оно в целом соответствует количеству изделий, доставленных Лопотковым Коневой и проданных ею. Вина заместителя начальника цеха была доказана. Вскоре следствие было закончено и дело передано в суд.

Народный суд приговорил Лопоткова за хищение социалистического государственного имущества к лишению свободы. Была осуждена за соучастие и Конева. Ей также были назначена мера наказания, связанная с лишением свободы.

ТРИ БАРАНА

Яркое, яркое солнце. Оно давило на глаза, ослепляло. От него некуда было деться. Потом послышались какие-то голоса, сначала далеко, потом все ближе и ближе. И вот они уже звучат в самое ухо, лошадь ударила копытом в плечо, не больно, но очень сильно, еще раз... Иван проснулся, потер глаза и зажмурился от яркого света электрического фонаря. Слышались голоса. Говорил мужчина.

— Это он, Тимофей Ильич, он, кому же еще быть.

— Вставай, — властно сказал второй мужской голос. Кто-то зажег настольную керосиновую лампу. Иван взглянул на говорившего, это был милиционер. Иван сел на полу. От водки шумела голова, хотелось пить. — Вставай, вставай, — нетерпеливо и сердито опять сказал милиционер.

Иван поднялся с пола, колени дрожали. Он сел на скамейку.

— Работники, черт бы вас побрал, баранинки захотелось. Строители, — опять сказал первый голос.

Иван посмотрел на говорившего. Им оказался невысокого роста, худой мужчина.

— Я сейчас, — сказал он милиционеру и, хромая, пошел к двери.

«Хромой пастух, — узнал его Иван, из соседней деревни. Чего ему надо? Почему он говорит, что узнал меня?» В полумраке у двери стояла женщина, но Иван не смог ее рассмотреть. «Чего им здесь надо? Зачем они пришли? А где же Николай и Петр? Куда они делись? Что-то, видимо, случилось».

— Где твои дружки? — спросил Ивана милиционер.

Иван взглянул на него. Только сейчас он понял, что перед ним участковый уполномоченный. Он видел его однажды в конторе колхоза.

— Какие дружки?

— Ну, ты мне это брось. Какие дружки! Те, с которыми вы столбы ставили для электричества. Где они?

— Я не знаю, где они.

— Не знаешь, стало быть. Ну ладно, придется вспомнить.

В это время вошел пастух. В руках он держал две бараньи шкуры.

— Вот, Тимофей Ильич, в кладовке нашел шкуры тех баранов, которых украли из стада. Я точно помню. Это баран, а это ярка. Молодая овца, еще ни разу не стрижена. Видите, шерсть какая. Я всех своих овец наперечет знаю. А у барана подпалины на боках. Помните, я вам говорил и в заявлении указывал. Вот, пожалуйста. Видите? — И он показал шкуры, поворачивая их перед лампой. — Все правильно. Это они баранов уворовали. А его я тоже помню, — сказал пастух, кивнув на Ивана. — Я его видел, когда они столбы ставили и провода тянули. Вы видите, и на столе бараньи ребрышки лежат. Бутылка из-под водки, три стакана, три тарелки. Здесь было три человека. Выпивали и ворованой бараниной закусывали. Может, еще и в печи стоит баранинка, — сказал пастух и захромал к печке, поднял крышку чугунка, стоящего на печи, понюхал варево. — Баранина, точно. Вот, пожалуйста. — Он принес и поставил чугунок на столе. Затем черпаком достал из него баранью ногу. — Ну, что скажете, Тимофей Ильич? Говорил я вам. Вы мне еще не верили. Здесь наши баранчики. Оба здесь. Он — вор, — указал он на Ивана.

«Вор, почему вор! — подумал Иван. — Я ничего не крал». Но в голове у него очень шумело, голоса доносились слабо, свет лампы колебался и тускнел. Ему казалось, что это сон, что он проснется и все встанет на свои места.

— Ну что ж, составим протокол, — сказал участковый и, сев к столу, стал писать.

Иван, сидя на скамейке, привалился спиной к стене и задремал. Разбудил его участковый.

— Ну, хватит спать, — сказал он. — Пошли.

Потом они шли по темной улице деревни. Милиционер привел Ивана к сельскому Совету и запер в задней темной комнате. Иван лег на стоящий там широкий деревянный топчан и уснул.

Проснувшись утром, он не сразу сообразил, где находится и что с ним произошло ночью. Он вспомнил, что сюда его привел милиционер, что в доме, где он жил с Николаем и Петром, пастух нашел бараньи шкуры, говорил об украденных овцах. Но он не мог понять, что все это значит, и стал ждать.

Вскоре пришел участковый милиционер. Принес ему молока и хлеба.

— Вот поешь, а потом мы с тобой поедем в район. Разбираться.

Иван съел хлеб, выпил молоко, закурил. Затем участковый завел мотоцикл, посадил Ивана в коляску, и они поехали в районный отдел милиции.

Там, оставив Ивана в дежурной комнате, участковый куда-то ушел. Через некоторое время он вернулся и сказал, что Ивана вызывает следователь. Иван пошел впереди участкового в кабинет. Следователем оказался невысокого роста, полный, со светлыми, почти белыми волосами молодой мужчина. Он внимательно посмотрел на Ивана.

— Я — следователь милиции Сазонов. Садись, будем разговаривать, — сказал он.

— А я могу идти? — спросил его участковый.

— Да, только пока не уезжайте. Хорошо? Может быть, вы понадобитесь. Побудьте здесь пока, в городе.

— Ладно, — ответил участковый и вышел.

Иван остался один на один со следователем.

— Ну, молодой человек, — обратился следователь к Ивану, — расскажи-ка, что ты там натворил? За что это тебя возит милиция на государственном транспорте, за какие дела? — Иван недоумевающе посмотрел на следователя. — Ну, так чего молчишь? Не хочешь отвечать на вопросы?

— Я ничего не знаю, — сказал Иван.

— Ничего не знаешь? Так-таки ничего? Совсем ничегошеньки? А ты знаешь, что находишься в районном отделе милиции? — Иван утвердительно кивнул головой. — А как ты попал в него, знаешь? — Иван опять кивнул. — Ну, расскажи об этом.

— А что рассказывать-то? Пришел этой ночью милиционер. Я спал, он разбудил меня, привел в сельсовет, а сегодня привез на мотоцикле сюда. Вот и все.

— А за что привез?

— Не знаю, он мне ничего не объяснял. Я ничего не знаю.

— Кто еще был с милиционером, когда он тебя разбудил?

— Мужчина какой-то и женщина. Я их не знаю.

— Что делал этот мужчина и что говорил?

— Мужчина? — переспросил Иван. — Он шкуры овечьи показывал, о баранах каких-то говорил. Но я ничего не понял. И ничего не знаю.

Следователь посмотрел на Ивана, встал, прошел по комнате, остановился у окна, помолчал.

— Ну, ладно. Значит, ничего не знаешь. Я-то думал, что у нас получился разговор. Парень ты еще молодой, вся жизнь впереди. Ну, что ж. Ошибся я, ошибся. — Он опять помолчал. — Если ты не хочешь говорить, тогда послушай, что я тебе скажу, а вернее, прочитаю. Вот видишь, Уголовно-процессуальный кодекс. В нем сказано, какие права имеют милиция, прокуратура, суд, обвиняемый, подсудимый и другие лица и органы, когда совершено преступление. Так вот, в статье 122 этого кодекса записано: «Орган дознания — в нашем случае участковый инспектор, — пояснил следователь, — вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, только при наличии одного из следующих оснований:

1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;

2) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;

3) когда на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления».

В доме, где жили ты и твои приятели, обнаружены шкуры баранов, украденных из колхоза «Рассвет». Эти шкуры опознал пастух колхоза. Кроме того, там же обнаружены баранье мясо, кости и одна голова. Поэтому участковый тебя задержал, подозревая в совершении кражи этих овец. Пастух на прошлой неделе видел тебя и твоих друзей рядом с овчарней. Днем. Потом пропала одна овца.

Пастух стал сторожить. Вчера опять была совершена кража. В краже, по словам пастуха, участвовали два или три человека. Есть подозрение, что в совершении этих краж участвовал вместе с твоими приятелями и ты. Что ты на это скажешь?

Иван посмотрел на следователя и встретился с внимательным взглядом его светло-голубых глаз.

— Я ничего не знаю, — поспешно сказал он и опустил голову.

— Так. Ну ладно. Поговорим еще раз попозже. А сейчас пока посиди здесь, у нас. Пошли. — Следователь привел Ивана в дежурную комнату и сказал дежурному: — Поместите пока в камеру предварительного заключения. Вот протокол задержания.

Ивана провели в камеру. За ним закрылась тяжелая, окованная железом дверь. В камере было глухо, как в подвале. Иван сел на нары.

«Что же все это значит? — подумал он. Все события казались ему не реальными. — Неужели действительно бараны ворованные? Николай говорил, что баранов дал ему председатель колхоза. Значит, он врал. А может, врет следователь? Почему их не было дома? Почему я спал один? Где же Николай с Петром? — Иван хорошо помнил, что вчера вечером Николай принес к ужину бутылку водки, они ее втроем распили и Иван лег спать. Николай с Петром пошли покурить. — Куда же они делись. Успели удрать, что ли? — Иван ничего не понимал. От напряжения у него разболелась голова. — Что же все-таки произошло?»

Вскоре его разбудили и повели к следователю. В кабинете на столе он увидел свой плащ. Рядом стояли его сапоги, в которых он обычно ходил на работу.

— Твоя одежда? — спросил следователь, как только он вошел в кабинет.

— Моя, — ответил Иван.

— На плаще обнаружены пятна, похожие на кровь. Вот посмотри... — И следователь показал бурые мазки и пятна на рукавах и на поле плаща. — Объясни, пожалуйста, что это за пятна и откуда они.

Иван внимательно посмотрел на пятна, они были засохшими, несвежими и очень походили на кровь. Плаща Иван не надевал уже давно. Стояла хорошая погода, в нем не было необходимости. А когда носил, пятен этих не было.

— Я не знаю, что это за пятна и откуда они, — ответил он.

Следователь подозрительно посмотрел на него.

— Ладно, не знаешь — так не знаешь. Мы сами узнаем. — Он составил протокол допроса и сказал, чтобы Иван прочитал его и расписался.

Иван это сделал, и его опять увели.

Вызвали его на следующий день перед обедом. Следователь был очень серьезен. Он даже не взглянул на Ивана.

— Ну вот, что Иван Поздняков. Дело прояснилось. На твоем плаще баранья кровь и шерсть. На подошвах сапог обнаружены остатки почвы, по составу одинаковой с почвой овчарни. Понимаешь, что все это значит? — Иван, кажется, начинал понимать. — Ты воровал этих баранов, вот что это значит. И отвечать за них будешь ты. Я уже подготовил постановление об избрании в отношении тебя меры привлечения — содержание под стражей. Попросту говоря, буду ходатайствовать перед прокурором о твоем аресте. До суда. Будешь находиться здесь. Вот так. Уразумел? С кем совершал кражи?

Иван посмотрел на следователя.

— Я не воровал никаких баранов и ничего об этом не знаю.

— Ты говоришь не то. Тебе надо все рассказать, все, что знаешь. Все подозрения падают на тебя, и не просто подозрения, а установлено, что ты воровал. С кем, один или вместе со своими компаньонами? Будешь молчать — осудят одного за кражу трех баранов. Это дело серьезное. Ты говоришь, не воровал, тогда расскажи, кто воровал. Может, действительно ты не виноват. Тогда кто виноват, кто вор? Рассказывай, говори. Пойми меня правильно. Моя задача — разобраться в деле и привлечь виновных к ответственности, наказать их. Я не был там во время совершения преступления и сужу о событиях только на основании доказательств, собранных в процессе следствия. Доказательства против тебя. Их достаточно, чтобы привлечь тебя к уголовной ответственности. Одного привлечь. Дружки твои сбежали. Мы их будем искать. Но против них у нас пока нет таких веских доказательств, как против тебя. Если ты будешь молчать, можешь пойти один под суд. Я установил, что ты собираешься осенью женится. Так вот, хочу тебе сказать, что свадьбу тебе придется отложить на несколько лет. А там неизвестно, как все сложится. — Следователь помолчал, глядя в окно, закурил. — Вот так. За свое

счастье, Иван, надо драться. Если ты действительно не участвовал в краже, то вести себя надо иначе. Не так, как ты себя ведешь. А может, ты просто не хочешь рассказывать? Хочешь взять все на себя, смотри, дело твое. Я все сказал. Иди, подумай.

Ивана увели обратно в камеру. Он сел на нары и долго никак не мог сообразить, что происходит. Слова следователя привели его в крайнее замешательство и растерянность. «Ведь могут посадить, могут посадить, — сверлила мозг мысль. — А за что? Ведь я же не воровал».

Это Николай с Петром воровали. Иван заподозрил это, когда однажды утром увидел в сенях зарезанного барана. Петр сказал, что этого барана им дал председатель на еду. А стоимость его вычтут из зарплаты. Иван сказал тогда, что дают мясо обычное, а не полностью барана.

— Что ты пристал, — ответил ему Петр, — целый, не целый. Ешь, и все. Не твое дело, какого барана дал председатель.

Потом появился второй баран. И опять в шкуре. Утром Петр и Николай ободрали его.

— Шкуры сдадим в колхоз, — сказал при этом Петр.

Петра Иван знал с детства. Они жили в одной деревне и учились в одной школе. Еще в школе Петр подрался, ударил парня ножом, и его посадили. Иван в это время закончил школу, отслужил в армии и вернулся домой. Родители его переехали на центральную усадьбу совхоза, расположенную на окраине города. Иван стал городским. Работал в совхозных мастерских слесарем. Однажды его встретил Петр. Он теперь жил в городе, работал грузчиком в магазине. Они разговорились. Иван сказал, что он собирается жениться. Петр предложил Ивану поехать в колхоз проводить электролинию.

— Зашибем деньгу, знаешь. Хватит тебе и на свадьбу, и на мебель, и на тряпки. Лето поработаем — и все в порядке. А в этих мастерских ты ни фига не заработаешь.

Ивану приходилось в совхозе проводить электролинии, и он знал эту работу и согласился. Вскоре он уволился из совхоза, и они втроем поехали в колхоз. Третьим с ними был знакомый Петра — Николай. Иван познакомился с ним в дороге. В колхозе они заключили договор по паспорту Ивана и стали работать. Петр и Николай работали плохо. Ивану приходилось много делать самому. Вечерами они уходили в клуб. Иван оставался дома, читал учебники, готовился

в школу совхозных механизаторов. В выходные уезжал в город к Гале. Петр нередко приносил водку, и они с Николаем ее распивали. Выпивал с ними и Иван. Так случилось в тот последний вечер. Утомленный тяжелой дневной работой, Иван сразу уснул. Что делали Николай и Петр, он не знал. Когда его разбудил участковый уполномоченный их не было. Почему на его плаще баранья кровь? Петр надевал иногда плащ Ивана. Может быть, он в его плаще и воровал баранов? Навоз на сапогах мог оказаться, когда они заходили на овчарню по просьбе Петра. Он хотел посмотреть на «овечек», они ему «нравились».

«Да, история, — подводя итоги, подумал Иван. — Милиция вряд ли сможет найти Петра и Николая. Ищи ветра в поле. Кто может знать, куда они подались». Иван знал, что Петр обязательно заедет к своей знакомой, «шалаве», как называл ее Петр. Почему он ее так звал, Иван не знал. Имя ее было Маргарита. Иван бывал у нее вместе с Петром до отъезда в колхоз. Петр, конечно, там. Где ему больше быть? К матери в деревню он не поедет. Встретиться бы с Петром да спросить его: как на моем плаще оказалась кровь? И почему он говорил, что баранов дал председатель, хотя бараны ворованные? Почему он так говорил? «Набить бы ему морду за это, — зло подумал Иван. — А с какой стати я должен отвечать за них? Их не найдут — посадят меня как вора? Я — вор! — Иван даже вспотел от этой мысли. — Но я же не вор. Я не брал эту скотину. Да, я ел ее мясо. Но не знал, что оно ворованное. Хотя, конечно, подозрения были, что здесь не чисто. Хотел спросить председателя, но не мог застать в конторе. Следователь сказал — могут посадить. Статья восемьдесят девятая, часть вторая, как он сказал, гласит — до шести лет лишения свободы. Значит, меня могут посадить на шесть лет? — Иван от возбуждения встал и начал ходить по камере. — А за что шесть лет? Что сделал? Что? Петр крал — пусть и отвечает. Он втянул меня во всю эту историю! Говорила мне мать: “Не езди с Петром. Он уже был судим. Он — опасный человек. Не стоит с ним связываться. А на свадьбу денег найдем”. Права была мать. На кой черт я связался с этим уголовником? Вот и довел он меня до суда. Надо поговорить со следователем. Надо, пока не поздно, пока не арестовал прокурор. Если прокурор наложит резолюцию, то все — не выбраться. Засудят тогда к лишению свободы. Надо поговорить со следователем». Иван

постучал кулаком в дверь. Она глухо загудела. Открылось окошко в двери, появилось лицо охранника.

— Чего надо? — спросил он.

— Извините. Я со следователем хочу поговорить.

— Какой вежливый, — сказал охранник. — Сейчас сообщу. Жди.

Окошко захлопнулось

«Расскажу ему все, как было, а там пусть разбирается сам», — решил Иван и стал ждать.

Вскоре его пригласили к следователю. Когда Иван вошел в кабинет, следователь сидел за столом и курил. Спокойно посмотрев на Ивана, он сказал:

— Так что ты мне хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что баранов я не воровал. Но я расскажу все, что знаю.

И Иван рассказал все о том, как попал в колхоз, как могла оказаться на его плаще кровь, а на сапогах навоз, рассказал о Петре и о Николае, о том, где может быть Петр. В процессе рассказа следователь сидел спокойно, смотрел в окно, курил. И было непонятно, интересует его это или нет. Когда Иван закончил, следователь дал ему бланк протокола, посадил за стол.

— Напиши все, что ты рассказал.

Иван писал долго и много. Написав, передал следователю. Тот прочитал и спокойно сказал:

— Проверим.

«Он мне не поверил, — думал Иван, когда опять оказался в камере. — Не поверил. Ну и пусть. Это его дело. Я все сказал, все. Пусть разбирается».

На следующий день рано утром следователь вызвал Ивана. Сердце его екнуло, когда дежурный милиционер, отперев дверь камеры, сказал:

— К следователю.

«Что бы это значило? Зачем я ему так рано? Может, выпустят? — шевельнулась слабая надежда. — Держи карман шире. Выпустят. Теперь отсюда выпустят только в тюрьму. Прокурор, наверное, уже наложил резолюцию. А может, нашли Петра? Наверное, на очную ставку ведут. Как настоящего преступника. А ладно, посмотрим, что будет, то будет. Я все сказал, всю правду. А они пусть разбираются».

Следователь выглядел утомленным и хмурым. Казалось, что он не выспался или вообще не ложился спать.

— Садись, — сказал он, как только Иван вошел в кабинет. Дал ему листок бумаги. — Читай.

Иван начал читать. «Подписка о невыезде». В ней говорилось о том, что Иван обязуется никуда не отлучаться с места свого жительства без разрешения следователя, а в случае отъезда сообщать следователю.

Прочитав, Иван непонимающе посмотрел на следователя.

— Прочитал? Подпиши внизу, — сказал тот и дал Ивану ручку. Иван расписался. — Тебя отпускаю домой. На место твоего постоянного жительства. Без моего разрешения — никуда. Если вздумаешь куда-то поехать — сообщи. Ясно? Ну все. До свидания.

Иван от неожиданности онемел. Так, не сказав ни слова, он вышел из кабинета. Дежурный под расписку выдал его вещи, и Иван оказался на улице. В голове не было никаких мыслей.

После полутемной, мрачной камеры улица казалась светлой, широкой, праздничной. Светило утреннее солнце. Спешили редкие прохожие. Дворник мел тротуар. Ивану казалось, что ноги сами несут его по земле.

Когда Иван прошел до конца улицы, вышел на сквер, он почувствовал слабость в ногах, во всем теле и опустился на скамейку. Дрожащими руками зажег сигарету, затянулся, посмотрел на чистое утреннее небо. С реки донесся гудок парохода.

«Надо же. Сказал правду, и все. Только сказал правду, и все. И отпустили». Но Иван не знал, что сразу же после вчерашнего с ним разговора следователь уехал в город на квартиру Маргариты, знакомой Петра. Там находились оба — и Петр, и Николай. Там же было обнаружено мясо третьего украденного барана. Петра и Николая задержали.

«Похоже, что Иван дал правдивые показания, помог раскрыть преступление, то есть начал сотрудничество со следствием. Теперь для него достаточно подписки о невыезде», — решил следователь.

ОДИН РАБОЧИЙ ДЕНЬ ПРОКУРОРА РАЙОНА

В утренней тишине кабинета телефонный звонок прозвучал неожиданно и громко. Анатолий Михайлович посмотрел на часы. Половина девятого. «Кому это я нужен так рано?» — подумал он. Снял трубку. В ней зазвучал знакомый голос начальника райотдела внутренних дел.

— ЧП, Анатолий Михайлович.

— Что случилось?

— Ресторан опять подбросил нам букетик. Драка и кража. Драка групповая. Задержали двух парней. Один — с ножевым ранением. Украли сумочку у одной посетительницы. А в сумочке — сто рублей.

— О драке поподробнее, пожалуйста.

— У ресторана, как всегда, перед его закрытием находился наш парный патруль. Посетители вышли из ресторана. Все было спокойно. Вдруг раздался крик из переулка. Патруль — туда. Там — драка. Успели задержать одного. Второй, раненый, сидел на земле. Оказывается, парни поссорились в ресторане. Потерпевший случайно наступил на ногу одному парню из другой компании. Поскольку все были в нетрезвом состоянии, возникла ссора, а затем драка.

Анатолий Михайлович помолчал некоторое время. Он думал о том, что этот ресторан, находящийся на территории района, является местом, где постоянно совершаются правонарушения: драки, кражи,

хулиганство. Почти каждую неделю что-нибудь случается. Раньше, до принятия мер по борьбе с пьянством и алкоголизмом, подобные случаи были практически ежедневно. И в вечернее время там находились значительные силы райотдела. Сейчас несколько лучше, но все равно алкоголь дает о себе знать. Ресторан притягивает к себе определенную категорию людей. Многие из них склонны к правонарушениям. В трезвом состоянии они не опасны, а как выпьют — жди беды.

— Анатолий Михайлович, может быть, нам поставить перед партийными и советскими органами вопрос о превращении нашего района в регион трезвости? — звучал в трубке голос начальника райотдела. — Преступность сразу снизится.

— Но она увеличится в других районах. На это никто не пойдет. Нужно бороться с преступностью самим. — Анатолий Михайлович давно уже думал о том, как пресекать правонарушения непосредственно при их возникновении. Для этого необходимо, чтобы в каждом дворе, подъезде, в учреждениях, на предприятиях были люди, ответственные за общественный порядок. Одни работники милиции это сделать не в состоянии. Начальник райотдела, кажется, помог ему найти решение этого вопроса. — Я думаю, — продолжал Анатолий Михайлович, — что на рассмотрение исполкома можно вынести вопрос о совершенствовании, может быть, о перестройке охраны общественного порядка в районе, широком привлечении к этой работе самих граждан. Самоуправление народа должно выражаться и в этом, думается, что можно создать дружины в каждом доме, на предприятиях общественного питания, в первую очередь ресторанах, кафе, других заведениях, где продается спиртное. Раньше хозяин не допускал драк, дебошей в своем заведении — боялся потерять клиентов. И там был порядок. Почему сейчас нельзя создать там дружину из работников ресторана? Давайте подумаем об этом, войдем с данным предложением в исполком. Нужно обговорить эти вопросы с участковыми инспекторами, другими работниками райотдела, обосновать наши мероприятия. Думаю, что они будут поддержаны, давайте вместе поработаем. Хорошо?

В трубке некоторое время было тихо.

— Согласен, — ответил начальник райотдела. — Мы подумаем, а потом я к вам приеду.

На этом разговор закончился.

Как только Анатолий Михайлович положил трубку, телефон зазвонил вновь. Он сразу узнал голос Пономарева В.П., пенсионера, бывшего председателя группы народного контроля телефонного завода.

— Здравствуйте, Анатолий Михайлович.

— Здравствуйте.

— Я обнаружил новые факты. Эти садоводы не только незаконно построили мост, но и, нарушая правила дорожного движения, делают на нем ограничения. Теперь по нему не могут проехать машины. А зачем, спрашивается, такой мост, по которому нельзя ездить? Кроме того, для сооружения этого ограждения они также незаконно использовали заводских электросварщиков и металл. Я написал об этом заявление и хотел бы передать его вам.

— Хорошо, приходите. Если меня не будет, оставьте его секретарю. Она мне передаст. Мы проверим и сообщим вам о результатах.

— И вообще я считаю, Анатолий Михайлович, что вы неправильно провели проверку первого моего заявления. Там совершено преступление, и виновных надо привлечь к ответственности.

— Мы с вами уже разговаривали на эту тему. Вы получили наш официальный ответ, в котором все изложено. Больше я вам ничего сказать не могу.

Положив трубку, Анатолий Михайлович задумался. Впервые более месяца назад Пономарев обратился в прокуратуру с заявлением о том, что председатель садоводческого кооператива телефонного завода незаконно построил мост через речку, для чего собрал деньги с членов кооператива, нанимал шабашников, незаконно приобретал строительные материалы и т.д. Все эти действия противоречат уставу садоводческого кооператива, советским законам.

Проверкой заявления Пономарева занималась прокуратура совместно с районным комитетом народного контроля. Было установлено, что действительно через речку построен мост. Но строили его несколько садоводческих кооперативов, расположенных за рекой. Для строительства моста члены этих кооперативов избрали специальный совет, пайщики кооперативов внесли соответствующие средства. Через торговую сеть были закуплены необходимые строительные материалы. По заявке профсоюзного комитета телефонного завода, под руководством которого работает садоводческий

кооператив, была выделена необходимая техника. Мост построили сами члены кооперативов. Все было сделано законно.

— Но ведь такая деятельность не соответствует уставу садоводческого кооператива, — настаивал Пономарев.

— Да, в уставе не записано, что кооперативы могут строить мосты. Но это и не запрещено уставом. А кому плохо от того, что проявлена инициатива, построен мост?

Все это вспомнил Анатолий Михайлович, положив трубку. «Честный, порядочный человек Пономарев. Хорошо работал на заводе. Имеет поощрения, награды за свой многолетний добросовестный труд. Но живет старыми представлениями, трудный процесс — перестройка, в том числе — изменение мышления. Особенно у пожилых людей, которые всю жизнь сами выполняли все предписания инструкции и требовали этого от других. Хотя далеко не все инструкции были обоснованными и целесообразными. В результате нередко возникал бюрократический формализм. Пономарев считает, что устав должен соблюдаться буквально. И все. Что за ограждение он обнаружил? Нужно поговорить с директором завода.

Уже начался рабочим день. Вошла, поздоровавшись, секретарь, положила на стол какие-то бумаги. Заглянула помощник по общему надзору Колчанова Е.П., но, увидев, что прокурор говорит по телефону, закрыла дверь.

Директор оказался на месте. Анатолий Михайлович сказал, что Пономарев обратился в прокуратуру с устным заявлением о незаконном сооружении на мосту ограждения.

— Молодец Пономарев, — сказал директор. — Бдит. Там действительно поставили ограждение, поскольку на мост въехал грузовик и чуть его не развалил. По просьбе профкома мы выделили сварщика. Работу его кооператив оплатил.

— Если от Пономарева поступит письменное заявление, к вам придет наш человек, тогда вы подготовьте, пожалуйста, официальную справку по этому вопросу.

— Хорошо.

«Если поступит заявление от Пономарева, нужно будет проводить его проверку: беседовать с председателем кооператива, работниками предприятия, другими лицами, выезжать на мост для осмотра выполненных работ. Сколько людей окажутся оторванными

от дел! На Руси делали просто: того, кто писал донос или жалобу, и того, на кого она была написана, сажали в тюрьму до выяснения обстоятельств. Сейчас такой порядок, наверное, неприменим. Но было бы хорошо проводить проверку заявлений в присутствии заявителя. И если оно не подтвердится, все расходы за его счет. Возможно, желающих писать необоснованные жалобы поубавилось бы. Может быть, попробовать внедрить это правило в районе? Нужно поговорить в райкоме партии». Зачем заглядывала Колчанова? Наверное, у нее есть дело».

Анатолий Михайлович нажал клавишу «переговорника».

— Доброе утро, Елена Павловна. Вы хотели меня видеть?

— Да. Сейчас должен приехать ректор политехнического института. У них вновь пропали вещи студента. По первому случаю мы им направляли представление...

— Я помню, — сказал Анатолий Михайлович. — Они приняли меры?

— Нет, никаких. Он уже приехал.

— Заходите.

Анатолий Михайлович знал, что ректор института — известный ученый, заслуженный в науке человек. Он также знал, что ученые, особенно большие, как правило, недостаточно внимания уделяют хозяйственным, бытовым вопросам. Известно ему было и то, что вузовские ученые умеют очень хорошо говорить. Поэтому разговор с ректором должен быть сугубо деловым и юридически точным.

Дверь открылась. Колчанова пропустила вперед двух мужчин. Как оказалось впоследствии, это были ректор института и проректор по административно-хозяйственной части. Поздоровались.

— Вы меня извините, — начал разговор проректор, — но бороться с преступностью, это, по-моему, ваша задача. И милиции. А не ректората института. У нас другие проблемы. Мы учим студентов, готовим специалистов. И не надо путать эти функции. А ваш помощник требует нашего приезда к вам.

Анатолий Михайлович молча слушал проректора, внимательно глядя на него.

— Совершенно обоснованно требует, — сказал он. — А теперь по существу вопроса. Около месяца назад из аудитории в руководимом

вами институте пропала норковая шапка, принадлежавшая студенту Суркову. Шапка находилась в незапертой и неохраняемой аудитории. Три дня назад опять произошел аналогичный случай. На этот раз пропала дорогая куртка. Проверкой установлено, что гардероб в институте по-прежнему не работает и вещи оставляются в аудиториях без охраны. Меры, изложенные в представлении, не приняты, хотя в нем был установлен месячный срок для исполнения.

— Позвольте, — сказал ректор. — При чем здесь гардероб, аудитории? Вещи украдены, совершено преступление. Вор гуляет на свободе и продолжает свои грязные дела. А мы говорим о гардеробе, об аудиториях. Милиция и ваше ведомство должны поймать вора, изъять у него украденное и привлечь его к ответственности, а вещи вернуть потерпевшим, вместо этого вы пишете бумаги о том, что у нас плохо работает гардероб. Может быть, это и так. У нас действительно не хватает технического персонала. Но не в этом дело. Совершена кража...

— В этом еще надо разобраться, — спокойно сказал Анатолий Михайлович. — Может быть, и не кража, а что-то другое. Кража — это когда берут вещь, находящуюся у человека, в его ведении, а здесь человек сам оставил свою вещь без присмотра. В учреждениях должны быть гардеробы, камеры хранения, куда люди могли бы сдать на хранение свои вещи. Тогда в случае пропажи имеет место кража. При оставлении вещей в коридорах, других незапертых помещениях без охраны возникает сложная ситуация. Во-первых, оставляли ли люди эти вещи вообще, и если оставляли, то те ли именно, о которых заявили. Во-вторых, можно ли считать кражей, если человек обнаружил и взял вещь, допустим, в коридоре, в открытой аудитории, на территории учреждения, может быть, это — присвоение. И в-третьих. Откуда у вас сведения о том, что милиция и прокуратура ничего не делают, чтобы найти человека, в ведении которого находятся пропавшие вещи? Такая работа ведется. Все эти проблемы, о которых мы говорим, непросты. И возникли потому, что в институте не организована работа гардероба, вещи оставляются в незапертых помещениях. И мы совершенно обоснованно предъявляем претензии и к администрации, поскольку в результате невыполнения данных требование создаются условия для подобных случаев.

Ректор молча смотрел на прокурора.

— Хорошо, мы примем меры.

— Вот это уже другой разговор. И о принятых мерах я вас прошу сообщить в прокуратуру в течение двух недель, достаточный срок?

Ректор помолчал.

— Да, достаточный.

— Но это еще не все, — сказал Анатолий Михайлович. — Дело в том, что государству по вине работников администрации причинен ущерб, поскольку институт выплатил студентам стоимость пропавших вещей. Ответственным за работу гардероба, организацию охраны вещей студентов и сотрудников института является проректор по административно-хозяйственной части. На страже этих интересов государства обязана стоять прокуратура. Поэтому будем решать вопрос о предъявлении к проректору иска о взыскании с него причиненного ущерба.

Ректор и проректор молчали. Прощание было коротким.

Анатолий Михайлович из опыта знал, что после взыскания с виновного руководителя ущерба недостатки в работе руководимой им службы сразу устраняются. Он не сомневался, что такое произойдет и в институте.

— Я завтра в соответствии с планом работы прокуратуры провожу проверку законности приказов, распоряжений, других актов в областных организациях, расположенных в нашем районе, — сказала Колчанова Е.П. — И хотела бы поговорить с вами по этому вопросу.

— Вы сейчас подготовьте исковое заявление о взыскании ущерба с проректора, а во второй половине дня я вас приглашу, и мы поговорим.

На столе Анатолия Михайловича со вчерашнего вечера лежало уголовное дело, расследование по которому было закончено. Его нужно направить в суд. Но для этого необходимо с ним внимательно ознакомиться.

Прокурор положил пухлый том перед собой. Однако мысли его снова вернулись к только что состоявшемуся разговору. «Ректор, наверное, тоже прав, когда говорит, что милиция работает недостаточно активно. Действительно, что сделал работник милиции в данном случае? Поговорил с потерпевшим, еще двумя студентами, проректором по административно-хозяйственной части. Разговор, в основ-

ном, шел о том, что действительно ли пропала шапка и сколько она стоит. После чего было дано задание уголовному розыску вести поиск пропавшей шапки. По-видимому, эту работу надо вести активнее и с большей публичностью. О пропаже шапки, конечно, знает весь институт, и только мы, милиция, прокуратура, делаем из этого тайну. А нужно, наверное, действовать наоборот. Во-первых, опросить всех студентов, оставлявших одежду в аудитории. При этом основной упор делать на установление того человека, который мог унести шапку. И если такие лица будут предположительно установлены, продолжать работу в отношении их с тем, чтобы установить виновного. Во-вторых, можно объявить по институтскому радио, если оно есть, через газету, иным путем о происшедшем случае, просить студентов, других работников помочь найти пропавшую вещь и человека, у которого она находится. Целесообразно также выступить непосредственно перед студентами, сказать об аморальности данных действий, призвать их помочь выявить нечестного человека. Такая деятельность, с одной стороны, покажет, что милиция работает, а с другой — будет способствовать раскрытию данного преступления. Нужно обсудить вопрос о перестройке расследования таких преступлений на координационном совете правоохранительных органов района».

Анатолий Михайлович открыл первую страницу уголовного дела. Он знал его содержание, поскольку знакомился с материалами, когда давал санкцию на арест обвиняемого. Но нужно еще раз внимательно проанализировать все доказательства, проверить правильность оформления процессуальных и иных документов, полноту собранных материалов. Преступление тяжкое — убийство. Суть его проста. Между мужем и женок возникла ссора, которая затем переросла в драку. Жена выбежала на балкон Муж — за ней, схватил за ноги и выбросил с третьего этажа. Она разбилась насмерть.

Анатолий Михайлович вспомнил беседу с виновником трагедии — среднего возраста мужчиной. Он сидел, опустив голову. Отекшее лицо, дрожащие руки, тупой взгляд. Пожимал недоуменно плечами, разводил руки. Казалось, он сам не понимал, как и почему все это случилось. Было известно, что в тот день они муж и жена Шоломовы пили одеколон.

— За что вы сбросили жену с балкона?

— Не знаю, не помню. Был сильно пьян.

Больше ничего добиться от него не удалось.

«Что это? — думал тогда Анатолий Михайлович. — Полная деградация личности? Превращение его в первобытное, полуживотное состояние? Он даже не знает, за что убил человека, с которым прожил жизнь! Как это можно объяснить? И жалко было его, и больно оттого, что такое случается с людьми! Раньше, когда в продаже было полное изобилие спиртного на все вкусы и возрасты, часто приходилось сталкиваться с подобными преступлениями. В настоящее время они стали значительно реже, но еще дают о себе знать. Нельзя, видимо, сразу, одним махом покончить с этим социальным злом».

Долго Анатолий Михайлович изучал материалы дела, выписывая необходимые сведения. Он решил сам выступить по данному делу. Позвонил председателю народного суда, предложил рассмотреть это дело в выездном заседании непосредственно по месту жительства обвиняемого и потерпевшей. Председатель суда согласился.

— Анатолий Михайлович, вы в своей речи уделите побольше внимания алкоголизму, пьянству и борьбе с ними.

— Я поэтому и предлагаю рассмотреть дело в выездном заседании.

«Нужно хорошо подготовиться к процессу, — подумал Анатолий Михайлович. — Показать прямую связь между пьянством и тягчайшим преступлением — убийством человека». Он вспомнил первое дело, по которому ему пришлось выступать в суде. Тогда тоже было убийство, и тоже в нетрезвом состоянии муж убил жену. Из-за бутылки водки, которую та спрятала и не хотела ему отдать. Он начал ее избивать. Она смогла вырваться, выбежала из дома. Он схватил ружье и выстрелил ей в спину.

Случилось это в сельской местности, в деревне. Оба работали в совхозе. Тогда тоже состоялась выездная сессия. Анатолий Михайлович очень тщательно готовился к процессу. Полностью написал речь. Но когда начал говорить, отрывался от текста, потому что слова приходили сами.

Народу, собралось много, полный клуб. Слушали внимательно. Анатолий Михайлович говорил о том, что пьянство отупляет и оглупляет человека. Всем было известно, что Мезенцевы пили, дрались.

Жена постоянно ходила с синяками на лице. Никто не обращал на это внимания, потому что во многих семьях были такие же отношения. А сама потерпевшая, деградировавшая от постоянной пьянки, тоже считала все происходившее в порядке вещей. Алкоголь довел ее и мужа до животного состояния. Никаких интересов, кроме водки. И убийство — логический результат такой жизни. Даже судебный процесс и приговор не произвели какого-либо заметного впечатления на подсудимого. Он сидел с неподвижным выражением лица и тупо смотрел на происходящее вокруг него. Казалось, что ему все это совершенно безразлично. Тогда Анатолий Михайлович понял, что и апатия — результат алкоголизма: у Мезенцева, по-видимому, наступил этап полной деградации личности. Он был не только больным, но и опасным обществу человеком.

Аналогичное положение, наверное, и с Шоломовыми. Тоже каждодневное пьянство, ссоры, драки. Муж на протяжении длительного времени не работал. Родственники жены и соседи обращались в милицию по поводу их постоянных пьянок и скандалов. Однако никаких мер принято не было. А можно и нужно было заинтересоваться, на какие средства пьют супруги Шоломовы. Почему не работает муж? Если бы такой интерес был проявлен, возможно, и не случилось бы это тяжкое преступление. Недоработка милиции. Необходимо направить представление по этому вопросу начальнику райотдела.

Размышления Анатолия Михайловича прервали гудок и загоревшаяся лампочка переговорного устройства. К нему обращался помощник по уголовным делам.

— Анатолий Михайлович, я обобщил материалы о мелких хищениях на кондитерской фабрике...

— Заходите, поговорим.

Кондитерская фабрика составляла особую заботу милиции и прокуратуры. Здесь постоянно совершались мелкие хищения. С фабрики выносили шоколад, орехи, коньяк, другие компоненты. Усиливалась охрана, проводились внезапные проверки, принимались иные меры, однако хищения продолжались.

Полгода назад на одном из участков конфетного цеха ввели бригадный подряд. Анатолий Михайлович из опыта знал, что коллективная ответственность повышает заинтересованность людей в

сохранности имущества, и попросил помощника провести сравнительный анализ хищений на этом и других участках.

— Изучение показало, — доложил помощник, — что на участке, где внедрен коллективный подряд и введена коллективная ответственность за сохранность государственного имущества, хищений значительно меньше: за полгода задержан всего один рабочий с этого участка. На других аналогичных участках — до пяти—семи случаев, начальник цеха говорил, что это — безусловно, результат коллективного подряда и оплаты по конечному результату, когда учитываются количество созданной продукции и ее качество. Следует отметить, что качество продукции также заметно улучшилось. Достичь таких показателей невозможно, если будут иметь место хищения и, как следствие этого, недовложения различных компонентов.

— Это очень важные данные, — сказал Анатолий Михайлович. — Нужно подготовить представления директору фабрики, в областное управление пищевой промышленности и информацию в райком партии, в которых изложить результаты данного изучения и обосновать необходимость ускорения перевода всех участков, бригад фабрики на коллективный подряд. Такой переход, думается, не только сократит количество хищений на фабрике, но и улучшит результаты ее работы, повысит качество продукции. Значит, наше представление будет способствовать укреплению законности в районе и ускорению перестройки районной экономики. Сколько времени вам нужно для подготовки представлений? — спросил Анатолий Михайлович.

— Два дня. Есть еще другие дела.

— Хорошо. Послезавтра я вас жду.

После ухода помощника Анатолий Михайлович начал писать представление начальнику райотдела по материалам уголовного дела об убийстве Шоломовой. В это время зазвонил телефон. Это была жена.

— Ты звонил в РОНО? — спросила она.

— Нет. Ждал твоего звонка.

— Как и ожидали, Алеше сказали, что весь класс пойдет по профориентации на завод. В милицию или прокуратуру никого не направят. Позвони, поговори, может быть, для него сделают исключение.

— Хорошо. Я позвоню.

— Ну, пока.

Сын Алексей просто бредит работой в милиции или прокуратуре. Он учится в 8-м классе и твердо решил стать юристом, как и отец. И это неудивительно. С самого раннего детства все разговоры в семье были о следователях, инспекторах уголовного розыска, правонарушениях, укреплении законности. Но в жизни до поступления в вуз и прохождения практики сам не сможет реально познакомиться с этой профессией. А для того чтобы окончательно определиться в выборе работы, ему это очень необходимо. Почему нельзя ребят, допустим, после седьмого класса направлять в те организации, на предприятия, где они хотят работать и на практике познакомиться с той профессией, которой они ходят посвятить свою жизнь? Допустим, для его сына РОНО сделает исключение, а как быть другим, которые также хотят стать юристами? Почему бы не направлять желающих стать актерами, например, в театр? Пусть они своими глазами увидят работу актеров. Может быть, многие поймут, что это за профессия, и не будет наивного паломничества в театральные учебные заведения? Более высокую активность могли бы проявлять и предприятия, заинтересованные в получении рабочей силы. Смог же бригадир строительной бригады Сериков заинтересовать молодежь строительной профессией, являвшейся одной из самых непрестижных! У него никогда не было проблем с кадрами. Может быть, поговорить на эту тему в райкоме партии, райисполкоме? Ведь чем раньше молодой человек начнет сознательно готовиться к своей будущей профессии, тем более квалифицированным специалистом он станет, тем больше пользы принесет обществу.

Взгляд Анатолия Михайловича упал на перекидной календарь. Там была запись: поговорить с Колчановой. Он сразу вспомнил о том, что помощник по общему надзору Колчанова Е.П. завтра начинает проверку соблюдения законности в учреждениях и организациях. До окончания рабочего дня оставалось около часа. Пора встречаться с нею.

Елена Павловна пришла, как всегда, с бумагой и ручкой, чтобы записать все указания. Эта черта нравилась Анатолию Михайловичу: все будет выполнено точно и полностью.

— Я вас прошу при проверке обратить особое внимание на законность приказов, распоряжений, других документов, принимаемых

в районных учреждениях и организациях. Дело в том, что эти документы, как правило, имеют обязательное значение для подчиненных им предприятий, мастерских, ателье, других коллективов, расположенных в районе. И незаконное решение порождает правонарушения на территории района. Вовремя выявить незаконный акт и приостановить его действие — очень важная задача. На это я хотел обратить ваше внимание. Ну, а в остальном — как обычно.

Завязался деловой разговор. Елена Павловна сказала, из каких организаций поступает наибольшее количество жалоб на незаконные действия должностных лиц, принимаемые ими решения, что показывают проверки этих жалоб. По мнению помощника, многие должностные лица недостаточно знают законодательство, в частности, те его отрасли, с которыми эти лица постоянно сталкиваются. Некоторые, несмотря на высказанные им замечания, продолжают нарушать законы.

— Подготовьте обоснованные справки на таких лиц. Мы их привлечем к ответственности.

Рабочий день заканчивался. Секретарь принесла почту, поступившую во второй половине дня.

— Завтра — заседание исполкома районного Совета, — сказала она. — Здесь материалы к этому исполкому.

— Хорошо, я посмотрю. Кажется, мы все обсудили? — обратился Анатолий Михайлович к Колчановой Е.П.

— Да, — ответила она.

— Тогда желаю успеха.

Оставшись один, Анатолий Михайлович посмотрел на часы. Было без пяти минут шесть. Он встал из-за стола. Подошел к окну. «День прошел спокойно, — думал он, глядя на улицу, освеженную оранжевым светом вечернего солнца. — Не было опасных преступлений, требующих выезда на место происшествия, не вызывали в вышестоящие инстанции, другие учреждения, на различные совещания, заседания, которые проводятся почти ежедневно. Сегодня занимался посредственной работой районной прокуратуры, своими делами».

ПРИГОВОР

— Все произошло очень быстро. Я даже не успел ничего подумать. Они подошли все втроем сразу. Один из них, Кожин сказал: «Дай закурить». Я ответил, что не курю. Тогда он сказал: «Ты быстро бегаешь?» Я не понял сначала, что бы это означало, и молчал. Он сказал: «А ну покажи!» — и толкнул меня. Сначала повернул меня, а потом подтолкнул в спину. А Астахов в это время что-то говорил моей девушке Гале, взял ее за локоть. Где был Горшков в это время, и не помню. Он, кажется, стоял сбоку. Астахов потянул Галю под арку. Она ухватилась за меня. Я повернулся и сказал Астахову: «Прекрати». Тот засмеялся. Они все трое были пьяными. А Кожин сказал мне: «Ты хочешь лежать? Тебе надоело ходить по земле?» — и рукой толкнул меня в лицо. Я почувствовал запах табака и селедки.

— Прекратите, — снова сказал я им.

В то же время Горшков ударил меня сбоку по лицу.

— Беги, пока цел, — сказал он мне доверительно. И здесь я взорвался. Меня охватила какая-то ярость, дикая злость. Я ударил прямым в челюсть Кожина. Он упал. Горшков был очень близко, и я видел, как он пытается вытащить правую руку из кармана. Я стоял и смотрел. Я видел, что он не нападает, и тоже чего-то ждал и на шаг отошел от него. Когда он вытащил из кармана руку, я увидел нож. Он был большим и матово блестел. Я испугался, а Горшков с ножом шел на меня.

— Сейчас я тебе пощекочу селезенку, — сказал Горшков и бросился на меня, но подскользнулся, так как асфальт был мокрым и грязным, и упал к моим ногам. Я увидел его руку с ножом у моих ног и наступил на его руку со всей силой, пальцы его захрустели. И в это время меня ударил бутылкой по голове Астахов. Бутылка разлетелась. Перед глазами у меня поплыли черные круги. Я занимаюсь боксом, у меня 2-й разряд. Наш тренер Николай Иванович говорит нам всегда, если ты в трудном положении...

Судья недоуменно посмотрел на Александра, затем сказал: «Вы по делу, по делу. Тренировки ваши нас не интересуют».

— Я по делу, — ответил Александр и продолжал: — Так вот, он говорил нам, если тебя прижали, если ты в трудном положении, резко меняй позицию, уходе из-под удара. И здесь, когда меня ударил Астахов, я автоматически отпрыгнул в сторону. Мне было очень больно. Такое впечатление, словно мозг стал жидким и болезненно плескался в черепе. В ушах стоял звон. Я увидел, что Астахов наклоняется к ножу, который лежал на асфальте. Горшков в это время сидел на тротуаре или вставал, я не помню, не заметил, У меня только осталось в памяти, как он левой рукой сжимает кисть правой руки, сидя на земле. Когда это было, я не помню. Когда я увидел, что Астахов берет нож, я снова испугался — убьет ведь, к чертям! — и ударил его ногой в голову, так как он головой стоял ко мне. Он с ножом в руке упал на землю. Горшков уже оказался стоящим на ногах и одной ногой пнул меня ниже пояса, но промазал и попал по ноге. У меня как-то удачно получилось, он мне попал под удар правой и упал, а Астахов с ножом в руках снова вставал с земли, и тут я окончательно потерял контроль над собой: я бил его ногами. Подъехала милиция, и меня забрали.

— Где это случилось? — спросил судья.

— На Сыромятниках.

— Вы были трезвым или пьяным?

— Я был трезвым. Мы с Галей шли с тренировки из Лужников. Я ее провожал. Она занимается гимнастикой. Это и экспертизой подтверждается. Милиционеры думали, что я пьяный, так как меня рвало. У меня было сотрясение мозга от удара бутылкой. А в рапорте и первых показаниях милиционеры показывали, что я пьян.

— Вопросы есть к подсудимому Иванову? Нет? Правильно он показывает? — спросил судья.

— Нет, не правильно, — пробасил рослый, с широким лицом Кожин и встал. — Нет, неправильно. Мы на него не нападали. Он на нас напал. Мы сообразили на троих и стояли, разговаривали. Он шел со своей этой вот той... — И он показал пальцем на девушку, которая сидела на скамье. — Как ее? Свиридовой. Ну, значит, подошел к нам и говорит, дай, говорит, закурить. Ну, я, значит, ему ответил, что у меня нет, тогда он меня кулаком в нос, а потом, значит, сюда, в подбородок. Ну, я и с «копытков». И все. Больше не помню. И не знаю, что там было.

— Так было дело, Астахов?

— Я этого не видел. Я, правильно, разговаривал с Галей... — Он кивнул головой в сторону девушки. — А потом вижу, что Кожин лежит. Я подошел к нему, ты что, говорю ему, а он меня бах в зубы, и все. Он боксер, бьет — будь здоров. Сбил с ног, а потом бил ногами. Ребро сломал.

— Почему вы были с ножом? — спросил судья.

— Не было у меня ножа.

— Как же не было? Когда подъехали милиция, то у вас в руке был нож.

— Не знаю. Не было у меня ножа. Это милиционер выдумал.

— Никто ничего не выдумывал, Астахов. Вот он, нож. — И судья вынул из пакета большой финский нож. — На рукоятке его экспертизой обнаружены следы пальцев вашей руки. Не надо врать, Астахов. Здесь все ясно. Садитесь. Горшков, что скажете вы?

— Я ничего не помню, я был пьяный. Сильно.

— Это ваш нож?

— Да, мой.

— Как он попал на место драки?

— Не знаю. Мы были у меня в тот вечер, выпивали и этим ножом резали хлеб. Может быть, кто-нибудь из них взял. Я не знаю. А может, и я сам взял, я не помню. Я был очень пьян.

— Свиридова, расскажите суду, как было дело.

Девушка встала.

— Саша Иванов правильно рассказал. Мы шли с ним, разговаривали, а они нам встретились и стали хулиганить. Горшков ударил

Сашу, я видела, у него даже шляпа упала с головы, а Кожин его толкал, и все ругались нецензурно. Они были пьяные. Астахов тащил меня под арку, говорил всякие гадости, предлагал пойти с ним, спрашивал, что в меня в сумке, хватал меня руками, лапал. Я сама видела нож. Видела, как Горшков хотел ударить Сашу ножом. Я боялась, что Горшков его зарежет. Он был такой злой, ругался матом, говорил: сейчас я пощекочу тебя, выпущу кишки. Я кричала, мне было очень страшно. Ни я, ни Саша совсем не виноваты. Мы после тренировки шли домой. Люды, моей подруги, в тот день не было на тренировке, и поэтому Саша пошел меня проводить, так как у нас на Сыромятниках вечером страшно ходить одной. А Саша ни в чем не виноват, он защищался сам и меня защитил. Если бы не он, я не знаю, чтобы они со мной сделали. Они были — как звери.

— Суду все ясно, — сказал судья. — Еще у кого будут вопросы? Дополнения? Предоставляется последнее слово подсудимым. Кожин.

— Я прошу, граждане судьи, учесть, что я пострадавший от этого Иванова. У меня трещина в мозгу, то есть в черепе. Я упал, ударившись об асфальт, и лежал в больнице. Бюллетень в деле.

— Горшков, — сказал судья.

— У меня пальцы не полностью сгибаются.

— Ну и что? — спросил судья.

— Ну вот я и прошу с него взыскать... — Он кивнул на Иванова.

— А почему с него? Может быть, вы сами себе наступили на пальцы? Ведь вы ничего не помните. Астахов, слушаем вас, — сказал судья.

— Мне он ребро сломал.

— Иванов, вы что скажете?

— Я не виноват. Я не хотел с ними драться. Если бы они сами не напали первыми, не били меня, не трогали Свиридову, я бы их не трогал. Сами налетели, учинили драку, были пьяными.

— У вас есть больничный лист?

— Нет. Я не обращался к врачу, хотя голова болит до сих пор.

— Напрасно. Надо было обратиться. Суд удаляется на вынесение приговора, — объявил судья, и все встали.

В зал вошли три милиционера и сели около двери. У Александра сжалось сердце. Он слышал, что если выносят лишение свободы,

то милиция «арестовывает в зале суда» не давая выйти. «Посадят, к чертям. Все троих покалечил. На кой я связался с ними? Вот теперь расхлебывайся. Нужно было уйти, и все. Только Галку жалко, как бы потом смотрел ей в глаза, если бы она осталась жива. Ладно, будь что будет. Я правильно поступил, что надавал им. У, подонки, сидят, невиновных из себя строят. В переулке королями были. И жалко себя — сидеть за этих типов не хочется».

Вышел суд. Судья стал читать приговор. Вначале шло описание драки: кто начал, как дрались, кто был с ножом и т.д. Затем — суд приговорил: Кожина — к 1 году лишения свободы; Горшкова — к полуторам годам лишения свободы; Астахова — к 1 году лишения свободы. «Иванова...» У Александра сжалось сердце: всех под одну гребенку, годик придется сидеть, думал он. «Александра Сергеевича... оправдать». Далее судья говорил о том, что со стороны Иванова имела место необходимая оборона, которая исключает его ответственность.

Чтение приговора закончил словами: «Кожина, Горшкова и Астахова взять под стражу в зале суда».

Александр опустился на скамью, его не держали ноги.

Кожина, Горшкова и Астахова милиционеры выводили из зала суда.

СЕРЕЖКА

Думы Сережки были тяжелыми. Скамья подсудимых — не скамейка в парке. «Ничего я не сделал, никого не убил, не ограбил, а судят и дадут срок, точно, дадут, там бумаг достаточно. Такую выпишут путевочку — не вернешься. А за что? За то, что этого алкоголика по башке стукнул? Так ему и надо. Эх, жизнь! Мать тут еще... Не мать, а так... одни мужики у нее на уме. Вот и посадила меня... Ладно, отсижу, не буду я больше вмешиваться. Пусть живет, как хочет. А этому хромому не мешало бы поломать и вторую ногу, чтобы на обе хромал».

— Встать, суд идет! — объявил секретарь.

Все встали. Встал и Сергей, сложив автоматически руки за спину, — в тюрьме и не тому научат. Сели.

— Подсудимый, встаньте. Фамилия, имя, отчество? — ровно говорил председательствующий.

Опять все сначала, думал, хоть в суде не будут об этом спрашивать, думал Сергей, отвечая на вопросы председательствующего.

— Можете садиться.

Сергей сел. Председательствующий что-то говорил еще, ему отвечал прокурор, пожилой, в прокурорской форме человек, говорила что-то адвокат, молодая женщина, еще кто-то говорил, потом удалили свидетелей. Сергей сидел, безучастный ко всему, он «четко» знал, со слов тюремных «правоведов», что дадут не больше 3 лет и отправят в колонию для несовершеннолетних, ведь ему еще нет и 17 лет.

— Оглашается обвинительное заключение, — объявил председательствующий и начал читать.

Сергей слушал и не слушал. Он эту «обвиниловку» наизусть знал, изучая ее целую неделю в камере.

«...Тогда обвиняемый Воротов, нецензурно ругаясь, набросился на инвалида Помазкова и беспричинно начал его избивать. Ударил два раза кулаком по голове, а затем, схватив бутылку, ударил его бутылкой, разбил голову, чем причинил менее тяжкие телесные повреждения...»

«Витьку бы сейчас встретить, — думал Сергей. — Что бы он сказал обо всей этой истории? Все! Больше не погуляем с ним вечером. Он так играет на гитаре — заслушаешься. А поет! Ничего, мы еще свое возьмем. Выйду — и все будет нормально. Черт с ним, с хромым и с матерью. Пошли они оба... Мне самому жить надо. С тюрьмы начинать не очень здорово, но что делать? Переживем. А ноги бы этому инвалиду-потерпевшему не мешало переломать. Сволочь — вот он кто, а не потерпевший! Гад, сам же меня напоил, а потом всякие гадости начал говорить о матери и придираться к ней. Опять бы избил.

Мать, конечно, не ангел, пьяница и гуляка, я и сам знаю. Но когда такой подонок начинает ее обливать грязью... На суд явились вместе, и во хмелю оба. Сына родного посадила, и хоть бы что. Передачи носила. А сколько раз домой не пускала: «Погуляй, погуляй», — а где погулять, когда 12 часов ночи и на улице 20 градусов мороза? Метро закрывают, выгоняют. Хорошо Витька — друг и предки у него приличные: и накормят, и спать уложат!

— Подсудимый, встаньте.

«Что еще от меня нужно?» — подумал Сергей, вставая.

— Признаете себя виновным? — спросил председательствующий.

— В чем? — не понял Сергей.

— В учинении драки и избиении гражданина Помазкова. В причинении ему телесных повреждений.

— Драки не было никакой, — начал он объяснять.

— По голове бутылкой его били?

— Ну, ударил один раз.

— Значит, признаете? Да или нет?

— Признаю. Да.

— Расскажите, как у вас все это произошло.

Сергей подробно и не спеша рассказал, как мать и Помазков принесли бутылку водки, мать поставила закуску на стол, сказала, что у нее именины. Сергей не хотел с ними пить и не хотел, чтобы мать пила, так как пьяной она вела себя очень плохо: плакала, ругалась. Но мать налила ему сама. Сергей выпил всего одну маленькую рюмку. Мать тоже пила немного. Всю бутылку выпил Помазков и, захмелев, начал говорить всякую чушь, в том числе гадости о матери. Нецензурно Сергей не ругался, он только называл Помазкова подонком и сволочью. Это Помазков на него наговорил, что он ругался нецензурно.

— Почему вы скрывались от следствия? — спросил председательствующий.

— Я не скрывался, — ответил Сергей. — Я жил у Виктора Поликарпова, так как дома не мог находиться.

— А почему не являлись по повесткам?

— Я не получал повесток, мне их не передавали. Помазков их, наверное, получал и куда-то девал.

— Не видел я никаких повесток, — сказал Помазков с места.

— Вас пока не спрашивают, потерпевший, — сказал председательствующий. — Помолчите.

Председательствующий еще задавал вопросы, Сергей отвечал. Задавали вопросы прокурор и адвокат о его учебе, жизни, проведении свободного времени, книгах, которые он читает, поведении матери. Сергей отвечал, отвечал. Потом ему разрешили сесть, и мысли его снова потекли непрерывной цепочкой.

«И ремесленное не успел закончить. Теперь уж после освобождения, если, конечно, примут обратно. Ребята уже закончат к тому времени, станут токарями...»

— Потерпевший, расскажите суду, что у вас произошло с подсудимым 5 марта вечером на квартире матери подсудимого?

— Мы, значит, немного выпили, воскресенье было, сидели, разговаривали. Я подсудимому начал говорить, что он иногда плохо себя ведет, грубит матери, курит, ругается, не слушает мать. Он на меня начал ругаться нецензурно, стал выгонять меня, толкать руками. А я что, я на одной ноге. Я не мог с ним совладать, он вон какой...

«Врет все, врет!» — думал Сергей и глядел на мятый затылок Помазкова.

— Он меня и того — бутылкой по голове, вот, шрам остался. — И Помазков повернул голову к судье, показывая пальцем на шрам. — Ну, у меня, понятно, полилась кровь, мать его вступилась, отняла бутылку, а то бы он меня убил.

— Врет он все, — громко и зло сказал Сергей.

— Вам слова не давали, подсудимый. Молчите, — сказал председательствующий. — А о матери подсудимого вы что-нибудь говорили?

— Говорил. Говорил, что ей тяжело, что она работает одна, что ей надо помогать.

«Вот мерзавец», — думал Сергей.

— А почему вы находились в квартире подсудимого? — спросил председательствующий.

— Я знаю его мать и бывал у нее. А сейчас там живу, — добавил он.

— Вы давно с нею знакомы?

— Около года.

— У вас есть семья?

— Да, есть, но я с нею не живу. Мы с Полиной... — Он кивнул в сторону матери Сергея. — Хотим жить вместе, а подсудимый не хотел этого, выгонял меня.

Потом говорила соседка, тетя Тоня, которая слышала шум, крик, ругань и видела окровавленного Помазкова. Рассказала, что кричал и ругался Помазков и плакала мать Сергея. Сергей не кричал и не ругался, он выталкивал Помазкова из комнаты и говорил, чтобы тот убирался от них. Рассказала также, что мать Сергея — гулена, а Сережка — безнадзорный с малых лет.

Потом говорил мастер, Иван Андреевич, просил не лишать свободы Сергея, говорил, что он не знал о сложности домашних условий Сергея. Сергей сам не рассказывал, а училище не поинтересовалось. Что на следствии мастер не знал обо всех обстоятельствах дела. Следователь ему сказал, что Сергей, пьяный, избил отчима. Говорил, что если Сергея не посадят, то ему дадут общежитие, заберут его от матери и он будет жить с ребятами. Передал суду ходатайство училища о передаче Сергея на поруки.

Потом говорила Витькина мать — Мария Васильевна. «Откуда она? — подумал Сергей. — Ведь ее не было на следствии». Она подробно рассказала все про мать и про него и про то, как он ночевал у них, а иногда жил, когда мать запивала.

— Вообще-то он мальчишка хороший, вежливый, мягкий, не курит. С Виктором, моим сыном, приборами какими-то занимаются, конструируют что-то. Я считаю, что довели парня просто...

Она говорила что-то еще, но Сергею уже надоело все это! «Скорей бы уж конец. Приговор, и все... И снова в камеру. Там спросят: "Ну, сколько отвалили?"»

Сергей представил себе камеру — нары, каменный пол, решетка, и ему страшно не захотелось туда возвращаться. Если бы кто знал, как ему не хотелось! Сейчас бы на улицу хоть на часок, хоть на полчасика, пройти по тротуару, просто так пройти, и все. Постоять на перекрестке, подождать, пока зажжется зеленый свет светофора.

Долго говорили прокурор и адвокат. И все про то же: выпивали, говорили, ударил бутылкой, убежал.

Сергей ничего не понял: если слушать прокурора — он поступил неправильно, а у адвоката получалось, что он сделал как раз то, что надо, стукнув Помазкова.

— Подсудимый, встаньте! Вам предоставляется последнее слово. Что вы хотите сказать суду?

— Я не знаю. — Сережка встретился взглядом с председательствующим, который задумчиво смотрел на него. В груди у Сережки что-то шевельнулось. — Я прошу не лишать меня свободы. Я виноват, что ударил Помазкова. — Сергей посмотрел на адвоката, та копалась в своих бумагах. Сзади, за спиной всхлипывала мать. — Но я больше уже не мог видеть, как мать с ним пьет, как он спит, пьяный, у нас. Я давно хотел, чтобы он не ходил к нам. Я звонил в милицию, но они не приняли мер. Когда он начал еще говорить гадости о матери, я больше не мог вытерпеть и ударил его. Я прошу не сажать меня. Я хочу закончить училище, поступить на работу и уйти от матери. С ней вместе я больше жить не могу. — Сергей замолчал.

В зале повисла тишина, только слышались тихие всхлипывания матери.

— Все у вас? — спросил председательствующий.

— Все, — ответил Сергей.

— Суд удаляется для вынесения приговора, — сказал председательствующий.

И опять сидел Сергей на скамейке, а рядом стоял милиционер. «Выйти бы сейчас на улицу», — думал он и смотрел в окно.

— Встать, суд идет, — объявил секретарь.

«Наконец-то, — подумал Сергей, вставая. — Сейчас все кончится».

Председательствующий читал приговор.

«Опять то же самое, — думал Сергей и смотрел за окно. Все после окончания суда пойдут из зала на улицу, а меня снова в “воронок” и в камеру». Сердце Сергея тоскливо сжалось.

Судья читал что-то об аморальном поведении матери, отсутствии воспитания, пьянках, об ее ответственности.

— Суд приговорил: Воротова Сергея Петровича — к 2 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии для несовершеннолетних. В силу статьи 44 УК РСФСР наказание считать условным с испытательным сроком в течение 3 лет... Передать на перевоспитание коллективу училища... Из-под стражи освободить в зале суда...

Милиционер отошел и сел на скамейку.

Сергей ничего не понимал. Он стоял, опустив голову, смотрел в пол, и из глаз его потекли слезы. Ему стыдно было их вытирать, и они сбегали по щекам и падали на пол. Ему уже не нужно возвращаться в камеру, и он сделает все, чтобы не вернуться туда никогда.

ДЕЛО О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Зал судебного заседания районного народного суда. Слушается дело о лишении родительских прав матери двух детей, мальчиков — четырех и пяти лет. В зале много народа. Непростое дело — лишить мать родительских прав, т.е. признать, что она не может являться матерью. Не часто такое бывает. Но сегодня слушается именно такое дело. Решается судьба двух маленьких мальчиков, которых нет в зале суда и которые, возможно, никогда не узнают об этом процессе, о том, что именно он сыграл важную роль в их жизни. Никто не знает, кем они станут, когда вырастут. Собравшиеся в этом зале хотят, чтобы они выросли честными людьми, достойными гражданами нашего общества. Но дадим слово участникам процесса.

Истец. Высокий крупный мужчина с большими сильными руками рабочего человека. Не спеша встал, покашлял в кулак.

— Моя жена начала выпивать после рождения первого ребенка, — произнес он глуховатым голосом. — Но эти случаи были не часты. Я думал, что это пройдет. Думал, родится второй ребенок — кончится эта блажь. Но после рождения второго и когда он немного подрос, у нее появились запои. Она напивалась до невменяемости. Мы вначале жили с моими родителями в одной квартире. За детьми смотрела мать — и кормила, и мыла их. Потом мы получили отдельную квартиру и уехали от родителей. Там дети оказались без-

надзорными. Нередко бывало так, что я приходил домой, жена спит пьяная, дети не накормленные, неухоженные. Я просил мать, чтобы она приезжала и ухаживала за ребятами. Жена была против. Настраивала детей против бабушки и дедушки. Я много раз разговаривал с женой, просил ее, чтобы она бросила пить. Говорил, что иначе разведусь. Она обещала, но через некоторое время опять напивалась, и все продолжалось по-прежнему.

— Врет он все, — раздался вдруг громкий хриплый голос. Все обернулись. Говорила женщина с отекшим, словно со сна лицом. — Сам жрал водку в три горла.

— Ответчица, вам слова никто не давал. Помолчите, — спокойно сказала судья, пожилая женщина с гладко причесанными седыми волосами.

— В 1967 году, — помолчав некоторое время, продолжал истец, — я подал заявление на развод и одновременно просил взыскать с нее алименты на содержание детей. Я думал, что это ее остановит, что она одумается, бросит пить. Но ошибся. Вначале она не пила, жизнь вроде стала налаживаться. Но потом опять стала пить.

— Где и кем вы работаете? — спросил народный заседатель, молодая женщина, похожая на учительницу.

— Я работаю шофером. Раньше работал на международных рейсах. Бывал в командировках. Мне соседи говорили, что к жене приходят мужчины. Я ушел с той работы. Устроился в городе. Каждый день бывал дома. Жена не стала ночевать дома. Где она бывала, я не знаю.

— Все врет. Сам шатался неизвестно где. В командировках он бывал... Ха-ха, — опять громко сказала та женщина, которую судья назвала ответчицей, и хрипло засмеялась.

В зале стояла некоторое время тишина. Судья строго посмотрела на нее. Та отвернулась.

— Все это отрицательно влияло на детей, — продолжал истец. — Они начали говорить всякие нехорошие слова, не слушались. Сейчас они живут у моих родителей. Жена совершенно им не уделяет никакого внимания, не занимается их воспитанием. Я чаще бываю у родителей, чем дома. Дальше так жить нельзя. Поэтому я прошу лишить ее родительских прав. Я и мои родители воспитаем детей и без нее.

Вопросов к истцу не было. Он сел на свое место. Судьи, посовещавшись, предоставили слово матери истца — маленькой, худенькой старушке.

— Все, что сказал мой сын, — правда. Так оно и было.

— Правильно, правильно. Заладили, — негромко, но четко сказала ответчица. — Сама была против меня, потому что я из деревни.

— Глупая, — повернувшись к ней, ответили старушкаю. — Опять ты не то говоришь. Мы сами не больно городские. Дело не в деревне. Она очень грубая, — повернувшись к суду, продолжала она. — Оскорбляла сына, нас с мужем. Даже драться налетала. А когда стала выпивать, вообще жизни никакой не было. — Она заплакала, молча вытирала слезы. — Мне мальчиков, внучат жалко. Не повезло им. Сиротинки при живой матери. Но мы их воспитаем, поставим на ноги. Что теперь делать.

Суд выяснил, что родители истца — пенсионеры, живут в однокомнатной квартире, хотят воспитывать внуков.

Когда слово было предоставлено ответчице, она сразу перешла в атаку:

— Они все сговорились. Специально так говорят, чтобы избавиться от меня. Он, — кивнула она головой в сторону истца, — нашел себе, наверное, городскую, расфуфыренную. А я простая, деревенская, не умею так одеваться. — Она заплакала. — Зачем он на мне женился? Привез сюда, а теперь бросает и детей отнимает. Что я буду делать одна? Вот возьму и уеду обратно в деревню. И пусть он с детьми один поживет.

— Ответчица, — остановила ее судья. — Вы должны отвечать по существу дела. Признаете вы иск или нет? Если нет, то почему?

Она некоторое время помолчала, тупо глядя на судью.

— Как это признаю? Не признаю.

— То есть вы согласны с тем, что говорит истец и не возражаете, чтобы детей воспитывал он и его родители.

Она некоторое время молчала.

— Нет, не согласная я. Врет он все. И мать его тоже врет. Вовсе я не дралась с ними и не ругалась. А детей я воспитывала. Выпивала только вместе с ними. Путь они докажут, что я пьяница и что за детьми не ходила. У них свидетелей нет. А без свидетелей нельзя судить. Я не согласная.

— Значит, вы считаете, — продолжала судья, — что оснований для лишения вас родительских прав нет, что вы сами в состоянии воспитать детей. Но истец говорил, что вы выпиваете и ведете себя в отношении детей неправильно.

— Врут они. Я не пьяница. Они сами пьют, а муж — вообще алкоголик.

— Вы утверждаете официально, что ваш бывший муж — алкоголик?

— Да, я заявляю официально.

— Хорошо, мы проверим. Слово предоставляется представителю районного отдела народного образования.

Встала молодая стройная женщина.

— РОНО поддерживает исковые требования истца. Факты, изложенные им, соответствуют действительности. Мы обсуждали поведение матери на заседании комиссии по делам несовершеннолетних. Наши работники проверили условия жизни детей у бабушки и дедушки. И, по мнению комиссии, они вполне могут это сделать. Дети выглядят ухоженными. Чувствуется, что в отношении их проявляется большая забота. Комиссия обследовала и условия жизни матери. В квартире грязно, не прибрано. Ответчица при посещении ее членами комиссии находилась в нетрезвом состоянии, грубила, выталкивала их из квартиры. В такой обстановке дети находиться не могут. Комиссия считает, что ответчица должна быть лишена родительских прав, а дети оставлены на воспитание отцу и его родителям. Комиссия также считает, что ответчица не достойна проживать в нашем городе, и поэтому обращается к суду с ходатайством о выселении ее из Москвы.

— Не имеете права выселять из Москвы. У меня постоянная прописка, — вдруг, быстро встав с места, громко сказала ответчица. — Не ваше это дело.

— Я вас предупреждаю, — спокойно сказала судья, — если вы будете вести себя неправильно, мешать слушанию дела, я вас удалю из зала суда.

Следующее слово было представлено инспектору по делам несовершеннолетних, молодой женщине в милицейской форме.

— К нам обратились соседи ответчицы. Они сказали, что мать двух детей пьет, к ней приходят мужчины, когда муж бывает в

командировках. Дети часто гуляют во дворе без надзора, плачут на лестничной клетке. Мать ругается на них нецензурной бранью.

Я лично занималась этой семьей. Много раз ходила к ответчице на квартиру, беседовала с ней, вызывала в детскую комнату вместе с мужем и одну. Обратилась по месту ее работы, чтобы там на нее оказали воздействие. В материалах дела есть акты о посещении квартиры ответчицы. Там отмечено, в каком состоянии она находилась, как себя вела. Она нередко бывала выпивши. Один раз шумела, оскорбляла соседей, ругалась. В квартире не убрано. Грязно.

Один раз дома находился муж. Ответчицы не было. В квартире — порядок. Дети играли. Он читал. Был трезвый.

Во время бесед она обещала больше не пить, вести себя нормально. Но слова никогда не держала.

Детская комната считает, что оставлять детей с матерью нельзя. Они уже начинают все понимать и перенимают плохое от матери. Ее необходимо лишить родительских прав.

— Во как. Раньше она говорила, что хочет мне помочь, а теперь что? — негромко, не поднимая головы, сказала ответчица.

— Да, мы хотели вам помочь. Сколько раз я с вами беседовала. Вы обещали не пить и воспитывать детей, как надо. Но слова не держали. А теперь речь идет о будущем ваших детей. С вами разговаривать бесполезно.

Представитель совета общественности дома. Пожилой полный мужчина.

— Вот и этот вылез, — глядя на него, негромко, как бы для себя сказала ответчица. — Тебя только здесь не хватало.

Никто не обратил на ее реплику внимания.

— Все это происходило на наших глазах. Наш совет ею тоже занимался. Я живу в соседней квартире. Много раз слышал скандалы, шум. Она как напивалась, так буянила. Муж ее связывал.

Детей кормила нерегулярно. В нетрезвом состоянии укладывала детей спать не кормлеными, не следила за ними. Они часто бывали грязными, неряшливо одетыми. Муж вынужден был не давать ей зарплату, сам покупал детям пищу и одежду. Помогала им и бабушка, когда он бывал в командировках. Совет считает, что детей ей оставлять нельзя. Она их испортит.

— Ответчица заявила суду, что истец — алкоголик. Что вы можете сказать по этому вопросу? — спросила судья.

— Какой он алкоголик? Разве алкоголик может работать шофером. Их же проверяют. Я его пьяным ни разу не видел, кроме больших праздников. Так тогда все выпивают.

Следующим выступил рабочий предприятия, где работала ответчица.

— Я член цехкома профсоюза. Ответчица работала в нашем цехе. Она на работе появлялась в нетрезвом состоянии, нарушала трудовую дисциплину, прогуливала. Мы ею занимались. Обсуждали на заседании цехового комитета. Потом пришло письмо из милиции. Я был назначен от цехкома для проверки ее домашних условий и оказания помощи по воспитанию детей. Бывал у них на квартире. Много раз видел ее пьяной. Разговаривал с мужем, его родителями. Обсудили ее на цехкоме. По предложению цехкома она лечилась от алкоголизма. Некоторое время не пила. А потом опять принялась за старое. По ходатайству цехового комитета младший мальчик, как ослабленный, был направлен в детский санаторий для лечения и отдыха. Но наши добрые дела не оказали на нее никакого воздействия. Недавно она уволена с предприятия за прогул — не выходила на работу несколько дней, пьянствовала.

Я считаю, что решение суда о лишении ее родительских прав будет правильным.

Слова рабочего ответчица слушала, опустив голову, и молчала.

На свидетельском месте — воспитатель детского сада, молодая девушка.

— Дети истца и ответчика находятся в нашем саду. Обычно в садик их приводит бабушка. Отец. Раньше приводила мать. Но в этом году она ни разу в детсад за детьми не приходила. Всегда их брал отец или бабушка. Летом, когда детсад был за городом, туда приезжал отец вместе с бабушкой и дедушкой. Один раз приехала мать, ответчица, требовала выдать ей детей. Она была в нетрезвом состоянии, очень пьяна. Я не могла ей дать детей, направила ее к заведующей. Заведующая тоже сказала ей, чтобы она пришла в другой раз, когда будет трезвой. Она устроила скандал, оскорбляла заведующую, меня, кричала, ругалась нецензурно. Мы ее с территории детского сада удалили. Больше я ее ни разу в течение всего лета в детском саду не видела. Ее, видимо, очень мало интересуют ее собственные дети. Ей, наверное, все равно, как они растут. Хорошо, что ее дети находятся в детском саду, где им созданы все усло-

вия, чтобы они нормально росли и развивались. Я представляю, что было бы с ними, если бы их воспитанием занималась она. Я думаю, что, кроме плохого, она их ничему не научит. Поэтому считаю, что ее надо лишить родительских прав.

— Ты сама роди сначала, — вдруг зло сказала ответчица. — А то туда же: лишить родительских прав. Сама ты родительница?

Председательствующая строго посмотрела на ответчицу, но ничего не сказала. Та со злым выражением лица отвернулась.

После этого слово было представлено истцу и ответчице, которые повторили сказанное ранее. Дал заключение прокурор — молодая женщина. Она предложила лишить ответчицу родительских прав. После чего суд удалился в совещательную комнату для принятия решения по делу.

Через некоторое время судьи вошли в зал судебного заседания. Все встали. Председательствующая судья огласила решение, результативная часть которого гласила: «Лишить ответчицу родительских прав».

Услышав эти слова, ответчица рванулась к столу, за которым стояли судьи.

— Неправильное решение, — громко говорила, почти кричала она, — неправильное решение. — Она оттолкнула народного заседателя, который хотел ее остановить, и пыталась вырвать из рук председательствующей судьи решение. Но та увернулась, подняв руку, в которой держала решение, вверх. Ответчица, стараясь достать его, толкала судью. В это время народный заседатель схватил ее сзади и оттащил от судьи. Ответчица стала вырываться от него, зло повторяя: «Неправильное решение, неправильное решение».

Пригласили милиционера, увидев которого, ответчица сразу перестала буянить. Милиционер вывел ее из зала судебного заседания.

Было возбуждено уголовное дело по статье о хулиганстве. После окончания следствия дело было направлено в суд, который назначил ей год лишения свободы с принудительным лечением от алкоголизма, поскольку экспертиза установила, что она является алкоголиком.

СОВЕЩАТЕЛЬНАЯ КОМНАТА НАРОДНОГО СУДА

(Рассказ народного заседателя)

— В заключение я хочу повторить то, с чего начал, это в первую очередь относится к тем из вас, кто впервые избран народным заседателем. Запомните, товарищи, что закон устанавливает ваше равноправие с народными судьями во всех вопросах судебного разбирательства. Если в ходе судебного процесса у вас возникнут какие-либо сомнения, выясняйте все до конца. Если вы считаете, что судья в чем-то не прав, смело отстаивайте свою точку зрения. С вашей помощью, как говорится, осуществляется общественный контроль за деятельностью суда изнутри. Ваша задача — осуществлять его качественно. От этого правосудие только выиграет. — Так закончил свою беседу с нами, недавно избранными народными заседателями, член городского суда, пожилой многоопытный судья.

И вот состоялся первый процесс. Народные заседатели старались быть активными, задавали вопросы подсудимому, свидетелям, адвокату, прокурору.

— Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора по делу, — объявил председательствующий.

Все встали. Зал десятками глаз внимательно следил за нами, когда мы выходили из зала судебного заседания.

В совещательной комнате председательствующий достал сигареты, не спеша закурил. Николай Ильич, мой напарник, тоже народный заседатель, встал у окна. Все сосредоточенно молчали.

— Ну так с чего начнем? — спросил председательствующий и посмотрел сначала на меня, затем на Николая Ильича.

— Надо подумать, — ответил я.

— Надо обсудить, — сказал Николай Ильич и отошел от окна. — Дело, прямо скажем, сложное. Как ни тщательно мы исследовали там, в зале, все обстоятельства, однако у меня остались кое-какие сомнения, например, о причастности к преступлению Коркина. А ведь всякие сомнения следует толковать в пользу подсудимого.

— Прошу к столу, — сказал председательствующий. Мы сели вокруг стола. Председательствующий положил перед собой дело и протокол судебного заседания. — С чего начнем?

— Нужно разобраться сначала с Коркиным, — предложил я. — Его участие в преступлении, мне кажется, доказано не вполне. Адвокат также обратил на это внимание.

— Не просто обратил, а подчеркнул, — неожиданно сказал Николай Ильич.

Я отлично помню, как адвокат очень долго и не без иронии анализировал показания работника милиции. Свидетельница Огородникова, видевшая одного из преступников на месте преступления, никого не опознала в проходной хладокомбината, когда рабочие шли на смену. Тогда милиционер вспомнил о Коркине, который ранее задерживался органами милиции за мелкое хулиганство и «за нахождение в нетрезвом состоянии в общественных местах». По приметам Коркин был похож на того парня, которого свидетельница видела на месте преступления. Адвокат, со своей стороны, указал на слабость обвинения его подзащитного. Действительно, довод работника милиции о том, что Коркина он задержал, так как совпали приметы, звучал не очень убедительно. Но с другой стороны...

— Это как посмотреть, — взглянув на меня, сказал Николай Ильич. — Дело не в этом, дело в фактах. Дежурный администратор хладокомбината Огородникова ведь не опознала Коркина в проходной, когда он шел на работу, а опознала, когда его привел милиционер. Так? Конечно, если тебе показывает какого-то человека милиционер и говорит: «Он?» — трудно сказать, что не он. Так могло получиться и с Коркиным.

— Вы не совсем правы, Николай Ильич, — сказал председательствующий. — Не будем спорить, обратимся к показаниям. В про-

токоле записано: Огородникова в своих показаниях говорит, что в то утро она опоздала и пришла в проходную не к началу смены, а на пятнадцать минут позже, когда часть рабочих уже прошли на хладокомбинат. Вместе с прошедшими мог быть и Коркин. Так? Дальше. Милиционер привел в проходную не только Коркина, но еще трех человек. Привел их одновременно и всех посадил в комнате начальника караула. Хотя это происходило в присутствии Огородниковой, но она опознала Коркина среди других рабочих хладокомбината. Это обстоятельство очень важно, и оно имеет большое доказательственное значение по делу.

Николай Ильич крякнул и ничего не ответил.

— Но начнем сначала, — сказал председательствующий. — Рассмотрим все по порядку. Давайте, чтобы не ошибиться, смотреть показания. Первый, кто понял, что совершается преступление, была врач комбината Куликова. Вечером 17 октября, проходя по платформе, где разгружают вагоны с мясом, она услыхала стук. Он раздавался с обратной стороны вагона. Стук ей показался подозрительным, и она сообщила об этом заведующей складом комбината Прохоровой, находившейся в конторке склада. Выйдя на платформу, та тоже услыхала стук и, увидев начальника технологического цеха комбината Тихомирова, который стоял метрах в двадцати на платформе и разговаривал с начальником караула Семеновым, крикнула ему «Воры!» и спрыгнула с платформы на землю, чтобы обойти вагон и задержать преступников. Так?

— Пока все так, — сказал Николай Ильич. — Дальше не совсем понятное начинается. Прохорова говорит, что видела троих воров. Двое выскочили из вагона и убежали, а третий, Ивакин, лежал под вагоном. Тихомиров говорит, что из вагона выскочил один человек, за которым он и погнался. Семенов же видел только одного Ивакина. Вот тут и разберись, где правда. Сколько же их было? Может, действительно трое?

— Сейчас, Николай Ильич, разберемся. Мне, например, ясно, — ответил председательствующий. — Помните, я задавал очень много, казалось бы, второстепенных вопросов — кто где стоял, как стоял, как вел себя?

Я помнил эти вопросы председательствующего. Например, он спросил Тихомирова: «Вы курили, когда услыхали крик Прохоро-

вой?» — «Курил», — ответил тот. «А перед тем, как прыгать с платформы, вы бросили сигарету?» — «Какое это имеет значение?» — думал я в то время и только позднее понял, как важны для дела эти детали. «Нет, не бросил, — ответил Тихомиров. — Я бросил ее, когда догонял вора. Она мешала мне схватить его, и я выронил ее из руки». Прохорова показала, что один из убегающих воров был с сигаретой. Она светилась в темноте. Это был Тихомиров.

— Вы как считаете, сколько было воров? — обратился председательствующий ко мне.

— Мне кажется, двое, — ответил я.

— И я уверен — двое, — сказал председательствующий. — Вот смотрите, как протекали события. У платформы было два вагона. Прохорова находилась рядом не с тем вагоном, из которого совершалась кража, а с другим. Тихомиров и Семенов стояли от нее метрах в тридцати. Вот схема, видите. Таким образом, вагоны находились как бы между Прохоровой с одной стороны, и Тихомировым и Семеновым — с другой. При этом вагон, из которого совершалась кража, был со стороны Тихомирова и Семенова. Ясно? Прохорова, крикнув Тихомирову, спрыгнула с платформы и побежала к вагону, из которого совершалась кража. Дверь его была открыта со стороны, противоположной платформе. Для того чтобы добежать до нее, женщине нужно было обогнуть первый вагон, пробежать его, и только после этого она оказывалась у двери там, где совершалась кража. Так?

Николай Ильич утвердительно кивнул головой.

— Вы видели Прохорову. Она очень полная женщина, можете себе представить, с какой скоростью она бегает. Тихомиров, спрыгнув с платформы, сразу оказывался у места, где совершалась кража. Ему оставалось только обогнуть угол вагона. Так? Тихомирову сорок семь лет, бегает он, конечно, гораздо быстрее Прохоровой. Теперь представим себе ситуацию: Прохорова выбежала из-за второго вагона в тот момент, когда воры выпрыгивали из первого вагона. Далее она видела, как двое мужчин — она подумала, что это воры, — побежали от вагона. Когда она подбежала к первому вагону, то есть вагону, из которого была совершена кража, то увидела, что под ним находится Ивакин. Так? Тихомиров говорит, что, подбежав к месту кражи, он увидел, как один мужчина выскочил

из вагона — они почти столкнулись — и побежал прочь. Тихомиров бросился за ним. Теперь мы знаем, что это был Куштейко. Теперь дальше: дверь, как установлено, была открыта наполовину. Два человека одновременно в нее пройти не могут. Второе: Прохорова не утверждает категорически, что оба вора выскочили одновременно. Она видела, что их было двое. И они убежали. Таким образом, они из вагона выпрыгивали по одному. Первым выскочил Ивакин. После прыжка человек, естественно, приседает. Присев, Ивакин увидел бегущего Тихомирова. Он тотчас же решил спрятаться под вагоном. Тихомиров в этот момент еще не видел Ивакина. Когда он выбежал из-за угла вагона, Ивакин уже залезал под вагон, а второй вор выпрыгивал из вагона. Его-то и заметил Тихомиров и сразу погнался за ним. Этот момент увидела и Прохорова. У нее сложилось впечатление, что убежали именно воры, выпрыгнувшие из вагона. Вы согласны? — обратился председательствующий к Николаю Ильичу, тот медленно наклонил голову в знак согласия. — Подбежав к вагону, она обнаружила под ним Ивакина, которого и приняла за третьего вора, Ивакина она знала ранее, так как встречала много раз на комбинате, и сразу его узнала. Ивакин в ее присутствии вылез из-под вагона и убежал. Рядом с вагоном Прохорова обнаружила свиную полутушу. Теперь вернемся немного назад. Вслед за Тихомировым с платформы спрыгнул и Семенов. Пробежав немного вслед за Тихомировым по направлению к вагону, он остановился и, присев на корточки, стал наблюдать, глядя под вагон. Он увидел, как Тихомиров, обежав вагон, погнался за одним вором, и заметил, что под вагоном спрятался второй. Семенов стал наблюдать за ним. Когда тот вылез из-под вагона и побежал, Семенов погнался за ним. А в это время Тихомиров, не догнав первого вора, возвращался обратно, навстречу Ивакину и Семенову. Он помог задержать Ивакина, которого затем отвели в помещение охраны. Ну так сколько было воров, Николай Ильич? — спросил председательствующий.

Николай Ильич некоторое время задумчиво помолчал.

— Стало быть, двое. Не уловил я этого раньше. Ваша правда.

— Что-то непонятно еще? — спросил его председательствующий.

— Да нет, вроде все понятно. Но как-то не верится. Уж больно уверенно говорила Прохорова о том, что выскочили из вагона двое

и убежали. А тут еще Коркин оказался на этом месте. Голову можно сломать.

— Не надо ломать голову, — сказал, закуривая, председательствующий. — Она еще нам пригодится. Вы не первый раз заседателем, знаете, как много иногда приходится думать, прежде чем решить дело.

— Это точно. Это правда. Мне бы одному в этом деле ни за что не разобраться.

— Давайте разберемся все вместе. И так, чтоб все было ясно. — Председательствующий стряхнул с сигареты пепел. — Вы помните, я спрашивал Прохорову, видела ли она у вагона Тихомирова? Она ответила, что не видела. Так? Но ведь Тихомиров был у вагона, и был именно в тот момент, когда воры выпрыгивали из вагона. Так?

Об этом говорит сам Тихомиров и это подтверждает Семенов. Так? Следовательно, Прохорова видела Тихомирова одновременно с ворами и приняла его за вора. Так? Это и не удивительно. Дело происходило вечером, около восьми часов, а в октябре в это время уже темно. Горели фонари, но та сторона, вагона, где находились воры и Тихомиров, была в тени. Прохорова видела только силуэты людей, как она сама говорит — это записано в протоколе, вот, можете прочитать, — «видела тени». Теперь понятно?

— Да, вот теперь все понятно, — согласно подтвердили мы с Николаем Ильичом.

— Ну, а дальше все понятно? — спросил председательствующий, обращаясь к нему.

— Вроде все. Потом заведующая складом Прохорова сообщила о краже дежурному администратору Огородниковой, было это уже около десяти часов вечера. Та пошла посмотреть место происшествия. Когда она обходила угол вагона, то лицом к лицу столкнулась с мужчиной, который нес на плече полутушу свинины. Она схватила его за рукав и сказала, чтобы он положил мясо на место. Тот бросил мясо и побежал. Она пыталась его удержать, но он вырвался. Догнать его Огородникова не смогла. На следующий день она опознала Коркина.

— Все правильно, — сказал председательствующий. — Это и был Коркин. Свидетели, которых привлек защитник, показывают, что Коркин вышел из дому в 9 часов вечера. До этого времени у них в квартире находились гости. Стало быть...

— Коркин к краже не причастен, — продолжал я, — он случайно оказался у пакгауза, увидел лежащую на земле полутушу и взял ее. Подумал, что она испорчена. Поэтому ее выбросили. Решил скормить ее собаке. Так он объяснил свое поведение. И нет оснований ему не верить.

— Ну, кажется, теперь всем все ясно, — подытожил председательствующий.

— Остается решить вопрос о квалификации действий Ивакина и Куштейко и определить им меру наказания. Как вы думаете, правильно ли квалифицированы их действия следователем и прокурором? — обратился к нам председательствующий.

— Я думаю, что правильно, — ответил ему Николай Ильич. — Я внимательно изучил дело еще до слушания его в процессе, смотрел закон и думаю, что все правильно. Надо согласиться с прокурором.

— Ну, что ж, тогда так и запишем, — сказал председательствующий и начал писать приговор.

Через некоторое время он прочитал вслух приговор. Все было записано правильно. Мы подписали документ. Председательствующий открыл дверь и попросил секретаря судебного заседания приглашать всех в зал и сообщить конвою, чтобы привели арестованных для оглашения приговора.

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ПОСТАТЕЙКИН

Молодой следователь, Петр Петрович Постатейкин, готовился к допросу своего первого свидетеля. Он проверил авторучку, положил на стол бланки протоколов, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Ему показалось этого мало. Он сходил в соседней кабинет, взял там комментированный Уголовно-процессуальный кодекс и тоже положил его перед собой. Теперь он чувствовал себя во всеоружии.

И вот первый свидетель — худенький, небольшого роста пожилой мужчина скромно сидит на уголке стула и мнет в руках шапку.

— Значит, вы — Иванов Федор Степанович из деревни Васино. Ну, так что у вас случилось в деревне Васино, товарищ Иванов?

Свидетель внимательно посмотрел на следователя, почесал затылок и, видимо, не понимая, о чем идет речь, спросил:

— Как что случилось? Когда?

— Ну, допустим, позавчера, то есть 10 апреля, — спокойно пояснил Постатейкин.

— А где?

— В вашей деревне.

— А-а, в нашей деревне... — Свидетель напряженно думал. — В нашей деревне... Стрелка сдохла.

— Что за Стрелка? — не понял следователь.

— Корова сементальской породы. Ничего не могли сделать. И ветеринар был сементальской породы, да.

— Что за сементальская порода?

— О, это всем породам порода! Знаете, сколько она молока давала? Ого-о! — Свидетель покачал головой. — За нее и трех простых коров отдать не жалко.

— А что с ней случилось? — сам не понимая, зачем, спросил Постатейкин.

— Растелиться не могла, — пояснил свидетель. — Телок-то, понимаешь, ничего, живой, а она-то того, околела.

— Ну и что?

— Как ну и что? Лучшая, почитай, в районе корова сдохла, а вы — ну и что. Да от этой коровы можно было племенное стадо создать...

— А мне это зачем? Мне-то зачем все это знать? — волнуясь, спросил следователь.

— А я откуда знаю? Вы спрашиваете, я отвечаю.

— Я не об этом вас спрашиваю, не об этом.

— А об чем?

— Что у вас в деревне случилось 10 апреля на главной улице?

— А у нас в деревне всего одна улица.

— Ну, на единственной улице вашей деревни.

— А... Столб у нас упал. Давно бригадиру говорили, чтобы сменил, ему все некогда. И то правда, работы много осенью бывает. Урожай хороший в этом году, запарились, пока все убрали.

— Это о чем вы опять? — подозрительно глядя на свидетеля, спросил Постатейкин.

— Как об чем? Столб упал.

— Какой столб?

— Радио на нем висело, изоляторы всякие, провода... Ничего, аккуратно упал. Сказывают, курицу чуть не пришиб. Так она с перепугу петухом запела.

— Послушайте, при чем здесь петух?

— Какой петух? Никакого петуха, — обиделся свидетель. — Курица-то — как петух...

— Ну, знаете, — необычайно тихо проговорил Постатейкин, в упор глядя на свидетеля, — хватит с меня ваших баек.

— Каких баек! — возмутился Иванов. — Ты что, товарищ следователь, от волнения он перешел на ты, — сам вызвал, сам спра-

шивает, я все, как есть, отвечаю, и он же недоволен. В таком разе я вообще ничего говорить не буду.

— Хватит, антракт, — вставая из-за стола, сказал Постатейкин.

— Какой еще антракт? — недоуменно глядя на следователя, произнес свидетель. — Мне и без него неплохо.

— Покурить хочешь? — наклоняясь к нему, спросил Постатейкин.

— Ну, — настороженно ответил свидетель.

— Вот и иди, покури, а потом продолжим разговор.

Свидетель встал со стула и с выражением явного недоумения на лице вышел из кабинета. Постатейкин продолжал стоять, держась обеими руками за спинку стула.

Через некоторое время он открыл дверь.

— Как отдохнули, товарищ Иванов?

— Ничего, не жалуемся.

— Покурили? — спокойно спросил Постатейкин.

— А я некурящий.

— Зачем же вы выходили в коридор?

— А Бог его знает. Вам лучше знать, раз выпроводили. Ну, долго еще? Дела у меня.

— У каждого свои заботы, — вздохнул Постатейкин. — Скажите, Иванов, в вашей деревне сарай, который расположен рядом с магазином, горел?

— Так это не у нас.

— Как не у вас? А где же?

— Так это в другой деревне, в Большом Васине. А мы из Малого Васина. У нас в деревне столб упал и корова того.

— Хватит про корову, Иванов. Расскажите о пожаре.

— А что рассказывать-то?

— Как что? Что видели.

— Огонь видел. Отродясь такого полымя не встречал. В сарае-то, сказывают, продавец олифу и краски держал. Так, знаете, как они горели, аж гул стоял.

— Вы были на пожаре?

— А то как же, был. Там вся наша деревня была, весь народ сбежался. Если б не народ, мог и магазин сгореть. Отстояли его. Я воду из колодца подавал, а люди магазин обливали. К сараю-то нельзя было подступиться. Больно жгла.

— Что вы мне опять говорите? Какая ваша деревня? Вы же из деревни Малое Васино, а пожар был в Большом Васине, то есть в другой деревне.

— А эти деревни, почитай, одна деревня. Вот так... — Свидетель встал и вытянул в сторону правую руку. — По правую руку от мосточка, что через речку Васинку, Большое Васино, а по левую руку — Малое.

— То одна деревня, то две, — недоуменно сказал Постатейкин. — У вас что-то ничего не поймешь, свидетель.

— Так это как глядеть, — взмахнул руками свидетель. — Если как по бригаде, то одна деревня, а по сельсовету — то две. А вообще-то как одна.

— Все ясно, — сухо сказал Постатейкин, — Ну, а кто поджег сарай?

— Чего не знаю, того не знаю. Я так не поджигал.

— Что еще можете сказать?

— Позавчера вот в кино был, так там тоже следователь... Так он спрашивает: что еще, мол, можете сказать да что прибавить? А этот, как его, свидетель-обвиняемый и говорит: «Знать не знаю, ведать не ведаю». Вот тут-то он, следователь то есть, и показал себя, все сам тому и рассказал — как он в ювелирный магазин забрался да все с витрин в мешок переложил, на улицу вышел, а там милиционер. Так супостат этот в мешок сам забрался и на землю лег, как будто это не он, а как бы мешок, все равно что с мусором каким. Милиционер мимо и прошел...

— Зачем вы мне про кино рассказываете? — обиделся Постатейкин. — К чему это мне? Я ведь у вас спрашиваю, кто сарай поджег.

...Через полчаса, когда стороны расстались, перед Постатейкиным лежал протокол. На нем было записано: «На пожаре я был. Огонь гасил, а больше ничего не знаю».

ТАЙНА ПОЛОСАТОГО МЕШКА

По небу ползли низкие рваные тучи. Свистел ветер. Летели редкие желтые листья. Было холодно, пасмурно и по-осеннему сыро.

По пустынному шоссе на предельной скорости мчались две машины. Впереди — старый, разбитый грузовик, вплотную за ним, сигналя, «Волга».

Водитель грузовика, испуганно оглядываясь на «Волгу» и пригнувшись к рулю, выжимал до предела газ. «Волга» четко шла вплотную к кузову грузовика. Сквозь ее лобовое стекло были видны злые лица водителя, пожилого человека с крупным мясистым лицом, и молодого парня с тонкими черными усиками. Они грозили кулаками и что-то кричали водителю грузовика. «Волга» несколько раз пыталась обойти грузовик и слева и справа, но всякий раз, как только она выходила на обгон, грузовик закрывал ей путь. Наконец на развилке дороги при подъезде к городу «Волга» вырвалась вперед, обошла грузовик, некоторое время шла с ним рядом, прижимая его к обочине. Парень с тонкими усиками, высунувшись из машины, что-то кричал водителю грузовика, но ветер относил его слова. Впереди показалась идущая навстречу «Победа», «Волга» обогнала грузовик и пошла вперед, постепенно удаляясь.

Шофер грузовика вытер вспотевший лоб, вывел машину на середину шоссе и, прибавив скорость, помчался за «Волгой», которая уже шла по улице города и вскоре затерялась в уличном движении.

Проехав большой перекресток, грузовик остановился у тротуара. Шофер выскочил из кабины и побежал к постовому милиционеру. Узнав, где ближайшее отделение милиции, он бросился обратно к грузовику и в это время увидел тех двоих мужчин, которые ехали за ним в «Волге». Шофер побледнел, прыгнул в кабину и дал газ. Грузовик рванулся с места. Парень с тонкими усиками хотел прыгнуть на подножку грузовика, но его удержал пожилой мужчина, и он только погрозил кулаком вслед уехавшей машине. Пожилой мужчина и парень с усиками сели в «Волгу», которая стояла за углом дома, рядом с перекрестком, и поехали в боковую улицу.

А грузовик мчался по улице на предельной скорости. С визгом и грохотом затормозив около милиции, шофер выскочил из кабины и побежал к подъезду. Вбежав в комнату дежурного, который сидел за столом, шофер, задыхавшись, проговорил:

— Преступление, совершено преступление. Надо немедленно задержать преступников. Они здесь недалеко.

Дежурный по отделу милиции не спеша поднял от стола голову и, спокойно глядя на шофера, спросил:

— Вы кто такой? Что случилось?

— Я — шофер автобазы № 26 Мошкин. Там совершено преступление. Преступники гнались за мной, хотели меня убить, но я ушел от них на машине.

— Сейчас, одну минуту, — сказал дежурный и снял трубку телефона, набрал номер и с кем-то поговорил. — Подождите несколько минут. Сейчас сюда придет товарищ, который займется вами.

Мошкин опустился на скамейку, но сидеть не мог, встал и нервно начал ходить по комнате. Через несколько минут в комнату вошел средних лет мужчина, одетый в летний серый костюм и белую рубашку без галстука.

— Идемте со мной, — пригласил он Мошкина. Они вместе поднялись на второй этаж и вошли в кабинет. — Майор милиции Федоров, — представился он. — Расскажите все подробно, что с вами произошло, — сказал мужчина после того, как они сели.

— Значит, так, — начал Мошкин. — Еду я из Ивановска. Я туда возил сигареты, папиросы, в общем, табачные изделия по наряду с табачной фабрики. Еду, значит, и вижу, что в стороне от дороги у леска стоит «Волга», а около нее двое мужчин. Я сначала не обратил

на них внимания, а потом вижу, что они вынули что-то, завернутое в полосатый мешок, из «Волги», увидели меня, бросили мешок в вырытую яму и стали быстро засыпать ее землей. При этом все время подозрительно оглядывались на меня. Я хотел остановиться, посмотреть, но побоялся, так как вокруг никого не было и на шоссе не было ни одной машины. Как только я проехал, они сразу же поехали за мной, стали догонять. Я вижу, дело плохо, не давал им дороги. Они все хотели меня обогнать, чтобы затем прижать к кювету и разделаться со мной, так как, видать, боялись разоблачения. Они мне грозили кулаками, кричали, махали, чтобы я свернул, уступил им дорогу. Но я не уступал. Обогнали они меня только в городе и ехали впереди. Когда я остановился, чтобы спросить, где отделение милиции, они бросились на меня, но я убежал от них в машину и сразу сюда. Они где-то здесь поблизости, еще далеко не ушли, их надо задержать.

— Номер «Волги» помните? — спросил майор.

— Да, — ответил Мошкин и назвал номер машины.

Майор Федоров задал еще несколько вопросов, выясняя детали. Мошкин подробно и обстоятельно отвечал.

— Их нужно задержать, товарищ майор, — сказал он.

— Это мы успеем сделать, — ответил майор. — Сначала нужно выяснить, что там закопано, а для этого надо поехать туда. Вы хорошо помните это место?

— Да, хорошо, — ответил Мошкин.

Майор Федоров поднял трубку телефона.

— Скажите номер телефона вашей диспетчерской. — обратился он к Мошкину.

Тот назвал. Майор набрал номер.

— У вас работает шофером Мошкин Степан Иванович? — спросил он в трубку. — А где он сейчас? В рейсе. По заказу табачной фабрики. Так вот, сейчас он находится в 23-м отделении милиции. Нет, он ни в чем не виноват. Но мы его задержим еще часа на три. В путевке мы отметим. Пожалуйста. Да, он вместе с машиной. До свидания. — Майор снова набрал какой-то номер. — Опергруппа? Готовьтесь на выезд. Да, возьмите лопату. — И, положив трубку, обратился к Мошкину. — Сейчас поедем.

Когда они вышли на улицу, было уже темно. Все сели в милицейский газик, который, зарычав, медленно выполз со двора на улицу и бодро побежал по асфальту. Выехав за город, он помчался по шоссе, рассекая темноту ночи яркими лучами фар. Все молчали. Вот и поворот, проселочная дорога, лесок и береза.

— Вон там, у леска, у березы, — сказал Мошкин, и газик послушно сполз с шоссе и направился по проселочной дороге к леску. У березы он остановился. Действительно, недалеко от нее была свежевырытая яма, не до конца засыпанная.

— Здесь, — сказал Мошкин.

Все столпились на краю ямы.

Шофер принес лопату. Один из оперативников начал выбрасывать из ямы землю. Лучи фар газика ярко светили. Все было хорошо видно. Показался полосатый мешок. Оперативник осторожно откапывал его лопатой. Наконец мешок полностью очищен от земли. Щелкает затвор фотоаппарата, молнией сверкает фотовспышка. В мешке по контурам было что-то похожее на труп.

— Видите, убийство, — сказал Мошкин. — Труп в мешке.

Оперативник с помощью шофера поднял мешок на поверхность. Шофер развязал его и стал осторожно поднимать за дно. Все внимательно смотрели и напряженно ждали, из мешка к ногам майора выпал труп большого старого дога. Один глаз дога был открыт и, казалось, лукаво поблескивал.

Майор смотрел на Мошкина. Взгляд Мошкина был прикован к догу. Лицо его выражало полное недоумение.

— Как же так? — ни к кому не обращаясь, спросил он. — Значит, они закапывали собаку? Тогда зачем они гнались за мной? — Он поднял глаза на майора.

— А вы уверены, что они именно за вами гнались? — спросил майор.

— А то как же? Конечно, за мной. За кем же еще? Больше никого не было на дороге.

— Почему же они за вами гнались?

— Как почему? Чтобы расправиться со мной. Ведь я видел... — не договорив фразы, он замолк, и было видно, что он напряженно что-то обдумывает.

В это время шофер газика сбросил обратно в яму дога и засыпал его землей.

— А зачем им было тогда за мной гнаться? — как бы сам себя спросил Мошкин.

— Ладно, не ломайте себе голову, садитесь в машину, поедем обратно, — сказал майор Мошкину.

Все сели в газик, и он, бодро зарычав, выскочил на шоссе, лизнул лучами фар голые деревья, лужи, мокрую ленту шоссе и покатил по направлению к городу.

Мошкин по-прежнему о чем-то напряженно думал. Члены опергруппы разговаривали между собой и смеялись. Деловая сосредоточенность и напряжение, в котором они находились при выезде на место преступления, прошли. Все были оживлены.

— А может, они убили этого дога, а? — спросил кто-то весело.

— Ограбили и убили, — поддержал другой.

— Хватит, — сказал майор. — Ошибся человек, с кем не бывает. Он ведь считал, что раскрывает преступление, помогает нам. Так? — обратился он к Мошкину.

Тот ничего не ответил.

Газик подъехал к зданию милиции и остановился, все стали выходить из машины. Вышел и Мошкин. Майор подошел к нему.

— Ну что ж, спасибо вам, что вы, заподозрив неладное, сразу сообщили нам об этом. Теперь мы все убеждены, что преступления нет.

— А может, мы не ту яму нашли? — сказал Мошкин.

— Ту. Ту самую. Вы же, прежде чем ехать туда, описали, где она находится, ее местонахождение: тринадцатый километр, проселочная дорога, отдельная березка. Все правильно. Яма та.

— Почему же они тогда гнались за мной?

— Никто за вами не гнался. Просто они ехали в город вслед за вами и хотели вас обогнать: у вас-то скорость была ниже. А вы, вместо того чтобы уступить им дорогу или хотя бы не мешать обгону, стали загораживать ее, то есть, с их точки зрения, хулиганить. Может быть, они тоже заявили на вас в милицию, чтобы к вам приняли меры за такое поведение на шоссе.

— Но я же считал... — начал Мошкин говорить, но майор не дал ему закончить:

— Все понятно. А теперь представьте себе, что мы пришли к ним сразу после вашего заявления, как вы предлагали сделать. «Ваша “Волга” с таким-то номером?» — «Наша». — «Ехали вы на ней сегодня вечером по Ивановскому шоссе?» — «Да». — «Собирайтесь, вы арестованы за убийство». А? — Майор смотрел на Мошкина. Тот переступил с ноги на ногу, опустил глаза. — Опозорили бы людей, оскорбили необоснованным подозрением и себя в какое положение бы поставили? У нас семь раз отмерь.

— Промашка вышла, товарищ майор, — сказал Мошкин виноватым голосом, — я же думал...

— Ну, ладно, давай поезжай на базу, ставь машину и отдыхай. Времени уже много.

— Спасибо. Трудная у вас работа, — сказал он.

— Ничего, стараемся справляться. Ну, пока. — Майор протянул Мошкину руку.

— До свидания, — ответил тот, и они пожали друг другу руки.

УБИЙЦА ОПРАВДАН

Выходной день для старшего лейтенанта милиции, следователя районного отдела внутренних дел Пономарева начался со звонка дежурного.

— Слушай, — сказал ему дежурный, — начальник приказал, чтобы ты выехал на место происшествия. — Пономарев молчал: у него на выходной были другие планы, и теперь они рушились. Он знал, что выезд на место происшествия всегда бывает с очень длинным продолжением. — Позвонила какая-то женщина и сказала, что у них в квартире два трупа, двое убитых. А может быть, это ложный вызов. Ты проверь, — между тем говорил дежурный.

«Если еще и трупы, это не только на выходной, но и на всю ночь после выходного и на много последующих дней. Повезло. Не могли эти трупы появиться завтра, в рабочее время? Провел бы выходной, как все нормальные люди».

— А что, больше некому? — перебил дежурного Пономарев. — Я и прошлый выходной не гулял.

— Некому, все задействованы. Весь отдел на ушах. Ты же знаешь обстановку и положение с кадрами.

Пономарев, конечно, все знал.

— Начальник сказал ехать тебе. Ты проявил себя по убийству Горемыкина, так что давай.

Горемыкин — это совсем другое дело. Тогда Пономареву просто повезло. Убийца сам пришел на место преступления. Некото-

рые считают, что убийц тянет туда. Пономарев и взял его, как говорят, тепленьким. Доказательств было достаточно: кровь убитого на одежде, дома — некоторые вещи погибшего. Преступник признался...

— Записывай адрес на всякий случай, — между тем говорил дежурный. Пономарев записал. — Звонила соседка Замятина. Машина выезжает, с тобой поедет милиционер Ванюшин. Все, привет. — Дежурный повесил трубку, зазвучали короткие гудки.

«Надо было уйти из дома. Ищите тогда ветра в поле. Дернуло меня взять трубку. Если не я, ответила бы мать. Все равно. Ну, ладно, что теперь сделаешь? Надо ехать. Кто-то должен это делать».

— Ма, — сказал Пономарев, входя на кухню, где мать готовила завтрак, — вызвали на работу. Убийство. Два трупа.

— Господи! — всплеснула мать руками. Она никак не могла привыкнуть к таким сообщениям и всегда искренне сокрушалась. — Как же так можно — убивать живых людей? Кто это делает?

К подобного рода событиям не был равнодушен и Пономарев. Старые работники милиции говорили ему, что он со временем привыкнет. Но это время для него пока еще не наступило.

— Мы найдем убийцу, мама, — сказал Пономарев. — И он свое получит.

— Дай бог. Только не лезь под пули. Сейчас опасно, у многих оружие. Какие страшные истории по телевизору рассказывают и показывают...

Когда Пономарев вышел на улицу, милицейский газик уже стоял у подъезда. В машине, кроме милиционера, были фотограф и эксперт-криминалист. Старший лейтенант сел рядом с водителем. Вскоре они были по указанному дежурным адресу. На улице около дома стояла женщина. Увидев милицейскую машину, она подняла руку.

— Это я звонила, — сказала она Пономареву, когда тот вышел из машины. — Я не могу находиться в одной квартире с покойниками.

— Расскажите, что случилось, — сказал Пономарев.

— Вчера вечером у моего соседа по квартире Курицына Валерия были гости. Они, по-видимому, выпивали, смеялись, громко разго-

варивали, — рассказывала она, пока они поднимались по длинному и обшарпанному лестничному пролету на второй этаж. — У меня очень болела голова, я приняла лекарство, заткнула уши и заснула, проспала всю ночь. Когда встала утром, у него все было тихо. Потом зазвонил телефон. Попросили Валерку. Я постучала к нему, но никто не отвечал. Тогда я открыла дверь и увидела их. Курицын лежал на полу, рядом с ним — второй. Оба мертвые. Я так напугалась, что чуть не потеряла сознание. Сразу позвонила в милицию. — Между тем они вошли в квартиру. — Вот здесь они. — Женщина показала на закрытую дверь.

Пономарев открыл дверь. Фотограф с порога сделал несколько снимков. После чего Пономарев вслед за фотографом, который продолжал снимать, вошел в комнату. Женщина осталась в коридоре около двери.

Первым он увидел мужчину, лежащего на полу прямо под дверью. Он был явно мертвый: сплющенный, деформированный затылок, синяя кисть руки. Второй полулежал на диване, стоявшем слева от двери, и смотрел прямо на Пономарева,

— Ты чего? — спросил он.

Но парень молчал, продолжая смотреть неподвижным взглядом.

В комнату заглянула Замятина. В это время глаза парня закрылись. Пономарев взял его за руку, она была теплая. Пульс был очень слабый и неровный.

— Срочно вызывай «скорую», — сказал он милиционеру, который тоже вошел в комнату. Ванюшин вышел в коридор, и было слышно, как он набирал номер телефона.

Пономарев обратил внимание, что на столе стояли две пустые водочные бутылки, три тарелки с остатками пищи, три стакана, лежали три вилки.

В это время женщина молча махнула рукой, подзывая Пономарева. Тот вышел к ней в коридор.

— Рядом с Валеркой на полу лежал еще один, — сказала она.

— Может, лежал тот, который сидит на диване? — высказал предположение Пономарев.

— Нет, не он. Тот был другой. Светловолосый и одет совсем не так. — Женщина молча смотрела на Пономарева.

— А вы видели того, который сидит на диване?

— Нет. Я туда не смотрела. Как увидела мертвого Валерку и этого, второго рядом с ним, сразу закрыла дверь.

«Не хватало, чтобы еще покойники бегали, — подумал Пономарев.— Куда он мог деться?»

Вместе с Замятиной и Ванюшиным проверили кухню, ванную комнату, туалет, комнату Замятиной. Никого нигде не было.

Рядом с дверью комнаты Замятиной находилась еще одна дверь. Она оказалась запертой.

— В этой комнате живет Кузьма Савельевич, — сказала Замятина и постучала.

Никто не ответил.

— Может быть, его нет дома? — предположил Пономарев.

Замятина сунула руку за занавеску, висящую слева от двери, и достала ключ, открыла им замок, распахнула дверь. Комната была пуста.

— Когда вы его видели в последний раз? — спросил Пономарев.

— Вчера днем он был дома, ходил по квартире. Но мы с ним почти не общаемся, — ответила Замятина.

Пономарев попросил ее пригласить кого-нибудь из соседней квартиры и, когда пришел мужчина, начал составлять протокол осмотра места происшествия.

В это время приехала «скорая помощь». Врачи осмотрели парней. У лежавшего на полу констатировали смерть, а сидевшего на диване увезли в больницу. После чего труп Курицына отправили в морг.

Окончив составление протокола осмотра места происшествия, Пономарев допросил Замятину. Она не сказала ничего нового. Затем Пономарев запер дверь на замок, опечатал комнату Курицына и вышел из квартиры.

На улице шел дождь. Стояла слякотная осенняя погода. «Все не так. И погода — дрянь, и по делу ничего не понятно. Единственное, что как-то утешает: не очень жаль потерянного выходного. В такую погоду все равно пришлось бы сидеть дома», — подумал Пономарев и поехал в морг.

Там врач-патологоанатом сказал, что череп у Курицына имеет множественные переломы. По-видимому, было нанесено нес-

колько очень сильных ударов твердым тупым предметом. Кожа не повреждена. На голове нет ран. По-видимому, предмет был гладкий и овальной формы. Врач обещал на следующий день подготовить акт судебно-медицинского исследования трупа.

Из морга Пономарев поехал в больницу. Дождь на улице кончился, но было очень холодно. По небу ползли сплошные свинцово-серые тучи. Пономарев продрог, пока добирался до больницы. На него повеяло приятным теплом, когда он зашел в здание. Пахло лекарствами и щами. Было время обеда. Столовая находилась на первом этаже недалеко от входа. Там обедали больные.

В хирургическом отделении Пономарев встретился с доктором. Тот сказал, что состояние больного Кузьмина тяжелое. У него перелом верхней части височно-лобовой кости черепа. Травмирован мозг. Больной без сознания.

— А что с ним произошло? — спросил доктор.

— Пока неизвестно. Он сегодня утром обнаружен в комнате у некоего Курицына. Курицын мертв. — Доктор молча смотрел на Пономарева. — Как и чем мог быть нанесен удар или травма получена при падении? — спросил Пономарев.

— Падение исключается. Травма получена в результате сильного удара по голове тупым твердым предметом, наверное, овальной формы. Вмятина на черепе круглая. Кожа не повреждена.

— Когда с ним можно будет поговорить? — спросил Пономарев.

Доктор помолчал.

— Не знаю. Звоните.

И снова Пономарев на улице. Неожиданно из-за туч выглянуло яркое солнце. Его лучи осветили мокрые стены домов, пожелтевшую листву деревьев, засверкали в многочисленных лужах и стеклах окон. Но Пономарев не замечал этого.

«Теперь можно с уверенностью сказать, что их было трое. И третий — преступник. Он нанес удары Курицыну и Кузьмину. Одним и тем же овальным предметом. Кто он? Где он? Какие мотивы преступления? Из квартиры ничего не похищено. Пьяная драка? Возможно. Случайное знакомство? Тоже не исключено. Чем он наносил удары? В комнате такого предмета не обнаружено. Значит, унес. А может быть, и принес? Если принес с собой, значит, готовился к

преступлению. Следовательно, был знаком с Курицыным или Кузьминым. Если был знаком, принес с собой орудие преступления, то причина убийства, наверное, в неприязненных отношениях. Неприязненные отношения возникают у людей, хорошо знакомых.

Но почему убил в квартире, в присутствии третьего? Может быть, хотел убить обоих? Почему остался ночевать? Возможно, убил утром? Но труп уже остыл. Одни вопросы. Если они были хорошо знакомы, значит, часто встречались и договаривались о встречах, в записной книжке должен быть его телефон. Надо внимательно ее изучить».

Три дня ушло у Пономарева на проверку в паспортных столах ДЭЗов мужчин, телефоны которых и адреса были обнаружены в записной книжке Курицына. Только двое из них были молодыми. Оба работали. К одному из них, Тюрину, Пономарев поехал на работу и встретил у проходной. Это был высокий, спортивного вида черноволосый парень. Он сказал, что знал Курицына, когда тот работал у них на заводе. Но после того, как он уволился, Тюрин его больше не встречал.

— А что случилось? — спросил Тюрин.

— Убили его, — ответил Пономарев.

Тюрин помолчал.

— А известно, кто убил? — спросил он.

— Пока нет. Вы не знаете, с кем он водился?

— Нет. Он недолго у нас работал. Ничего не могу сказать.

На этом они расстались.

Со вторым, Роговым, Пономарев встретился тоже на работе. Оказалось, что Рогов и Курицын работали на одном предприятии — в типографии и даже в одном наборном цехе.

Рогов оказался невысокого роста, худеньким, похожим на подростка парнем со светлыми, слегка кудрявыми волосами. Увидев Пономарева, он как-то весь насторожился. По-видимому, он каким-то пятым чувством понял, что тот— из милиции. Пономареву тоже сразу показалось, что Рогов, именно тот человек, который имеет отношение к убийству Курицына.

Они сидели в маленьком кабинете мастера, больше похожем на кабину, расположенном посредине цеха. В цехе стоял негромкий шум — работали наборные машины. Рогов сидел на стуле, опустив голову, подняв плечи и засунув руки между колен.

— Расскажите, где вы были в ночь с 25-го на 26 октября?

Рогов словно не слышал вопроса, продолжал сидеть в прежней позе и некоторое время молчал.

— Наверное, дома. Я не помню, — ответил он совершенно спокойным голосом.

Пономарев не ожидал этого и несколько растерялся.

— Постарайтесь вспомнить. Это очень важно, — сказал Пономарев.

Рогов помолчал.

— Я действительно не помню, — ответил он и посмотрел на Пономарева.

В его глазах тот увидел светлую спокойную решимость. «Он ничего не скажет, — мелькнула мысль. — Ничего».

— Расскажите о ваших отношениях с Курицыным.

Рогов вздохнул. Этот нервный вздох убедил Пономарева, что Рогов причастен к преступлению.

— Отношения обычные. Работали в одном цехе. Здравствуй, прощай. И все.

«Надо вызвать его в отдел и там разговаривать, — подумал Пономарев. — Взять отпечатки пальцев, сравнить с теми, которые обнаружены на посуде. Может быть, это что-то даст».

— Не получается у нас разговора, — сказал Пономарев. — Пойдем в отдел, там поговорим.

Рогов бросил быстрый взгляд на следователя, затем опустил го лову.

Пономарев сказал мастеру, что для уточнения некоторых обстоятельств Рогов отлучится с работы. Мастер пожал плечами.

— Пожалуйста, если надо.

В отделе у Рогова взяли отпечатки пальцев. Они совпали с теми, которые были обнаружены на посуде. После этого разговор был продолжен.

— Объясните, — сказал Пономарев, — как отпечатки ваших пальцев оказались на посуде Курицына, который утром был обнаружен мертвым.

Пономареву показалось, что Рогов слегка побледнел, опустил голову, хотя выражение лица оставалось по-прежнему бесстрастным.

— Я там был, — с трудом выдавил он из себя. Казалось, что в горле у него застрял комок.

— Расскажите.

— Нас было трое. Валерка, Кузя, то есть Кузьмин и я. Мы выпили, посидели. Я потом заснул там. Когда проснулся, ушел. Они остались.

— Во сколько вы ушли?

— Я не знаю. На улице было темно, — ответил Рогов, напряженно и как бы ожидающе глядя на Пономарева. Он словно ждал, как отреагирует на его слова следователь.

«Может быть, он действительно не причастен? — подумал Пономарев, глядя на него. — Не могли ли подраться Курицын и Кузьмин, нанеся друг другу тяжкие повреждения?

С другой стороны, телесные повреждения Курицыну и Кузьмину причинены твердым предметом овальной формы. Возможно, одним и тем же. Может быть, вначале этим предметом Курицын ударил Кузьмина, а затем тот выхватил его у Курицына и нанес несколько ответных ударов. В этом случае между ними должна была возникнуть возня, в комнате должен быть беспорядок, однако там все вещи на месте. Кроме того, в комнате не обнаружено никакого твердого предмета овальной формы.

А возможно, Рогов нанес удары обоим и унес орудие преступления. Что делать? Наверное, Рогова нужно отпустить. Доказательств его вины недостаточно. Необходимо искать дополнительные улики».

— Вы можете быть свободны, — сказал Пономарев.

Рогов медленно встал со стула и осторожно пошел к двери, словно не веря в свое освобождение. А Пономарев тотчас направился на квартиру Курицына, чтобы попытаться найти твердый предмет овальной формы. И поговорить с соседом, может быть, он что-нибудь знает.

Дверь ему открыл худой старик и, внимательно глядя на Пономарева, спросил, что ему нужно. Тот сказал, что он из милиции.

— Очень хорошо, что вы пришли, — быстро заговорил старик, шмыгая носом. У него был сильный насморк. — Я сам собирался к вам, но не знал, где вас искать. Да еще насморк привязался.

— А что случилось?

— Я по поводу Курицына. — Он кивнул головой в сторону комнаты, в которой тот проживал. — В то утро я видел Славку Рогова, приятеля Курицына. Он выходил из его комнаты. Я еще с ним поздоровался. Он не ответил и быстро вышел из квартиры. Он был какой-то странный.

«Это интересно», — подумал Пономарев.

— Он нес что-нибудь в руках?

— Да, у него была полотняная светлая сумка, и в ней что-то тяжелое. Сумка была оттянута вниз.

— Ночью в комнате Курицына были шум, крики?

— Не знаю, не слыхал. Моя комната далеко. Окно выходит на шумную улицу.

После окончания разговора Пономарев сразу поехал в райотдел, составил постановление на производство обыска у Рогова, получил санкцию у прокурора и, взяв с собою сотрудника милиции в форме, направился на квартиру Рогова. Пономарев старался это сделать как можно быстрее, чтобы Рогов не успел избавиться от вещественного доказательства — орудия преступления.

Рогов вдвоем с бабушкой жил в небольшой двухкомнатной квартире.

Когда Пономарев, пригласив понятых, предъявил ордер на обыск, бабушка заохала, всплеснула руками.

— Что случилось, что случилось? — спрашивала она, глядя то на Рогова, то на Пономарева.

Рогов, отвернувшись, молчал.

Пономарев перед обыском спросил, есть ли у них в квартире тяжелые предметы овальной формы.

— Гантели у Славы. Других предметов нет, — ответила бабушка. — А что?

Пономарев нашел гантели. Они были по пять килограммов. После чего осмотрел квартиру. В комнате бабушки в шкафу он обнаружил тяжелую, из толстого хрусталя или цветного стекла старинную вазу-кувшин.

«Ею тоже вполне можно разбить голову», — подумал он и решил изъять вместе с гантелями для исследования. На всякий случай.

Экспертное исследование гантелей ничего не дало. На поверхности вазы был обнаружен волос, который оказался с головы Курицына. Эксперты также дали заключение, что удары Кузьмину и Курицыну могли быть причинены вазой. После этого вновь состоялась встреча Пономарева с Роговым.

— Зачем вы брали с собой вазу, когда шли в гости к Курицыну? — спросил Пономарев, глядя на Рогова.

Тот не отвел взгляда.

— Она оказалась у меня случайно.

— Курицын убит этой вазой.

Что-то дрогнуло в глазах Рогова. Но по-прежнему смотрел прямо на следователя.

— Рогов, вы принесли к Курицыну вазу, ушли от него утром, прихватив ее с собою. На вазе отпечатки ваших пальцев. Других отпечатков нет. На ней также найден волос с головы Курицына. У меня есть все основания считать, что убийство совершили вы. И поэтому я должен вас задержать, то есть содержать под стражей до суда. Тем более, вы не признаетесь. — Рогов побледнел. — Мне кажется, что вы не все сказали.

Рогов опустил голову и молчал.

— Да, не все, — наконец сказал он. — Курицын постоянно требовал деньги, иногда отнимал часть зарплаты. Требовал, чтобы я принес из дома ценные вещи, бил меня, угрожал зарезать. Я знал, что он сидел, и боялся его. — Он зашмыгал носом, рукавом тер глаза. — Накануне он мне сказал, чтобы я что-нибудь принес. Иначе мне лучше не появляться на работе. Он сказал, что удавит меня. Я принес вазу, так как больше взять было нечего. Когда я пришел к нему, там был Кузьмин. Я его раньше встречал у Курицына. Я выпил приблизительно половину стакана водки. Потом Курицын сказал, чтобы я отдал то, что принес. Я взял вазу. Мне не хотелось ее отдавать. Я знал, что бабушка, когда узнает, очень расстроится. Это была ее любимая ваза — свадебный подарок и память о дедушке. Она даже во время войны, когда был голод, с ней не рассталась. После того, как я взял в руки вазу, я отключился и больше ничего не помню. Очнулся ночью на полу рядом с Курицыным. В руке была ваза. Я встал и поскорее ушел, пока он не проснулся.

«Если он говорит правду, то имело место патологическое опьянение, при котором человек становится невменяемым и не может привлекаться к ответственности, — подумал Пономарев. — Надо провести психологическую экспертизу. А пока, наверное, следует его отпустить под подписку о невыезде».

— Почему вы живете с бабушкой, а не с родителями?

— У меня их нет. Отец погиб в автокатастрофе, а мама после его смерти стала пить, а затем отравилась.

Пономарев молча смотрел на Рогова. Тот, опустив голову, неподвижно сидел на стуле. Затем записал его показания, оформил постановление об избрании меры пресечения — подписку о невыезде, дал Рогову расписаться и сказал, что он может идти домой, но чтобы никуда не уезжал из города. Рогов внимательно смотрел на Пономарева. До него, по-видимому, не сразу дошли слова следователя.

— Я свободен? — спросил он.

— Да, свободны, — ответил Пономарев.

И тут с Роговым произошло неожиданное. Он как-то обмяк, откинулся на спинку стула, и из закрытых глаз потекли слезы. Он плакал молча, сидя неподвижно. Затем встал и медленно вышел.

Последующее расследование подтвердило показания Рогова. Мастер цеха, в котором работали Курицын и Рогов, рассказал, что Рогов действительно очень боялся Курицына и тот помыкал им.

— Я разговаривал с Валеркой, но он сказал, что Славка сам к нему лезет.

Было также выявлено, что Курицын был ранее судим за хулиганство.

Поправившийся Кузьмин рассказал, что, когда по предложению Валерки Славка взял вазу, чтобы отдать ее Курицыну, лицо его изменилось. Он словно вырубился и вдруг очень сильно сзади ударил Курицына вазой по голове, затем еще раз и еще.

— Я увидел, что он его убивает, так как Курицын обмяк и пополз со стула. Я бросился между ними. Глаза у Славки были совершенно безумные. Он бил и бил Курицына. Когда я оказался между ними, он случайно ударил меня. Удар был сильным. Я сразу отскочил обратно на диван и больше не мог встать. А Славка в это время упал на пол, на Курицына и не двигался. А я потерял сознание.

Пономарев также допросил бабушку Рогова. Она подтвердила сказанное Роговым о его родителях.

— В общем, какое-то проклятие. Мы остались вдвоем. После смерти матери Славик заболел, стал тихий. Я боялась, что с ним что-то случится. Он не смог окончить школу и пошел работать в типографию. Там раньше Галя, его мать, работала. В последнее время он очень изменился. Стал каким-то испуганным, боялся чего-то, стал уносить из квартиры вещи. Я с ним пыталась поговорить на эту тему, но он сказал, что больше не будет. При этом он чуть не заплакал. Слезы навернулись на глаза. Я прекратила этот разговор, так как увидела, что ему очень плохо. — Она также рассказала, что в ту ночь Рогова не было дома. Пришел он утром, тихо прошел к себе в комнату и весь день спал. Когда проснулся, был какой-то не такой, словно после отравления: не мог ничего есть, его мутило. И вскоре опять лег спать.

Психиатрическая экспертиза дала заключение, что Рогов в момент совершения убийства находился в состоянии патологического опьянения, т.е. был невменяемым, поэтому не может нести ответственность за содеянное.

Пономарев вынес постановление о прекращении уголовного дела в отношении Рогова. Прокурор его утвердил.

ПОКУШЕНИЕ НА ВЗЯТКУ

Дверь открылась без стука. За нею стояла старушка и смотрела на меня.

— Мне нужен этот самый... — Она некоторое время помолчала. — Ну который все законы знает.

— Юрист?

— Юрист? Он знает законы?

— Да.

— Стало быть, он.

— Я — юрист исполкома райсовета. Проходите. Слушаю вас.

Она не спеша подошла к столу, села на стул, расправила складки на платье, поправила платок на голове, долго и старательно собирала с платья невидимые пылинки. Затем положила руки на колени и посмотрела на меня.

— Мне нужна пенсия.

— Очень хорошо, — ответил я. — А стаж у вас какой?

— Сколько лет работала? Всю жизнь работала.

— Где?

— А везде. И в колхозе, и сторожем, и за коровами ходила.

— Сколько же лет всего?

— А я что, считала? Всю жизнь работала. Во, руки какие... — Она протянула над столом узловатые большие руки.

— А трудовая книжка у вас есть?

— Чаво? Какая книжка?

— Трудовая, в которой записано, когда вы работали, где и сколько времени.

— А кто туда должен это самое записать?

— Тот, у кого вы работали.

— Это кто? Иван, что ли? Так он сам не шибко грамотный. Да и пьяный был всегда. Когда ему писать-то?

— Нет книжки, значит?

— А кто мне ее даст, эту самую книжку?

— Тогда нужна справка с работы.

— Справка? А где мне ее взять-то?

— Там, где вы работали.

— А если не дадут?

— Дадут.

— А вы не могли бы взять или сами написать?

— Нет, не могу.

— А без этих самых справок никак нельзя пенсиюшку эту как-нибудь сделать, хоть небольшую?

— Нельзя.

— А ты постарайся, милок. Помоги старухе. Больно тяжело без этой пенсии. Все же деньги, сколько-нисколько.

— Я понимаю. Но вы поймите тоже. Никак нельзя получить пенсию без справок. Когда вы приходите в магазин, вам без денег дают что-нибудь? Нет. Так и пенсию не дадут, пока вы не представите справки, — пытался я ей объяснить популярно.

— А кому они нужны, эти справки-то?

— Собесу.

— Это кто? Он главней, чем ты?

— Это такая организация, которая занимается пенсиями.

— Как она занимается?

— Как? Вы что делали: сторожили, ходили за коровами. А собес работает по пенсиям.

— А-а. А пусть этот собес поговорит по телефону с нашим председателем колхоза. И все. И даст пенсию.

— Сейчас вы работаете?

— Нет. Сейчас я с ребеночком у сына сижу. Здесь, в городе.

— Давно у сына?

— Давно. Чай, с год.

— А сын ваш кто?

— Да рабочий! На заводе работает, жена у него больно злая. Ругает меня. Пошто я без пенсии. А где я ее возьму, эту пенсию? Ты не хошь дать.

— Я пенсии не даю.

— А кто ее дает? Мне сказали, что ты ее дашь. Поэтому ты от меня и справки или что там требуешь.

— Без справок вам никто пенсии не даст. Нужно установить, сколько времени человек работал, где, сколько зарабатывал, чтобы знать, сколько ему платить...

— А мне совсем немного. Самую меньшую. Как у Варвары Митрохиной. Она вон получает. Работала уборщицей и получает. А убирала в этом самом, как его... учреждении. А там что? Пыль со столов стирала. И все. Там и так чисто. А я всю жизнь навоз с фермы на себе таскала. Да корм коровам. И мне ничего. А ей платят.

— Бабушка, и вам заплатят, если будут трудовая книжка, справки.

— А без них никак?

— Никак.

— Милок, постарайся. Я уплачу за работу. — Она развязала платок, достала десятку. — Вот, больше у меня нет. — Положила десятку на стол. — Помоги.

— Вы мне предлагаете взятку?

— Какая взятка? От чистого сердца. Помоги старухе.

— Я вам уже говорил, что необходимы документы. Возьмите обратно.

Она молча взяла десятку со стола, завернула ее в платок.

— Может, другой юрист поможет. Ты плохой юрист.

Бабка встала со стула и медленно, старческой походкой пошла к выходу.

НА УЗКОЙ ДОРОЖКЕ

— Послушай, Серый, не финти. Вместе на деле были, вместе и отвечать придется.

— Нет, уж я здесь ни при чем. Ты влип один, ты и выпутывайся. Меня не трогай.

— Чистеньким хочешь остаться? А Ванька-Встанька — из дураков, за двоих в тюрьме отдуваться будет? Так, что ли? Этот номер не пройдет. Не на того напал, голубь. Мне туда тоже не хочется. Я там уже во как насиделся. С меня хватит. За непризнанку мне такой срок отвалят, что будь здоров. Не могу я больше, не хочу, понял? Пошли оба с повинной. Ты бери на себя, давно на воле гуляешь. А я после того раза еще срок отмотал. Только что выскочил, и опять. Ты меня втянул в это дело, ты! Вот и бери на себя. Слушай, тебя не посадят — ты работаешь. Пусть за тебя мужички похлопочут, трудовой коллектив. Ты раскайся перед ними, поплачь. Бей в грудь кулаком, божись, и все, выйдем сухими. Скажем, что я оказался там случайно. Все делал ты один. Пошли в милицию, он ждет. Ты слезу пустишь: виноват, начальник, прости. Клюнут, не волнуйся. Дела пока еще нет. Похерят все до возбуждения, а?

— Не был я там, понял? Меня никто не видел, никто ничего не знает. Был ли, не был ли второй в этом деле — неизвестно. Понял?

— А я-то знаю! Ты обо мне забыл.

— И ты ничего не видел и не знаешь, понял?

— Нет уж, это ты брось. Ничего я не понял. И понимать не хочу. Один я тонуть не намерен. Ты в моих руках. Не пойдешь сам — все

скажу. Всего месяц на воле. Только прописаться успел. Нет уж, или вдвоем за колючку, или оба на воле. Понял?

— Ладно, хватит трепаться. Пойдем выпьем, потолкуем.

— На какие шиши?

— Есть у меня.

— Откуда?

— Не твое дело.

— Какого же черта вчера не дал?

— Вчера не было.

— А сегодня появились? Получка была, что ли?

— У жены взял.

— Зажал вчера. На алкаша потянуло, вот и влипли.

Они идут к магазину, сгорбившись, опустив головы, двое еще не старых мужчин, которые семь лет назад вместе отбывали срок в одной колонии, спали на соседних нарах, ели за одним столом. Они идут не спеша, и вечернее летнее солнце светит им в спины...

— Зачем ты дал ему по морде? Стоял он, молчал, и черт с ним. Все было бы нормально: обшмонали и ушли по-тихому.

— Я и сам не знаю. Он меня за руку схватил, когда я полез к нему сюда... — И он показал на внутренний карман своего пиджака. — За рукав схватил и держит. Ну, я и вмазал. Черт его знал, что он заорет.

Они вошли в магазин. Серый — высокий, худой, с жесткими скулами, лет тридцати, пошел к кассе. Ванька-Встанька — среднего роста, тоже худой, с черными жесткими волосами над изрезанным морщинами вдавленным лбом, из-под которого настороженно смотрели черные маленькие глаза, остановился недалеко от входа у окна и стал смотреть на трепещущие под легким ветром позолоченные вечерним солнцем листья тополя.

— Пошли. — Серый держал в одной руке бутылку водки, во второй — завернутый в бумагу кусок колбасы, и они, протолкавшись в дверях через толпу покупателей, вышли из магазина. — Тебя когда из милиции выпустили? — спросил Серый.

— Сегодня, полчаса назад. Я — сразу к тебе. Надо решать. — Ванька-Встанька вспомнил, как ему сказал начальник отделения: «Нагулялся уже? — При этих словах у него заныло сердце, и стало тоскливо и одиноко. — Иди и один не возвращайся, иначе пойдешь по делу за двоих. Понял?» — «Да, конечно». — Ванька-Встанька вздохнул.

— Ты чего? — спросил Серый.

— Да так, ничего. Думаю.

У Серого в прищуре хищно блеснули глаза. Но Ванька-Встанька этого не заметил. Он шел и думал о своем. О том, как в пятнадцать лет в первый раз «сел» в детскую воспитательную колонию. Как в восемнадцать снова посадили на полный срок без «скидки на малолетство» и он «трубил» долгих четыре года. Потом решил — хватит, надо кончать. Но напился, и опять кража, и снова срок. Освободился всего месяц назад, нашел работу. Живи, трудись. Сколько об этом думал там, за проволокой. Честная жизнь, только честная жизнь! Мать-старуха высохла вся из-за него. «Не могу я больше туда идти. Не могу! Сволочь Серый. Ему — что, не задержали — значит не был. Мне могут и не поверить одному. Чем докажешь, что невиновен? И тот пьяный вдрабадан, а схватил — не вырвешься. Ведь не я его шмонал, какого черта он на меня бросился? Серый тоже хорош: сам драпать и смылся, а ты, как хочешь, выпутывайся. А когда раздался милицейский свисток, понял, что конец, никаких сил бежать. Взяли на месте преступления. Сволочи, все сволочи. Придушить надо было этого алкаша на месте. Зачем Серый вмазал ему по соплям? Не мог втихую?»

— Ты виноват, Серый. Зачем его ударил? Сработали бы тихо и смылись.

— Что теперь говорить об этом. Дело сделано. На тебя — протокольчик. А тебе объяснять не надо, что такое протокольчик. — У Серого под небритой кожей лица напряглись скулы.

— Это точно, — вздохнул Ванька-Встанька.

— Вот мы и пришли, — сказал Серый, открывая дверь подъезда. — Жена на работе. Выпьем, посидим, потолкуем.

Что-то толкнуло Ваньку-Встаньку назад, словно ударило в грудь: не входи! Он смотрел на Серого, но тот спокойно открывал замок двери, из кармана торчала головка бутылки. Сколько было таких встреч, выпивок. Пили и в лучших ресторанах, и на задворках среди пустых ящиков и мусора. Пили и дрались до крови, и обнимались в пьяном угаре, проклиная свою воровскую жизнь. Серый открыл дверь и прошел в квартиру. Ванька-Встанька вошел за ним.

— Жена где работает? — спросил он, садясь на диван. — А ты неплохо устроился, обстановочку завел. С законной женой в чи-

стой постели спишь. Культурно браком сочетаешься. Забыл, наверное, уже про нары? А меня снова хочешь туда отправить? А сам здесь будешь жизнью наслаждаться. Не выйдет! Или никто, или сядем вместе. Пусть твоя потоскует одна на чистых простынях.

— Ладно, Ванек. Давай лучше выпьем. Подумаем, как быть дальше. Будь здоров.

Оба выпили по полному граненому стакану водки, захрустели луком, затем в ход пошла колбаса. Сознание затуманивалось. От горячей волны, которая разлилась по всему телу, руки и ноги становились тяжелыми.

— Послушай, Ванек, а если тебе смотаться отсюда куда-нибудь?

Ванька-Встанька задумался, закурил.

— Волком беспаспортным жить? С меня этой жизни во — хватит! Не могу. — Он вспомнил о матери, о том, как она просила: «Ванечка, перестань воровать, поживи со мной. Руки на себя наложу. Не могу больше ходить по пересылкам, по тюрьмам, ждать одного письма в три месяца. Всю жизнь на тебя положила». Мать плакала без слез. Он тогда закричал на нее: «Хватит, заткнись. Принес тебе подарок, а ты канючишь». После очередной кражи купил ей головной платок. «Не нужны мне твои подарки, — закричала мать слабым, сиплым голосом. — Хватит, одарил — все на тебя спустила. Хорошо, пенсию платят, а то давно бы с голоду подохла». — «Теперь не подохнешь — прокормлю». Мать плакала без слез и молчала. Знала, что, если она будет спорить, он может и отколотить. А теперь ему стало жаль мать. Все-таки права старуха. Не перенесет, наверное, его нового срока. А куда он тогда вернется? Раньше был дом, дома мать, и он рвался домой, в маленькую квартирку первого этажа старого деревянного дома. Окна квартиры выходят во двор, а под окном клумба. Мать всегда сажала на ней цветы. Сколько раз он, пьяный, разбрасывал клумбу ногами, рвал с корнями цветы — его бесила их чистая и яркая красота. Может быть, действительно, смыться, и делу конец? Через год вернешься, никто и не вспомнит. — Ты шмонал, а не я. Почему я должен смываться? Пойдем расскажем начистоту. Я уже устал от всего этого и больше так не могу. Хочу жить по-человечески. — Ванька-Встанька тупо смотрел на пустой стакан.

— Ты женись еще, — неопределенно протянул Серый. — Этот хомут на шею всегда успеешь надеть.

Ты, однако, уже надел, не откладывая на будущее. — Ванька-Встанька посмотрел на Серого. — Нет, ты все-таки пойдешь со мной. А не пойдешь — сам потащу.

Ванька-Встанька знал показания потерпевшего, который сказал милиционеру, что задержанный его не бил и ничего не делал — просто стоял. А второй, высокий, завел его во двор и обыскивал, а когда потерпевший схватил его за руку, ударил кулаком в лицо и бил ногами. Он же взял и часы. Того и нужно найти. «А этот маленький, поэтому я его и схватил. У того, длинного, и нож, кажется, был».

— Ладно, давай выпьем еще. — Серый разлил по стаканам остаток водки.

Они выпили, закурили. Дым облачком пополз к потолку. Серый недобрым взглядом следил за его полетом. Затем положил огромный кулак на край стола и, глядя в упор на Ваньку-Встаньку, заговорил:

— Ты меня в это дело не впутывай, понял? — В голосе приказ и угроза. — Я там не был. С кем ты был, я не знаю. Если заикнешься обо мне, пеняй на себя, понял? За продажу, знаешь, что полагается? Выучил кодексы, статью тридцать восьмую пункт девять и рассчитываешь на чистосердечное признание, помогаешь раскрыть преступление. В холуях ходишь. Если меня потянут, сядешь на нож. Знаешь Яшку? Он за меня с тобой рассчитается. — Серый не отводил тяжелого взгляда от лица Ваньки-Встаньки.

— Зуб? Он жив? — словно очнувшись, спросил Ванька-Встанька. — Я слышал, кокнули будто его при побеге. — Он пьяно покачал головой. — А я и про Яшку скажу. Пусть всех раскопают. Надоело, пойду и скажу.

— Ты что, очумел? Перепил, что ли, Встанька? — Серый с силой взял его за рукав.

— Пусти. Пойду к Николаю Гавриловичу, все расскажу, и пусть делают, что хотят.

— В стукачи, сволочь, записался. Давно ли? Со стажем работаешь? А я-то думаю, что это с ним начальник милиции беседует? Никуда ты отсюда не выйдешь, понял? — Серый встал и закрыл на замок дверь. Ключ положил в карман.

— Ты что, Серый? — испуганно заговорил Ванька-Встанька, глядя пьяными глазами на Серого и слегка покачиваясь. — Никакой я не стукач. Просто начальник со мной поговорил по-человечески. Может, впервые в жизни со мной так говорили.

— Заливай, знаю я тебя, гада, давно присматриваюсь, как ты юлишь, и нашим, и вашим служишь. Труба тебе, понял?

— Пусти меня. — Ванька-Встанька встал и нетвердой походкой направился к двери. Серый стоял на его пути. — Пусти меня, я хочу выйти на улицу.

— К начальничку бежать? Вот он, Серый — вор, возьмите его. Так? Сколько тебе за это заплатят?

— Пусти меня, — повторил Ванька-Встанька.

Серый с силой толкнул его в грудь. Падая, тот ухватился за стол, стащил скатерть. На пол с грохотом полетели тарелки, бутылка. Серый замер. Но у соседей было тихо. Он выругался нецензурно, нагнулся к дивану, из-под которого достал маленький туристический топорик. Ванька-Встанька, сидя на полу, поднял над головой руки.

— Ты что, спятил? Брось топор.

Глаза Серого сузились, и Ванька-Встанька увидел в них непроглядный, колючий мрак смерти.

— Серый! — закричал он, но удар топора оборвал его крик.

* * *

Следствие по делу Волынского—Серого было закончено. Он ознакомился с материалами дела, подписал протокол и сейчас сидел, уныло глядя на тюремный двор. Сазонов укладывал бумаги в портфель. Ждали конвоира, который должен отвести Волынского в камеру.

— Меня расстреляют? — спросил он.

— Это решит суд, — ответил Сазонов.

Вошел конвоир. Волынский встал, заложил руки за спину.

— Прощай, следователь, — сказал он и вышел из кабинета.

Сазонов молчал. Когда шаги Волынского и конвоира стихли, он открыл дверь — в коридоре было пусто. Проходя мимо дежурного, попросил его закрыть кабинет номер девять.

НЕРАСКРЫТОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Майор милиции, заместитель начальника отдела уголовного розыска Морозов Иван Андреевич и следователь милиции, молодой лейтенант Воронов Андрей обсуждали дело об изнасиловании и убийстве, расследование которого им поручили. Когда нет никаких данных о том, кто мог совершить то или иное преступление, а нужно вести расследование, оно начинается с тщательного анализа всех установленных обстоятельств с целью определиться, что делать.

— Известно, что она была изнасилована и убита. Кто это сделал? Вспомним еще раз все. Изложим все, что нам известно. Еще раз.

— Итак, Андрей, давай вспомним все дело. Что мы знаем? Мы знаем, что Степанова, 22-летняя продавец универмага, в ночь с 22-го на 23 апреля была изнасилована и убита в подвале своего дома. Мы знаем, что домой она вернулась около половины 12 ночи вместе со своим знакомым, неким Игнатьевым. Из его показаний видно, что в подъезд он не входил и никого там не видел. Правильно я говорю?

— Правильно, Иван Андреевич.

— Степанова по характеристике сослуживцев — скромная, застенчивая, тихая девушка. Встречалась только с Игнатьевым. Других ее знакомых не знают. Что еще, Андрей?

— Еще? Родителей ее в этот день дома не было. Квартира была пустой. Следов взлома и проникновения в квартиру нет. В квартире ничего не пропало. У убитой была сумочка. Это подтверждает Игнатьев. Следственная группа сумочки не обнаружила.

— Это все?

— Да.

— Игнатьева проверяли?

— Да. Никаких улик. Домой пришел в начале первого часа ночи. Это подтверждает некто Севостьянкин, пенсионер. Он гулял с собакой и встретил Игнатьева, когда тот возвращался домой. Шел он не спеша, спокойно, поздоровался с Севостьянкиным, поговорил с ним, сказал, что скоро, наверное, женится, так как встретил хорошую девушку. Сказал, что был с нею в кино. Мать также подтверждает это, говорит, что домой он пришел в начале первого часа ночи. Осматривали его одежду — ничего подозрительного не нашли. Он отпадает.

— Может быть, может быть. Вы не проверяли его по психоневрологическому диспансеру? Состоит ли он на учете?

— Не проверяли.

— Нужно проверить. Судим?

— Нет.

— Что ты вообще можешь сказать по данному делу, Андрей? Что ты думаешь о нем? Нам с тобой работать вместе по нему, поэтому мы должны постоянно обмениваться мыслями, чтобы знать направление деятельности друг друга. Понятно?

— Да, Иван Андреевич.

— Так я слушаю.

— Вы знаете, что ее нашли в подвале дома. Подвал не жилой. В нем расположены красный уголок и мастерские. Ее нашли в подсобной комнате, где находились поломанная мебель, штанга, доски. Чтобы попасть в эту комнату, нужно спуститься вниз по лестнице из подъезда и пройти по коридору. Шума или криков в ту ночь в доме никто не слышал. Следовательно, она или добровольно туда шла или она как-то была лишена возможности кричать и сопротивляться. Если первое, то с нею был кто-то знакомый. С нею был Игнатьев.

— Свяжитесь-ка с диспансером, Андрей. — Иван Андреевич встал из-за стола и пошел по комнате, а мысли сами собой бежали: «А если не могла, то почему? Насильников было несколько? Схватили, скрутили, заткнули рот, унесли? Но он был один. Одному это сделать невозможно. Но тем не менее шума, криков не было. Ударил, сначала ударил, оглушил, а затем унес в подвал и изнасиловал?

Логично. Можно сойти с ума от этой логики. Логика жизни и смерти, логика тюрьмы или свободы, логика преступника или честного человека».

— Что ответили из психдиспансера?

— Предварительно сообщили, что в детстве страдал припадками и заиканием. Пять лет уже не обращался. Подробную справку вышлют.

И опять мысль Ивана Андреевича заработала сама собой: «У нее на теле никаких следов борьбы: или внезапное нападение, удар по голове, потеря сознания и затем изнасилование или наоборот. Если наоборот, то преступник — Игнатьев. Но тогда почему в подвале, а не в квартире? Но ведь надо быть дураком, чтобы идти в квартиру, так как известно, что незнакомого мужчину в 12 часов ночи в квартиру, в которой никого нет, девушка никогда не впустит. Севостьянкин встретил его после этого, и у него было хорошее настроение, спокойно разговаривал. Кроме того, ведь она его невеста, рано или поздно станет его женой. Зачем ему ее насиловать? С другой стороны, поцелуи, объятия могли его очень сильно возбудить, а люди, страдающие душевным заболеванием, — люди с двойной психикой, и от них всего можно ожидать. Думай, думай». Иван Андреевич взял акт экспертизы — тоже ничего определенного: телесные повреждения на голове и изнасилование прижизненные.

— А как он дрожит, — сказал вдруг Андрей.

— Кто дрожит? — не понял Иван Андреевич.

— Игнатьев.

— Это не доказательство. Дрожит и иной свидетель, совершенно посторонний человек. Нужны доказательства, а их, к сожалению, нет, и поэтому оставим о нем пока разговор. Однако мы с тобой засиделись. Жена взяла в кино билеты, и мне нужно сейчас идти. Давай закончим на этом на сегодня. Но ты подумай, взвесь, оцени. Завтра продолжим. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Андрей, пожимая ему руку. — Как говорит один мой коллега: рабочий день окончен, а работа — нет. Думать просто необходимо, так как ценные мысли приходят не всегда тогда, когда нужно. Поэтому нужно думать практически круглые сутки...

— Такая наша работа. Ну, будь здоров. — И Иван Андреевич вышел.

Жена уже ждала его на тротуаре. Идя вместе с нею к кинотеатру, Иван Андреевич продолжал думать об убийстве Гали Степановой. Жена ему говорила, что их сын, его сын Женька, двадцатилетний парень, студент второго курса юрфака, решил жениться. Привел девушку, очень милую, и сказал: «Мама, мы решили пожениться».

«Так, так. Очень хорошо, — думал Иван Андреевич, и слова жены проходили как бы мимо его сознания. — Что? Жениться? Женька? Этот ребенок?».

— Ты что, Таня, серьезно? Он что, действительно этого хочет? Или ты шутишь?

— Не надо волноваться, Ваня, — сказала жена. — Не надо. Ему уже двадцать, ей девятнадцать. Они взрослые оба.

— Нет, послушай, ты что это, серьезно? Что ты им сказала? Ты всегда с ним заодно. Ведь он сам еще ребенок. Что происходит в этом мире?

— Спокойно, Ваня. Я сказала им, что не знаю, что им сказать, так как все это очень неожиданно. Сказала, что это очень серьезный шаг, что нужно обдумать. Они сказали, что обдумали, что детей они не будут иметь, пока не окончат институт. Жить будут у нас, в его комнате так как она из другого города. Она очень миленькая, Ваня. Мне она очень понравилась. Еще я сказала, что нужно спросить у отца, то есть у тебя, что ты скажешь.

У Ивана Андреевича шевельнулось очень теплое чувство к жене.

— Хорошо, Таня. Надо подумать. Понимаешь, убили девчонку, молодую. Невесту. Изнасиловали и убили.

— Мы же о сыне говорам, Ваня. А ты опять с этими убийствами.

— Но ведь человека убили, мать.

— Ваня, сколько их уже было, этих убийств, за время твоей работы. Много. И ты только о них и думаешь. А сын вырос, женится, семью свою заводит, уйдет от нас. Ты и не заметил.

Иван Андреевич от неожиданности даже остановился.

— А ведь правда, мать, правда. Неужели Женька уже женится? Не может быть! Мы уже старики с тобой, а?

Они чуть не опоздали к началу сеанса и сразу прошли в зрительный зал. Во время кино в сознании Ивана Андреевича то всплывал образ сына в роли жениха: в черном костюме рядом с девушкой в белом, то виделось распростертое на цементном полу подвала тело девушки с

разбросанными в стороны руками и ногами, то, словно очнувшись, смотрел на экран, где Марио Ланца сотрясал голосом люстру.

«Просто я сегодня очень устал, — думал он. — Допросы, очные ставки, тюрьма, выезд на место происшествия — нервы, нервы, нервы. А нервы уже не те, не те нервы. Прежде чем что-то решить, нужно все обдумать, взвесить. Семь раз отмерь, один раз отрежь, как говорится. Отмеряй хоть двадцать раз, а резать надо. И резать судьбу живого человека. Вот и этот жених. А где гарантия, что не он? Мог бы мой Женька свою невесту так? Нет, Женька не мог бы. Женька — человек, человек разумный. Убийца — всегда полуживотное. Да, да... Нужно посмотреть, что у Женьки за невеста. Очень миленькая?»

—Ну, как тебе понравился фильм?

Они уже шли домой.

— Фильм? Да ничего себе.

— Что значит — ничего себе?

— Ну, хороший, значит.

— А о чем он? — опять спросила она.

— Там песни поют.

— И зачем ты только в кино ходишь?

Женьки дома не оказалось. Иван Андреевич был даже рад этому, т.к. не нужно было больше ничего решать, думать, работать. Он сразу лег в постель и уснул.

Утром, занимаясь вместе с сыном гимнастикой, спросил:

— Ну как дела, жених?

— Тебя интересуют дела жениха, отец?

— И вообще.

— Как у жениха, отлично и вообще тоже неплохо.

— Ну, ну. Когда покажешь свое сокровище?

— Не иронизируй, отец. Нина на самом деле очень хорошая.

— Иронизируй? Если она для тебя не сокровище, я не разрешаю тебе жениться.

Сдаюсь, отец. — И Женька поднял руки вверх.

— Вот что, давай приглашай ее к нам на воскресенье, вечером или днем, когда вам удобнее, посидим, познакомимся.

— Хорошо, отец.

Мой старик хочет тебя видеть, скажет он своей Гале, думал Евгений.

— Ну, все, хватит, идем под душ. — Лицо Ивана Андреевича как-то посуровело, брови сдвинулись, глаза стали задумчивыми.

«Старик — в милиции», — подумал, как всегда, Женька, когда лицо Ивана Андреевича принимало такое выражение. И на самом деле, Иван Андреевич уже был в милиции, в своем кабинете. Никаких ниточек, никаких концов за которые можно было бы ухватиться и распутывать. Ничего. Труп, и все. И неизвестный убийца, который где-то ходит.

— Ваня, ты опять забыл принять лекарства.

— Да, да. Спасибо, Таня.

Он проглотил таблетку, позавтракал и пошел на работу.

Там он сразу пригласил к себе Андрея.

— Ну, продолжим наш вчерашний разговор. Нужно выработать план дальнейших действий по делу. У тебя что-нибудь есть?

— Считаю, что нужно еще раз осмотреть все, что нашли на месте происшествия, и съездить на место убийства.

— Пожалуй. Я думаю, туда нужно сходить ночью, примерно в то время, когда совершено убийство.

— Зачем, Иван Андреевич?

— Точный ответ я дать не могу. Просто хочется посмотреть, как все это выглядит ночью.

— Говорят, убийцу тянет на место совершения преступления...

— И это тоже имеется в виду.

— Я пойду с вами, Иван Андреевич.

— Хорошо. А сейчас давай посмотрим вещдоки.

Андрей открыл сейф, достал оттуда коробочку, в которой лежали окурок от папиросы, частицы пыли, собранные с пола около трупа, спичка, щепка, кусок провода.

— Исследованы?

— Да. Ничего нет. Слюны на мундштуке папиросы мало, смешана с никотином, определить группу невозможно. Спичка без особенностей. Щепка и проволока никаких следов на себе не несут.

— Значит — пусто.

— Да.

— Из всех этих предметов самое большее время в руках человека находилась папироса и, следовательно, несет на себе самое большее количество следов. Давай ее посмотрим. — Иван Андреевич поло-

жил окурок на чистый лист бумаги. — Что ты куришь? — спросил он Андрея.

— Сигареты «Шипка».

— Папиросы есть?

— Есть.

— Дай одну. — Он положил ее рядом с окурком. — А у тебя нет окурка от папиросы?

— Нет, — ответил Андрей.

— Выкури, пожалуйста, одну.

— Хорошо.

— Положи сюда, и давай сравним. — Они оба склонились над окурками. — Обрати внимание на форму сгиба мундштуков — она разная. Ты перегибаешь мундштук иначе, чем человек, который курил эту папиросу, это свойство курильщика. Окурок свежий. Где он лежал? Дай-ка план места происшествия. Рядом с трупом. Курил ли его убийца или окурок брошен там другим человеком?

Андрей молчал, смотрел на окурки, на план, на Ивана Андреевича.

— Нужно сходить на место. Туда выезжала дежурная оперативная группа, выезжала утром, в конце дежурства. Люди, разумеется, устали уже и могли что-нибудь упустить, — сказал он.

— Да, — ответил ему Иван Андреевич. — Но не только поэтому нам нужно там быть. Ну, идем.

Они вышли на улицу, сели в троллейбус. Иван Андреевич вытащил из кармана газету и стал читать. Андрей смотрел в окно, на пассажиров. До самой остановки, на которой им нужно было выходить, они не разговаривали. Выйдя из троллейбуса, прошли по улице, свернули в тихий переулок и остановились около дома № 12. Затем прошли к подъезду. По плану места происшествия, протоколу осмотра и фотографиям все было знакомо. Остановились в подъезде. Прямо от двери — пять ступенек на площадку, справа — вход в подвал, лестница ведет вниз. Там мастерские ЖЭКа. Дверь открыта. Иногда ее закрывают, иногда не закрывают и на ночь. В тот вечер она была открыта, т.к. в красном уголке занимались кружки и не закрыли.

— Как ты себе представляешь, Андрей, что здесь произошло?

— Двери квартир совсем рядом, наверное, даже слышно разговор. А в тот вечер никто ничего не слышал. Если бы был даже небольшой шум, услышали бы. Казанцев из 26-й квартиры не спал

до половины второго ночи, сидел с больным ребенком и ничего не слышал. Сама, что ли, она спустилась в подвал? — говорил Андрей.

Иван Андреевич не слыхал, что говорил Андрей. Его мысль работала, как всегда, независимо от его желания. «Ждал ее здесь. Почему ждал? Значит, знал, что придет. Случайно оказался в подъезде? Кто мог случайно оказаться в подъезде? Пьяный? Приезжий? Кто? Как она входила?»

— Андрей, войди, пожалуйста. Так, правильно. Если он стоял у спуска в подвал, она, входя, оказывалась к нему спиной, удар сзади чем-то тяжелым по голове, и все. Правильно? Правильно. У нее перелом черепа сзади справа и ушиб мозга. Все правильно. Подхватил, понес ее вниз. Чем ударил? На месте происшествия ничего не обнаружено. Он находился здесь. Как долго, сказать трудно, но что он находился, это бесспорно. Поищем его следы. Посмотри за батареей, — обратился он к Андрею.

— Там окурки, смятая бумага.

— Давай посмотрим.

Андрей достал из-за батареи несколько окурков сигарет и папирос, смятую пыльную газетную бумагу с остатками селедки и хлеба. Один окурок от папиросы «Прибой» был смят таким же образом, как и окурок, найденный около трупа.

— Этот интересен, — сказал Иван Андреевич и положил его в пустой спичечный коробок. — А остальное заверни в газету на всякий случай.

— Простите, пожалуйста, вы не слесари? У нас течет горячая вода, и мы с бабушкой ничего не можем сделать.

— Какая квартира?

— Тридцать седьмая.

— Слесарь сейчас придет. Иди домой, мальчик.

— Хорошо. Спасибо. — И мальчик убежал.

— Сходи, Андрей, за слесарем и посмотри там внимательно расположение комнат, коридоры и прочее.

— Хорошо, Иван Андреевич. — И Андрей спустился в подвал.

Иван Андреевич, оставшись один в подъезде, встал на предполагаемое место преступника у лестницы, ведущей в подвал, и стал внимательно и медленно осматривать подъезд. «Подъезд как подъезд, — думал он. — Таких сотни и тысячи, слева от него батарея отопления, дальше входная дверь. Дверь не высокая. Верхний

плинтус можно легко достать рукой. Посмотрим, что там. — Он пощупал рукой, но, кроме грязной пыли, ничего не обнаружил. — Дальше стена под углом в 90 градусов у плоскости двери. Если, ожидая, стоять у стены, то сквозь стекло двери видно подходящего к подъезду, но и он видит стоящего у стены. Убийца не мог стоять и не стоял у стены, поэтому его и не видел Игнатьев и не видела потерпевшая, иначе она бы не вошла одна в подъезд. С другого места из подъезда наблюдать нельзя. А чтобы нападать, нужно знать, на кого нападать. — Иван Андреевич вышел на улицу, посмотрел сквозь дверь. — Да, видно. Если у батареи будет стоять человек, его видно с улицы. С Галей был Игнатьев. Они находились около подъезда не менее 15 минут. Следовательно, должны были увидеть убийцу, если бы он стоял у батареи. Игнатьев же говорит, что никого не видел, хотя смотрел в подъезд. По-видимому, наблюдали с другого места. С улицы — исключено, иначе бы встретились. Откуда? Из квартиры? — Иван Андреевич поднял голову, осматривая окна. — Может быть, из окна лестничной клетки второго этажа? Посмотрим».

Он поднялся на площадку. Отсюда были хорошо видны весь подъезд и подходы к нему.

На переходной площадке нет плафона, а только на площадке, на которой находятся двери, ведущие в квартиры.

Иван Андреевич поднялся выше, щелкнул выключателем — свет не зажегся, он щелкнул еще раз — света не было. Значит, эта площадка не освещается и на переходной ночью темно.

Он позвонил в квартиру. Вышла молодая женщина.

— Простите, я из Управления жилищно-коммунального хозяйства, проверяю состояние домов. Вы не скажете, давно у вас здесь, на площадке, нет света?

— Давно, около месяца. Несколько раз уже говорили домоуправу. Придется самим покупать лампочку.

— Безобразие какое, они обязаны ввернуть новую. Извините, что пришлось вас побеспокоить.

— Пожалуйста.

«Значит, света не было. Отличный наблюдательный пункт — эта переходная площадка. Так осмотрим ее внимательнее. Чтобы видеть, человек должен сидеть на подоконнике. Так».

Иван Андреевич сел.

— В какую, вы говорите, квартиру? — услышал он мужской голос.

— В тридцать седьмую, — ответил ему.

«Слесарь идет», — подумал Иван Андреевич и стал спускаться вниз, а затем вслед за Андреем вышел на улицу.

— Ну и что? — спросил он, когда они отошли от подъезда.

— Там у них слесарка, столярная, красный уголок, гардероб, туалет и подсобная. Там раньше жили, а сейчас всех переселили из подвала. Я по плану узнал подвал. Она находилась в подсобной комнате, которая сейчас закрыта.

— Идем, осмотрим все, как представители райжилуправления.

И они повернули назад.

— Покажите ваши помещения, — обратились они к столяру. — Мы из райжилуправления, и нам нужно посмотреть.

— Пожалуйста, смотрите.

— А вы что здесь делаете?

— Я на общественных началах в красном уголке ремонтирую стулья.

— А здесь что? — спросил Иван Андреевич, показывая на соседнюю со столярной комнату.

— Здесь слесарка. Слесарь вышел куда-то. Он сейчас придет.

— А здесь?

— Здесь пустая комната. Там инвентарь кое-какой.

— Откройте, — попросил Иван Андреевич.

— Пожалуйста. — И, погремев связкой ключей, столяр открыл дверь.

«Все правильно, все соответствует плану», — подумал Иван Андреевич.

В комнате стояли штанга, поломанные стулья, тумбочки, помост, доски.

— У кого хранятся ключи от подвала и всех комнат? — спросил он столяра.

— У домоуправа. Имеют ключи и слесаря.

— Когда освободился этот подвал от жильцов?

— Два года назад.

— И сразу заняли под общественные нужды?

— Да, предварительно отремонтировали его на общественных началах. Мебель в красный уголок собрали сами жильцы, кто что мог.

Я вот ремонтирую, подкрашиваю. Телевизор собрали ребята. Кружок у них. Работает ничего, смотреть можно. Газеты тоже общественность выписала.

— Не сыро зимой, весной?

— Нет.

— Сколько метров квадратных занимаете?

— Не могу точно сказать. Домоуправ говорил, 75 или 85 кв.м, — ответил столяр. — Вот и слесарь. Пожалуйста. — Столяр кивнул на подошедшего мужчину.

Тот посмотрел на них быстро, в упор и опустил глаза, открыл замок двери и вошел в слесарку. Вошел туда и Иван Андреевич.

— У вас хорошее помещение. Для слесарки очень удобное. Почему так много верстаков? — спросил он слесаря.

— Ребята занимаются, слесарный кружок у них, — ответил столяр.

Слесарь поставил чемодан на верстак и стоял, не зная, что делать.

— Это товарищи из райжилуправления, — сказал ему столяр.

Иван Андреевич прошел к окну.

— Во время дождя не заливает водой? — снова спросил он слесаря.

— Бывает иногда, — ответил тот и вздохнул.

Иван Андреевич увидел на верстаке окурок папиросы с таким же, характерно смятым мундштуком.

— Окурки валяются на верстаках. Не порядок, — сказал он и посмотрел на Андрея.

Слесарь взял окурок и, смяв, бросил его в корзинку для мусора.

— Извините.

Иван Андреевич начал что-то искать у себя в карманах.

— У вас не найдется закурить? Где-то оставил свои.

Слесарь достал пачку «Прибоя».

— Пожалуйста.

Иван Александрович взял папиросу. Взял себе и слесарь и, смяв мундштук знакомым образом, закурил и дал прикурить Ивану Андреевичу.

— Ну, спасибо. Все ясно — сказал Иван Андреевич. — Остальное мы узнаем у домоуправа. А вентиляция как здесь производится? — спросил он.

— Естественная, — ответил слесарь.

— Не душно?

— Бывает душно.

Простившись и еще раз поблагодарив, они вышли.

— Идем к домоуправу.

Найдя его, Иван Андреевич предъявил ему удостоверение и сказал, что они осматривали подвал и сказали столяру и слесарю, что они из райжилуправления.

— Для них мы и должны остаться работниками из райжилуправления.

— Все понятно, — ответил домуправ, и они разошлись.

По дороге Андрей сказал, что он ничего не понимает, что здесь что-то не то. Иван Андреевич ответил, что сам тоже пока ясно не может домыслить конец всего этого дела, и сказал, что обсудим все это в кабинете на месте. И они замолчали, думая об одном.

В кабинете Иван Андреевич вытащил из сейфа окурок с места происшествия и рядом с ним положил окурок, найденный за батареей в подъезде.

— Что ты скажешь, Андрей?

— Скажу, что они если не идентичны, то очень похожи по форме перегиба мундштука папиросы.

— Еще?

— И как вывод: их курил один человек.

— Еще?

— Больше я сказать ничего не могу.

— Кто этот человек?

Андрей смотрел на Ивана Андреевича и думал.

— Этот человек — тот самый слесарь, которого мы видели в подвале дома № 12 по ул. Кончаловского 20 минут назад.

— Слесарь?

— Да.

— Я ничего не понимаю.

— Вы видели папиросу у него на верстаке?

— Да.

— Форма?

— Я не успел ее рассмотреть, так как он ее быстро смял.

— Вы видели, как он сминал мундштук папиросы, когда закуривал?

— Не обратил внимания. Это слишком неожиданно.

— В нашей работе много и постоянно неожиданное, поэтому нужно быть готовым ко всему и не теряться. Нужно быть очень внимательным. У меня были сомнения, когда я увидел папиросу на верстаке. Ведь мог курить и не он. А когда он сам смял папиросу и я взял ее у него из рук, чтобы прикурить, я убедился, что все окурки — его. Но об этом никому ни слова. Это сейчас величайшая тайна. Стоит ему узнать, и вся наша окурочная стратегия не будет стоить выеденного яйца.

— Да, да. Он?

— Не знаю, дорогой Андрюша, не знаю. Может быть, он просто бросал окурки, так как работает там. Ходит, курит, бросает, и все, и никакой связи его курение и он сам с убийством не имеют. Может быть такое? Вполне. Смущает только одно, что окурок находился рядом с трупом и в комнате, в которой никто практически не бывает, а если и бывает, то очень редко, и окурок свежий. Зачем там мог быть этот слесарь? На всякий случай отметь в плане допросов этот вопрос. Выясним у слесаря, когда будем его вызывать. — Иван Андреевич ходил по кабинету. — А все-таки нужно проверить этого слесаря на судимость, что он за человек.

— Хорошо, Иван Андреевич.

— А как там у нас дело с фотографиями? Сделали? Выздоровел фотограф?

— Да.

— Ну и как?

— Смотрели. Там какой-то предмет на фото непонятный.

— Ну-ка, взглянем. — Иван Андреевич начал рассматривать фотографии места происшествия и трупа девушки. — Где предмет?

— Вот на этой фотографии.

— Ну и что?

— Но его нет на плане места происшествия и о нем ничего не говорится в протоколе осмотра.

— Это нечто интересное. — Иван Андреевич внимательно вглядывался в фото.

— Мы думаем, что это дефект фотографии. Просто затемнение какое-то вблизи стены.

— Может быть, может быть. Дайте негатив, пусть посмотрят в лаборатории.

— Хорошо, — ответил Андрей.

Они еще долго сидели и обсуждали. Поздно вечером Иван Андреевич, идя домой, чувствовал какое-то напряжение и подъем, словно перед схваткой, ему почему-то казалось, что он идет рядом с дорогой преступника, он близко, нужно только протянуть руку и схватить, взять его. Он даже оглянулся, потом остановился, словно о чем-то вспомнив, сам внимательно оглядывал улицу. Ничего подозрительного — идут люди, бегут машины.

«Нервы, нервы, — подумал он, и пошел дальше. — Все в порядке, просто я слишком захвачен этим делом и слишком устал. Жена права: дела, дела, убийства, изнасилования, разбои, грабежи — и нет других мыслей в голове. Как-то надо отвлечься. Сегодня уже никуда не пойдешь — поздно. А завтра нужно что-нибудь придумать, перестроиться. В воскресенье сын приведет невесту. Если ничего не случится, махнем с ними за город, погуляем в лесу. И жена немного отдохнет от кухни. Решено — в воскресенье за город...»

Придя домой, он сразу заговорил об этом:

— А что, мать, если мы в воскресенье всей семьей, включая и Женечкину невесту, махнем за город, а? Наберем с собой продуктов и проведем весь день в лесу? — Он ходил по квартире, потирал руки, крякал, а сам говорил: — А, мать? И ты отдохнешь, надоела кухня, наверное?

— Если будет хорошая погода. Ты не слышал прогноза?

— Какая ты у меня проза. Сразу погода, прогноз, убиваешь у человека настроение, мечту об отдыхе.

— Погода. У тебя какая погода? Сможешь ли? Ты ведь не в первый раз планируешь и не в первый раз не поедешь.

— Пасмурная погода, мать.

— А-а. Я бы очень хотела побыть в лесу.

— Да, да. Ну, давай поужинаем. А где Женька?

— Заниматься ушел в библиотеку.

Иван Андреевич ел, а сам думал. Всегда так — тонкая ниточка, по которой идешь, которую распутываешь, которая не вселяет никакой надежды, и одновременно она единственная. Распутываешь, распутываешь, и неожиданно оказывается, что правильно, все правильно, правильно распутывал, т.к. дело раскрывается.

Пока два конкретных лица: жених и слесарь. И все другие, живущие на земле мужчины. Если эти двое отпадут, останутся все мужчины земли. А всех не проверишь. Игнатьев не судим, не привле-

кался, ни в чем плохом ранее на замечен.Но все когда-то начинают с начала. Может, для него это начало?

Второй — слесарь. О нем пока ничего не известно. Завтра будем знать. Итак, подождем до завтра.

— Здравствуй, отец.

— Привет.

«Приятный молодой человек, — подумал он, — глядя на Женьку, не хлыст. Почему хлыст? Хлыщ. Как правильно? В общем, не пижон».

— Как дела, Джек?

— Опять вспомнил?

— Нет, просто так.

— А мне тоже почему-то сейчас Джек вспомнился. Я до сих пор не могу о нем забыть. Жаль его. Хороший был пес, — сказала жена Ивана Андреевича. — Если бы не отравили, до сих пор жил бы с нами.

— Ладно, мать. Женька теперь за двоих у нас. Ну как, Женя, поедем в воскресенье за город? Ты пригласи свою Галину, и всем семейством — на природу, а?

— Согласен. Я пошел к себе, па, мне еще нужно кое-что посмотреть к завтрашнему семинару.

— Давай, давай. — Иван Андреевич развернул газеты и углубился в чтение.

Жена негромко стукала посудой в раковине, журчала вода.

А утром в кабинете он вместе с Андреем снова ломал голову над загадкой, называемой уголовным делом об убийстве гр. Степановой. Он ходил по кабинету и думал. А думать было над чем.

Первое — это то, что непонятный предмет при внимательном рассмотрении на негативе и специальной отпечатке оказался молотком, и второе — это то, что молотка никто не видел: он не описан в протоколе, не изъят и не зафиксирован на плане места происшествия. Думать было над чем: был молоток или не был? Если был, то куда он девался? Если не был, то как он мог попасть на фото? Если это не молоток, то что это такое? На специально увеличенной фотографии довольно отчетливо виден молоток. Сомнений быть не может. Молоток рядом с убитой. Ударом по голове тупым твердым предметом. Логично? Да. Но почему и как он исчез? Его взяли, убрали. Кто убрал? Почему? Члены опергруппы? Зачем?Побеседовать со всеми.

— Андрюша заметь где-нибудь по поводу молотка: допросить всех членов опергруппы по поводу молотка, выясни, кто еще там был, кроме них. И запиши: установить через них всех присутствовавших на месте происшествия.

— Записано, Иван Андреевич.

— Хорошо.

«Убрать могло лицо, каким-то образом имеющее отношение к этому молотку, как-то заинтересованное в том, чтобы молотка там не было, — думал он. — Кто это мог быть? И второе, что слесарь оказался интересной личностью — дважды судим: за мошенничество и изнасилование».

— Андрюша, запроси приговор на слесаря Герасимова. Посмотрим, за что конкретно он судим. Мошенничество имеет очень широкий диапазон. Вещи Степановой не вернули ее родителям? — спросил Иван Андреевич.

— Нет еще. Мать ее в больнице лежит. У нее после всего этого инфаркт или что-то близкое. Отец обещал заехать сегодня.

— Когда будете отдавать, пусть внимательно проверит, все ли вещи на месте. Они уже похоронили ее?

— Наверное. Из морга ее увезли?

— И еще одно — свяжитесь со всеми отделениями города, узнайте, были ли у них аналогичные случаи изнасилования и убийства.

— Хорошо, Иван Андреевич, будет сделано.

Через час он докладывал Ивану Андреевичу:

— Из восьмого отделения сообщили, что у них есть материал об изнасиловании и покушении на убийство. Месяц назад на их территории было совершено нападение неизвестного на гр. Семенову Валентину Ивановну, 25 лет.

— Сущность?!

— Она вышла из квартиры ночью, в начале 12-го, в подъезде встретила мужчину лет 35—40, он стоял и курил в подъезде. Когда она проходила мимо его, он ударил ее чем-то по голове. Она потеряла сознание, очнулась в подвале. Была изнасилована. У нее пропали часы и сумка, в сумке вещи.

— Нужно ознакомиться с описанием этих вещей.

— Обыск у него нужно произвести, Иван Андреевич, а? Может быть, найдем у него эти вещи и сумочку Степановой.

— У кого?

— У Герасимова.

— Не спеши, Андрей, У нас прямых доказательств его вины нет никаких. Одни наши предположения. Есть некоторые основания подозревать его, и только. Спешить не нужно.

— Я не сомневаюсь, что это дело его рук.

— Посмотрим, посмотрим. Что-нибудь выяснили с молотком?

— Пока нет. Выясняем.

— Что же все-таки установили пока?

— Допросил всех участников опергруппы, доктора и дворника, и о молотке ничего определенного. Дворник вообще не спускался в подвал и во время и до осмотра. Он стоял в подъезде и не впускал никого. Охранял. Спустился, когда нужно было помочь ее вынести. Молотка не видел. Члены опергруппы тоже не видели молотка. Никто не видел. Видели круги от штанги, штангу, доски, стул поломанный, а молотка никто не видел. Остался недопрошенным один слесарь. Фамилия его Фомин. Он пришел первым утром в воскресенье, увидел труп и сообщил в милицию. Он же и показывал опергруппе труп. Я его вызвал на сегодня, он должен через полчаса быть здесь.

— Ты совершенно точно установил, что никого других, кроме перечисленных тобой, там не было?

— Да, это я выяснял. Все говорят, что были только опергруппа, доктор и слесарь. Опергруппа приехала раньше доктора, но они ничего не делали, только сфотографировали, и приехал доктор. Он осмотрел, констатировал смерть и уехал. А они начали осмотр.

— Сам молоток не мог уйти.

— Нет, конечно.

— Никто из допрошенных не брал, значит, взял кто-то другой. Как фамилия слесаря?

— Фомин.

— Брал ли он, нам пока неизвестно. Но если никто из других не брал, значит, взял слесарь. Спрашивается, зачем? Зачем ему нужен чужой, не известно чей молоток, лежащий рядом с убитой? А? Может, он убийца и взял свой молоток? Представляешь — приходит он на работу, увидел убитую, заявил в милицию, а когда приехала милиция, обнаружил свой молоток рядом с ней. Испугался, что могут разоблачить, и стащил молоток. А, как ты думаешь?

— Не знаю.

— Правильно, я сам ничего не знаю. А нужно знать. Я сам допрошу этого слесаря.

— Хорошо, Иван Андреевич. Я вам скажу, когда он придет.

— Договорились.

Через полчаса Фомин сидел перед Иваном Андреевичем и нервно мял в руках серую фуражку. Отекшее лицо, бегающие глаза, взлохмаченная шевелюра.

— Фамилия, имя, отчество?

— Фомин Александр Сергеевич.

— Холост, женат?

— Холост.

— С кем живешь?

— Один.

— Давно работаете слесарем?

— Четыре года. Два года в подвале. Все два года в этом подвале.

— С кем там работаешь?

— С Герасимовым.

— Расскажите все подробно — как работаете: сменно, суточно, оба одновременно?

— Мы здесь при технике-смотрителе. Иногда одновременно оба, иногда посменно — один утром, второй вечером, как скажет техник.

— Герасимов давно работает?

— Нет. Месяца три, наверное.

— Расскажите подробно, что вам известно об убийстве и изнасиловании девушки.

— Что известно? А ничего не известно.

— Ничего?

— Ничего.

— А о том, что она убита и изнасилована в подвале ЖЭКа № 2 по Соколиной, где и был найден вами ее труп, вам известно?

— Да.

— Что известно?

— Известно, что убита и изнасилована.

Парень перепугался, мял фуражку, на лбу выступили капельки пота.

— Расскажите, как вы увидели ее там, что делали после этого.

— Я пришел на работу в воскресенье, как всегда, в 8 часов утра. Спускаюсь в подвал. Там в коридоре темно, после светлой улицы ничего не видно. Я включил свет, чтобы осмотреться и пройти к себе в слесарку. Смотрю, дверь в подсобку открыта, распахнута. Я решил закрыть, заглянул в комнату, и увидел ее. Я сначала подумал, что она спит. Она лежала на спине, ноги были раздвинуты, платье поднято. В общем, она была... Ну, лежала так...

— Понятно, дальше, — сказал Иван Андреевич.

— Я подошел к ней. Глаза у нее были открыты. Я сразу понял, что она мертвая. Напугался и стал звонить в милицию.

— Вы ее знали?

Да, я ее встречал несколько раз в доме, знал, что она живет в тридцатой квартире. В подвале я ее не узнал. Я ее узнал потом, когда приехала милиция.

— Дальше?

— Ну, потом приехала милиция. Меня пригласили понятым. Потом я ушел.

— Что взяли с собой?

— Откуда?

— Из комнаты, где она лежала.

— Ничего, — не очень твердо ответил он.

— Вспомните. Не нужно спешить с ответом. Пожалуйста.

— Что я взял? Что я взял... Что я взял? А что я должен был взять?

— Подсказать?

— Не надо. Я взял молоток.

Андрей сидел, опустив голову, и смотрел в стол. Иван Андреевич сидел и спокойно рассматривал авторучку, снял колпачок, попробовал перо, снова одел.

— А где он лежал?

Парень смотрел в лицо Ивана Андреевича, о чем-то думал и молчал.

— Послушайте, Фомин. Не нужно тянуть время, рассказывайте все, как было. Быстрее закончим это.

— У стены он лежал, у батареи почти.

— А зачем вы его взяли?

— А я его там оставил раньше, в пятницу, я гвозди там, в этой комнате из досок выбивал и оставил его там. А когда увидел, решил унести.

— Когда вы его унесли?

— Когда? Приехал доктор, начал ее осматривать, милиционеры стали помогать. Я увидел молоток, взял его, положил в карман, а потом унес, — говорил он совершенно спокойно и даже с какой-то ленивой неохотой.

— Зачем вы его унесли?

— А зачем он должен быть там? Чтобы его увидели, а потом не найдешь, а у нас на двоих всего один молоток.

— Где вы его потом оставили?

— Положил в слесарке, где он всегда лежал. И все.

— Вы совершенно точно помните, что вы его там оставили, в той комнате, где была девушка?

— Да.

— Когда это было?

— Это было с утра, сразу как я пришел на работу.

— И больше не пользовались молотком до вечера?

— Не пользовался? Нет, как же, пользовался. Я потом еще пробку забивал им в одной квартире.

— Значит, вы не могли его там оставить? У кого имеются ключи от подвала?

— Ключи? У техника-смотрителя, домоуправа, у меня и у Герасимова.

— Всегда подвал закрывался?

— Нет. Иногда бывал открытым. Придешь утром на работу, а он открыт.

— Что вы знаете о Герасимове?

— Знаю, что он живет с матерью. Он недавно у нас работает.

— Был судим раньше?

— Да, он говорил об этом.

— За что судим, он не говорил?

— Сказал, за бабу: избил ее, наверное, вот и сел.

— От вашей слесарки у кого ключи?

— У меня и у Герасимова. И все.

— Когда вы в воскресенье пришли, слесарка была закрыта или открыта?

— Не помню. Я так был взволнован, что не помню. Кажется, закрыта. Но точно не помню.

— Ну, все. Большое спасибо. До свидания. О чем мы здесь с вами говорили, никто не должен знать. Договорились?

— Хорошо. Договорились. До свидания.

— Вот так, дорогой Андрюша. Правду говорит Фомин?

— Думаю, что да.

— Я тоже склоняюсь к этому мнению. Думаю, что Фомин не причастен. Хотя окончательное решение принимать не стоит. В нашем деле все возможно. Возможно, что он — если это преступление совершил он — специально пришел первым и вызвал милицию, чтобы отвести от себя подозрение. Посмотрим, что покажет следствие дальше. Был отец Степановой? Нужно завтра утром найти ту женщину из 78-го отделения и провести опознание. Герасимова вызвать в отдел по другому поводу. И пригласить как бы случайно на опознание. Посадить вместе с другими и показать ей: опознает она его или нет. Одеть в серую фуражку.

— Будет сделано, Иван Андреевич. Я свяжусь с участковым, пусть он его вызовет в отдел, допустим, по поводу какой-нибудь жалобы, и проведу опознание.

— Хорошо. Действуй, Андрей.

Через некоторое время Андрей доложил, что женщина Семенова Валентина Ивановна, проживающая по ул. Карла Маркса, 25, уехала в дом отдыха и будет не ранее, чем через месяц.

— Андрюша, тебе придется срочно за ней съездить. Срочно, буквально сегодня. Установи точно ее местонахождение, найди ее и уговори обязательно, во что бы то ни стало приехать сюда.

— Есть, Иван Андреевич.

— Сколько тебе нужно времени?

— 3—4 дня.

— Давай. Сегодня среда. Жду тебя в понедельник. Договорились?

— Да.

— А за Герасимовым это время придется посмотреть, а? Как ты думаешь?

— Арестовать его, и все.

— А что это даст? У нас ничего прямого против него нет. Ничего. Не пойман — не вор, как говорится. Да, за что он судим? Получили справки о судимости?

— Да. Использовав морскую форму, занимал деньги, сходился с женщинами, говорил, что ходит в заграничное плавание. Получал с них деньги на покупку вещей. Второй раз — за изнасилование двух женщин и несовершеннолетней девушки. В халате врача, с медицинскими инструментами производил по квартирам медицинский осмотр и насиловал. Освободился он, Иван Андреевич, в октябре прошлого года, немногим больше полугода назад.

— Да, такой может убить. Необходимо срочно привезти ту женщину.

— Иван Андреевич, а если вызвать ее телеграммой?

— Действуй, как находишь нужным.

— Хорошо, я поехал к ее родственникам.

— Давай.

Через час Андрей был снова в кабинете и докладывал Ивану Андреевичу:

— Нам очень повезло. Когда я приехал, поговорил с ее матерью и хотел уходить, зазвонил телефон — звонила она. Мать ей все рассказала и просила на день приехать. Завтра днем она будет здесь, у нас.

— Отлично. Связался с участковым?

— Да.

— Герасимов будет здесь?

— Да.

— Подготовь фуражки, одну обязательно серую. Спроси об освещении, при котором видела Семенова насильника, и продумай, где их посадить.

На следующий день все были на местах. В половине пятого Семенова была в кабинете у Андрея.

— Расскажите подробнее, как все произошло.

— Я уже рассказывала несколько раз раньше, в 78-м отделении милиции.

— Еще раз, пожалуйста.

— Я задержалась у знакомых. Меня хотели проводить, но у них раскапризничался ребенок, и я ушла одна. Время было позднее. Когда я спустилась в подъезд, там стоял мужчина в коричневом пальто и серой фуражке и курил. Я помню прямой нос, впалые щеки, и папироса во рту. Когда я спускалась на площадку, самую нижнюю, на которой он стоял, он поднял руку ко рту и взялся так за папиросу, и я заметила на руке наколку.

— На какой?

— Сейчас... Он стоял так, я шла так, он поднял руку так... на правой руке увидела наколку.

— Что за наколка?

— Наколка синей тушью типа: солнце и лучи, полукруг с лучами, и что-то написано, по-моему. Когда я с ним поравнялась и стала проходить мимо, вернее, прошла, начала открывать дверь, я почувствовала удар по голове и больше ничего не помню. Очнулась потом в подвале, было темно, болела голова, меня тошнило, рвало. Я очень испугалась, плакала. Встать не могла, ползла, думала, умру. Утром увезли в больницу. Доктор сказал, что меня спасла прическа. Я отделалась сотрясением мозга и трещиной в черепе. У меня пропала сумочка, в которой были зеркало, пудреница, кошелек, брошь, косынка, перчатки сетчатые, билеты на трамвай, расческа красная, немецкая шариковая авторучка серая.

— Какое освещение было в подъезде? Как падал свет на него, когда вы его увидели?

— Свет падал слева и сверху, под козырьком фуражки у него было темно, и глаз я не видела. Помню прямой нос и впалые щеки, папироса во рту. Он высокого роста, лет тридцати.

— Все ясно. Сейчас мы вам покажем несколько человек, а вы внимательно посмотрите, если ли среди них тот, который напал на вас.

— Хорошо. Только я очень волнуюсь.

— Не нужно волноваться. Пусть он волнуется. Вы посмотрите внимательно, если он есть, скажите — есть, вот этот. Если нет, значит, нет его. — Андрей спокойно смотрел на нее.

— Хорошо.

Вошел Иван Андреевич.

— Ну, как дела?

— Все в порядке, Иван Андреевич.

— Андрюша найди среди пятнадцатисуточников-«декабристов» двух человек высокого роста, лет по 30—35 и три фуражки — и сюда их.

— Есть.

Андрей вышел и вскоре вернулся с двумя высокими мужчинами, одетыми в кепки. Один из них держал еще одну серую кепку в руке. Они поздоровались с Иваном Андреевичем.

— Садитесь. — Они опустились на стулья. — Фуражку положите на стол. Андрей, пригласите его.

Андрей, войдя в комнату к участковому, сказал:

— Привет. Послушай, он у тебя не скоро освободится?

— А что такое?

— Да нужен, понимаешь, мужчина для опознания. Вы не могли бы поприсутствовать 5 минут у нас, там?

Герасимов посмотрел на участкового, пожал плечами.

— Сходите на 5 минут, Герасимов, а потом зайдете, я пока позвоню в ЖЭК. Договорились?

Герасимов молча встал и пошел за Андреем.

— Садитесь здесь на свободный стул, — сказал ему Андрей, когда они вошли в комнату, — и наденьте кепи.

Герасимов посмотрел на сидящих, те смотрели на него, потом на Андрея, потом на стул, на Ивана Андреевича, сел, взял в руки фуражку, примерил, она оказалась мала.

— Поменяйтесь с кем-нибудь.

Один из сидящих протянул ему свою, она оказалась по размеру.

— У кого есть закурить? — сказал Иван Андреевич. Один из них протянул ему сигареты. — Я бы хотел папиросу, — сказал он. — Ни у кого нет?

Герасимов достал пачку «Прибоя». Андрей взял у него пачку, сказал: — Курите, — и дал всем по папиросе. Зажег спичку, они прикурили.

— Минуточку посидите. — Андрей вышел, зашел к участковому. — Ты побудь пока в коридоре на всякий случай, — попросил его и пригласил Семенову.

Та вошла осторожно в кабинет, поздоровалась с сидящими. Герасимов смотрел на нее безразличным, ничего не выражающим взглядом и курил.

Она села напротив и смотрела внимательно и напряженно на одного, на второго и остановила взгляд на Герасимове. Он отвернулся.

— Смотрите прямо, — сказал ему Иван Андреевич.

Герасимов повернул голову и, подняв правую руку, в которой была папироса, к лицу, затянулся.

Соловьева в этот момент побледнела и сказала:

— Он, — показав на Герасимова, — он меня чуть не убил и изнасиловал.

Герасимов, сверкнув глазами на нее, на Андрея, резко, словно его подбросило, вскочил со стула, метнулся к двери и исчез.

Андрей так же быстро бросился за ним, а Семенова, припав к стенке, плакала. Недоуменно вертели головами «декабристы». Лишь Иван Сергеевич оставался спокойным и продолжал что-то писать.

В коридоре послышались возня, ругательства, затем стон и топот убегающих. Иван Андреевич поднял голову. «Неужели ушел?» — подумал он, встал и вышел в коридор. На полу сидел участковый и держался рукой за грудь.

— Что случилось?

— Ничего страшного, — медленно говорил участковый. Лицо его бледнело. — Он ударил отверткой.

— Как же ты так?

— Виноват, товарищ майор. Я не думал, что он так сделает.

— «Скорую», немедленно «скорую помощь». Сидите, не двигайтесь. Сейчас.

— Уйдет он, товарищ майор. — И участковый пытался встать. — Задержать его надо.

— Не уйдет, Назаров, не уйдет. Сидите спокойно. Я сейчас.

Войдя в кабинет, он набрал телефон «скорой помощи».

— С вами говорят из 25-го отделения милиции, улица Чкалова, дом 5. Говорит майор милиции Морозов. У нас опасно ранен сотрудник милиции. Немедленно вышлите «скорую помощь». Немедленно. Сейчас время — 17 часов 45 минут. Кто принял?

— Дежурный врач Иванов. Машина сейчас выезжает.

Иван Андреевич положил трубку, посмотрел на «декабристов» и Семенову и сказал: «Сидеть на месте», — и вышел в коридор.

— Потерпи, голубчик. Машина сейчас придет. Тяжело? Может, тебе лечь? — Участковый покачал отрицательно головой, он был бледен. Под рубашкой расплывалось темное кровавое пятно. Иван Андреевич расстегнул ему ворот рубашки, снял галстук. — Потерпи, дорогой.

В это время подошел Андрей. Лацкан пиджака был оторван, костюм запачкан пылью, на щеке кровоточила царапина.

— Что с ним делать, Иван Андреевич, с Герасимовым?

— В камеру его, наручники одеть и в камеру. Следить!

— Есть.

И Андрей ушел.

Послышался вой сирены «скорой помощи».

— Едет, едет. Сейчас тебе помогут, потерпи.

— Ничего, товарищ майор, ничего. Только жарко, душно. —

Вошли врач и санитары с носилками и участкового унесли. Подошел Андрей.

— Вот так, Андрюша. Преступный мир опасен и непредсказуем. — Иван Андреевич вздохнул. — Идем в кабинет. Расскажи, как это произошло.

— Когда я ходил за Семеновой, я сказал участковому, чтобы он на всякий случай был в коридоре. Он и находился в коридоре. Когда я выскочил, участковый пытался удержать его. Но Герасимов увидел меня, увидел, что бегу я, ударил в грудь участкового отверткой, тот упал сразу, а Герасимов побежал. Я за ним. На первом этаже в дверях он наскочил на нашего Башилова, я крикнул: «Держи!» Башилова вы знаете, но и он сразу не смог с ним ничего сделать. Вдвоем мы его задержали.

Иван Андреевич долго ходил по кабинету и о чем-то сосредоточенно думал.

— Что ты думаешь о Герасимове, что скажешь теперь?

— Думаю, что он убийца и насильник, — ответил ему Андрей.

— А доказательства?

— Какие доказательства еще, Иван Андреевич? Он ведь изнасиловал Семенову, она узнала его. И Степанову — это тоже он. Все это его рук дело.

— Может быть, может быть. Сходи, пусть Семенова и эти двое подпишут. Я там все написал. Я пойду к Герасимову, и ты тоже потом приходи.

— Есть.

Иван Андреевич спустился в дежурную комнату.

— Где он, в какой камере?

— Во второй.

— Один?

— Да. — Дежурный отвечал стоя.

— Садитесь.

Он сел.

Иван Андреевич сел на стул, затем встал и пошел в КПЗ. Подошел ко 2-й камере. Заглянул в глазок. Герасимов сидел на краю нар, согнувшись, опустив плечи. Руки лежали на коленях. Словно почувствовав, что на него смотрят, он поднял голову, посмотрел в глазок. Иван Андреевич откинул запор.

— Выходите.

Герасимов продолжал сидеть неподвижно и тупо смотрел на Ивана Андреевича. Затем тело его словно ожило, он двинул плечом, руками, шеей, встал и тяжело пошел к двери.

— Куда?

— Садитесь к столу в той комнате. — Он показал рукой на комнату, дверь в которую была открыта. Герасимов прошел, сел.

Иван Андреевич сел напротив него, через стол.

— Герасимов, вы подозреваетесь в изнасиловании и причинении тяжких телесных повреждений гражданке Семеновой, которая вас опознала. — Герасимов неотрывно, словно глаза его не могли двигаться, смотрел в лицо Ивана Андреевича. — Что вы скажете?

— Я ее не насиловал. Я ее не знаю. Она может наговорить, что хочешь. Опознала?! Судим я, вот и снова меня посадить решили. Мешаю. А я честно работаю. Вот этими руками. — Он протянул над столом огромные, тяжелые руки. — А на них наручники. За что посадили? — Он грохнул кулаками о стол. — За что? Где доказательства? На каком основании? Я все знаю, все ваши приемы. На рабочие руки наручники одели. — И он снова стукнул по столу.

— Стучать не надо, руки болеть будут.

— Смейся, смейся...

— Ну, вот что, Герасимов, хватит.

— Чо хватит, чо хватит?

— Хватит.

Вошел Андрей.

— Товарищ лейтенант, его, — показал он рукой на Герасимова, — в машину. Поедем на обыск.

— На обыск! Обыскивать простого рабочего человека, дом трясти, шмотки смотреть. Много ли нажил. Старуху мать с кровати стаскивать.

На крик вошел Башилов.

— Заткнись! — и надвинулся всей массой своего большого тела на Герасимова.

— Ну, бей, бей, на, бей, — кричал срывающимся голосом тот, — бей, бей! — ругался нецензурно, брызгал слюной.

Башилов взял его за шею, поддал коленом под зад, и тот вылетел в коридор. — Марш в машину, — и снова подтолкнул его.

— Чего толкаешься, милиция! Прекрати насилие над человеком. — Он вдруг сел на пол и заплакал. — За что человека посадили? За что? Что я сделал? Кого убил, ограбил? Рабочего человека посадили, простого, а начальства никого не посадили, рабочих можно сажать. Над рабочими все можно. Рабочему человеку нет защиты. Не найдешь правды.

— Слезы убийцы и преступника, схваченного за руку. В камеру его! Без него произведем обыск, — сказал Иван Андреевич.

— Обыск, опять обыск. Не можете без обыска. А каково моей мамочке, старой, больной старушке? Травма, душевная травма, оскорбление, личное оскорбление, глубокое оскорбление. Ладно, я поеду. Посмотрю в последний раз на свою мамочку, разлучают ее с сыночком.

— Довольно юродствовать, — сказал Иван Андреевич.

— Что такое? Что это значит? Почему такое оскорбление?

— Ладно, я поеду, гражданин начальник. Я буду тихо. Все. Поедем ко мне на обыск. — Он встал с пола, вытер рукавами слезы. — Ну, ведите меня, — и опустил голову.

— Ладно, поехали.

Они вышли из отделения во двор. Там стоял газик. Иван Андреевич сел в кабину, рядом с шофером, а Андрей Башилов и Герасимов — в крытый кузов. Герасимова посадили спиной к кабине, лицом к двери.

Машина тронулась. Подошла к воротам, ворота открылись, навстречу им с улицы въезжала «Волга» начальника отдела. Их ГАЗ-69 дал задний ход, освобождая проезд «Волге», и снова въехал во двор отделения милиции и остановился. Герасимов вдруг вскочил, вышиб локтем непрозрачное стекло заднего окна и закричал в окно, высовывая руки в наручниках:

— Граждане, помогите, убивают, рабочего человека убивают. Милиция бьет невинных, спасите! Помогите! — кричал он.

Начальник милиции, выйдя из «Волги», подошел к нему.

— Вы чего кричите?

Увидев перед собой полковничьи погоны, Герасимов опешил.

— Бьют, гражданин полковник!

— Кто бьет?

— Вот! — И он неопределенно мотнул головой назад.

Начальник открыл дверь.

— В чем дело?

Из машины вышел Иван Андреевич.

— Провокатор. Это тот самый, о котором я докладывал, Виктор Сергеевич.

— А, хорош гусь! В камеру, в одиночку. И ни шагу из камеры.

— Есть. Башилов, отведите и сразу обратно.

— А без меня, без хозяина вы не имеете права делать обыск. Не выйдет, не признаю я вашего обыска, — кричал он, когда его Башилов вел в помещение отдела.

Когда Башилов вернулся, Иван Андреевич стоял у машины и курил.

— Ну, поехали, — сказал он и сел в машину.

— Что это с майором. Он что, начал курить? — спросил Башилов Андрея.

— Начнешь, — ответил задумчиво Андрей.

А Иван Андреевич, сидя рядом с шофером, думал: «Может оказаться, что матери его нет дома. Если бы Герасимов ехал с нами, у него есть ключ. Было бы все в порядке. А теперь? Приедем, если никого нет, что делать? Уезжать? Соседи передадут — была милиция, и можешь больше не приезжать — обыск бесполезен. Нужно высадить Андрея и послать, пусть узнает, дома ли мать».

— Останови машину, — сказал он шоферу.

Тот остановил.

— Андрюша, — позвал Иван Андреевич. — Ты сейчас пойдешь на квартиру Герасимова, узнаешь, дома ли его мать. Впрочем, пойдем пока вдвоем. А вы, — обратился он к шоферу и Башилову, — постойте здесь.

— Ясно, — ответил Башилов.

— Пошли, Андрей. Я думаю, неожиданностей быть не должно. О его задержании никто не знает. Участковый встретил его как бы

случайно два часа назад и пригласил к себе. Никаких подозрений у матери, если она дома, не может быть. Оружие с собой?

— Да.

— На всякий случай переложи поближе.

— Оно удобно.

— Ну и отлично! Я вхожу первым. Это его дом, да? Где же квартира пятнадцать? Скажите, где пятнадцатая квартира?

Женщина показала рукой на угловой подъезд.

— Там.

— Спасибо.

Иван Андреевич позвонил. Послышался разговор. Потом зашаркали подошвы, щелкнул замок, Иван Андреевич толкнул дверь и увидел спину старухи, которая уходила в комнату. Он шагнул через порог, и в это время сзади, из-за занавески, которой была завешена верхняя одежда, кто-то схватил его и закрыл глаза ладонями.

— Что такое? — негромко спросил Иван Андреевич. Одновременно весь напрягся, резко поднял плечи, нагнулся вперед, опустив голову.

Чужие руки соскользнули с глаз. Нагнувшись, Иван Андреевич между своих ног схватил стоящего сзади за ноги и дернул.

Тот мгновенно оказался сидящим на полу. Сзади над ним уже стоял Андрей.

— Что это такое? — вновь спросил Иван Андреевич, оборачиваясь и разглядывая человека, сидящего перед ним на полу.

Тот растерянно хлопал красными глазами, открыв рот. Андрей держал в руке пистолет, ногой толкнул дверь, она захлопнулась. Из второй комнаты испуганно и недоуменно смотрела старуха. Оттуда же осторожно, вытягивая шею, смотрел еще один мужчина. Андрей наставил на него пистолет.

— Ни с места!

Тот поднял руки. Челюсть у него отвисла.

— Кто такие? — спросил Иван Андреевич.

Мужчина пытался подняться.

— Сидите! Ни с места, — сказал Андрей, направив пистолет ему в голову.

Тот сжался от испуга, втягивая голову в плечи, поднял вверх руки.

— Что здесь происходит? Кто такие? — строго спросил Иван Андреевич.

Мужчина, находившийся в комнате, быстро заговорил:

— Я сосед. Я вот тут, по соседству живу. В гости зашел.

— Документы.

— Какие документы? Дома у меня все. Я схожу, принесу.

— Кто такой? — обратился он к следующему.

— Я знакомый ее сына, — показал он на старуху. — В гости зашел. Думал, он идет. Старуха сказала: Костя, я и думал, что он. Давно не виделись, а друзья вообще, товарищи. Я и решил подшутить, узнает, думаю, или нет. А рост у вас такой же, как у него, я и ошибся.

— Документы.

— Нет у меня ничего с собой. Никаких документов.

— Хорошо. Разберемся. Кто еще в квартире есть? — спросил он у матери Герасимова.

Та отрицательно замотала головой.

— Посмотрим. — Он прошел в комнату, посмотрел под кроватью, заглянул в гардероб. Осмотрел кухню. — Встать, — сказал он сидящему на полу мужчине. — Лицом к стене. Вы тоже встаньте рядом, — сказал он второму мужчине. — Оба руки за спину и молчать. Вы из какой квартиры?

— Из 20-й.

— Фамилия, имя, отчество?

— Козлов Сергей Васильевич.

— Кто дома?

— Сын должен быть и мать.

— Хорошо! Сходите, проверьте и возьмите его документы. Дверь снаружи закройте на замок. — Иван Андреевич подмигнул Андрею, и губами сказал: «К машине!» Достал свой пистолет. — Сейчас проверим. Не двигаться!

Андрей ушел. Иван Андреевич, держа в руке пистолет, сел на стул рядом с кроватью старухи. Она сидела и испуганно смотрела то на Ивана Андреевича, то на мужчин, стоявших у стены. А Иван Андреевич сидел и напряженно думал: «Где же я видел этого человека? Где-то видел. Может быть, было дело на него? Или просто встречался с ним? Но где? Когда?» Он даже знал его фамилию,

пытался вспомнить фамилию. Но вспомнить никак не мог. Он где-то раньше видел этого человека, у Ивана Андреевича это не вызывало сомнения. Память на лица у него была хорошая, профессиональная.

— Можете сесть, — сказал он им обоим.

Они сели на диван.

— И без глупостей. — Иван Андреевич снова внимательно посмотрел на этого человека. Знакомое, удивительно знакомое лицо.

В это время щелкнул замок двери, и в комнату вошел Андрей, за ним Башилов и шофер. Когда открылась дверь, мужчина повернул голову, и Иван Андреевич увидел его в профиль. И сразу вспомнил: это разыскиваемый Коромыслов, сбежавший из лагеря. Он, точно, он. На фотографии в профиль было хорошо видно ухо без мочки. Особая примета, Иван Андреевич запомнил это, когда рассматривал фотографию сбежавшего Коромыслова.

— Ну, как, товарищ майор? — обратился Андрей к Ивану Андреевичу.

— Все в порядке, лейтенант, — ответил он. Показал глазами на Коромыслова. — Не узнаешь?

Андрей взглянул на мужчину, посмотрел внимательно.

— Нет.

— Коромыслов.

— Да?

Мужчина сидел, задумавшись, уставившись в одну точку, и словно ничего не слышал.

Иван Андреевич обратился к старухе:

— Что это за гости?

— Этот сосед, Козлов Сергей Васильевич, из 20-й квартиры, а этого я не знаю. Друг, говорит, Кости. Они собрались ехать на юг, к морю.

«Он хотел сбежать, чтобы уехать к морю и скрыться от следствия», — подумал Иван Андреевич.

— Кто таков? — спросил его Иван Андреевич.

— Друг Кости, бабка правду показала.

— Откуда знаешь Костю?

— Друг детства, за одной партой сидели. — И он улыбнулся широко, обнаружив большие, жёлтые зубы. — Все. Уговорили. Отгулял. Кранты.

— Что такое?

— Запятая, говорю, без хвостика.

— В машину его и охранять, старшина, — сказал Иван Андреевич Башилову.

Башилов и шофер увели Коромыслова из комнаты.

— Товарищ лейтенант, сходите в 20-ю квартиру, пусть придут, кто там есть, с документами на него. — Иван Андреевич указал на оставшегося в комнате мужчину. — Дома должны быть мать и сын.

— Есть, товарищ майор!

Через несколько минут Андрей вернулся со старушкой, которая трясущимися руками протянула паспорт сына.

— Вот, сыночки. А что он опять натворил? — И из глаз у нее потекли слезы.

— Ну, кончай, мать. Не оплакивай, не умер, — сказал мужчина.

Иван Андреевич посмотрел паспорт, проверил прописку, дату выдачи, на основании чего выдан.

— За что судим?

— За грабеж.

— С этим вместе сидел?

— Да.

— Что делал здесь?

— В гости пришел к Косте. Медведь был здесь. Разговорились.

— До чего договорились?

— Ни до чего.

— До конца обыска находиться здесь. Товарищ лейтенант, пригласите соседей. Вы — к двери, — сказал Иван Андреевич вернувшемуся Башилову.

— Есть.

— Бабушка, — обратился он к матери Герасимова. — Вы, кроме этой комнаты, занимаете еще какое помещение?

— Что, родимый?

— Еще у вас есть комната, кладовые, чуланы, кроме этой?

— Нет, ничего нет. Нет. — И она развела руками.

Вошел Андрей, с ним молодая женщина и пожилой мужчина.

— Мы работники милиции. Имеем разрешение на обыск. Вот ордер. — Иван Андреевич дал ордер и свое удостоверение.

Женщина посмотрела, передала пожилому мужчине, тот прочитал вслух.

— А это мои помощники — лейтенант Воронов, старшина Башилов. Мы произведем обыск, вы будете присутствовать.

Мать Герасимова заохала, всплеснула руками, из глаз ее потекли слезы.

— Горе, ой, горе. Что он опять натворил?

— Изнасиловал женщину и причинил ей тяжкие телесные повреждения.

— Говорил, завязал, а сам опять за старое. Горе мне, мне горе.

Обыск для Ивана Андреевича всегда был связан с напряжением. Он сознавал, что перевертывать буквально все в квартире — малоприятное занятие. Но одновременно он понимал, чтобы что-то найти, нужно осмотреть буквально все. Все ящики, чемоданы, шкафы, книги, мебель, одежду. Все должно быть осмотрено, осмотрено тщательно, внимательно. Он знает случаи, когда преступники прятали оружие, драгоценности в самых неожиданных местах: в ручках дверей, в ножках стульев, в подошвах комнатных туфель. Но никогда он не допускал того, чтобы просто рыться в чужих вещах. Он знал, что он должен найти, что нужно найти, и поэтому примерно заранее определял местонахождение. Сейчас он должен посмотреть все личные вещи Герасимова, все, что относится только к нему, так как только там могут находиться вещи, взятые им у Семеновой и, возможно, у Степановой, если он причастен к ее изнасилованию.

— Бабушка, — обратился он к матери Герасимова. — Где Костя хранит свои вещи, инструмент и прочее?

Та, вытирая слезы, посмотрела на него тем же долгим взглядом, каким смотрел на него в камере Герасимов.

— Не знаю. Там, наверное, под столом, в чемодане.

Под столом действительно стоял чемодан. Иван Андреевич начал осматривать содержимое чемодана. Андрей осматривал гардероб.

Обыск продолжался два часа, но ничего, кроме серой немецкой шариковой авторучки, не нашли. После того как протокол был подписан всеми присутствующими, Иван Андреевич копию протокола отдал матери Герасимова.

— А вы, — обратился он к Козлову и его матери, — идите домой. Вот ваш паспорт. Завтра к 10 утра явитесь в отделение милиции.

— Ясно. До свидания, — сказал Козлов и вместе с матерью вышел из комнаты.

— Товарищ лейтенант, допросите Герасимову о сыне. Я схожу к машине. — И Иван Андреевич вместе с Башиловым вышел из квартиры.

На улице стоял по-летнему теплый вечер. Он снял фуражку, зажмурился, постоял немного и пошел к машине. Шофер сидел на ступеньке газика и курил.

— Ну, как дела?

— Все в порядке, товарищ майор.

— Все тихо? А как Коромыслов?

— Там, в машине. — Шофер кивнул головой в сторону кузова.

— Ну, ну. А тепло-то как. Как летом. Без пальто можно. Ну, ладно, ты смотри здесь, а мы скоро заканчиваем, и тогда поедем в отдел. Хорошо?

Когда Иван Андреевич зашел в комнату, Андрей уже заканчивал допрос.

— Ну, что? — спросил он Андрея.

— Говорит, ничего не знает. Он всегда очень поздно домой возвращался. Она обычно спала уже, когда он приходил.

— А вещи?

— О его вещах она ничего не знает. Не знает, что это за ручка. Говорит — это Кости, а где он взял, она не знает.

— Ну, хорошо. Пошли.

И они вышли на улицу, сели в машину.

Последующее расследование и проведенные биологические экспертизы показали, что Герасимов, слесарь Фомин, Игнатьев, Коромыслов не причастны к изнасилованию Степановой. Это сделал кто-то другой.

— Вот так, Андрей, — сказал Иван Андреевич, — пока нам не удалось раскрыть это преступление. Но видишь, как получается. Работали по одному делу, а раскрыли второе и задержали бежавшего преступника. Наша работа непредсказуема. Думаешь, планируешь одно, а на практике неожиданно находишь другое. — Иван Андреевич помолчал. — Разошлем запросы в райотделы милиции об аналогичных преступлениях. Будем искать и с помощью агентов. Будем работать дальше. Мы должны его раскрыть и привлечь ви-

новного к ответственности. — Иван Андреевич помолчал. — Завтра мой сын регистрирует брак со своей невестой, то есть женится. В ресторане будет небольшая свадьба для самых близких людей и родственников. Я приглашаю тебя. Приходи, посидим немного, порадуемся за молодых, пожелаем им счастья. Придешь?

— Хорошо, Иван Андреевич. Приду.

— Ну, значит, договорились. Завтра в пять часов вечера.

На следующий день Андрей в назначенное время был в ресторане. Там уже собрались гости. Иван Андреевич представил его сыну, его невесте, ее родителям. Жене. Вскоре они сели за столы, выпили за молодых, желали им любви и счастья.

Через некоторое время Андрей вышел покурить и там, в курилке, неожиданно встретил Игнатьева, который стоял задумчиво у стенки и курил. Он, увидев Андрея, поздоровался с ним.

— У вас свадьба, — сказал он. — Кто женится?

— Сын моего хорошего знакомого, — ответил Андрей.

Неожиданно лицо Игнатьева горестно скривилось, казалось, он вот-вот заплачет. Андрей смотрел на него.

— А я с другом и его невестой. Они тоже собираются расписаться. Я сирота на этом свете. Какой-то подонок лишил меня счастья. Гад, я бы удавил его собственными руками. — Он отвернулся и глубоко затянулся, выдохнул густой клуб дыма. Глаза его влажно блестели. — Поймали его?

— Ищем. Следствие еще продолжается.

— Поймайте его обязательно. Таких гадов давить надо, чтобы другим неповадно было.

Андрей молчал. Ему нечего было сказать.

Вернувшись за стол, он ничего не сказал Ивану Андреевичу, но для себя решил во что бы то ни стало найти насильника и посадить его на скамью подсудимых.

ЖАЛОБА ОСУЖДЕННОГО БАЛАНДИНА А.И.

Граждане судьи, я — Баландин Анатолий Игнатьевич, 1937 года рождения, уроженец г. Москвы, в настоящее время осужден н/с Кировского района по ст. 206 II УК РСФСР на 5 лет 3 месяца лишения свободы.

9.VI.61 г. Я был осужден (вообще судим в 1955 г., в 1958 г. за хулиганство), н/с Кировского района г. Москвы к 5 г. 3 м. лишения свободы, что считаю слишком строгим, суровым наказанием за совершенное мною преступление. Да, граждане судьи, я действительно совершил преступление, но посмотрите сами, разберите детально все это дело. Вникните в мое дело с полной серьезностью. Хоть в настоящее время и преступление, но ведь это еще не говорит за то, что я совсем потерянный, испорченный человек, до мозга костей, человек, которого уже сейчас можно выбросить за борт корабля, который только что начал набирать скорость, взяв правильный курс. Да, граждане судьи, я действительно заслужил наказание и должен был его получить, но я считаю, что не в такой степени, как осудил меня нарсуд. Обращаюсь к вам с просьбой пересмотреть мое дело и подойти к определению правильности вынесенного мне приговора, который я должен буду отбывать без каких-либо снисхождений срока. К 2/3 срока я не подлежу ввиду того, что я был ранее освобожден от срока (3 года), который был вынесен н/с Ленинского района г. Шахты Ростовской области по

ст. 74 ч. 2 УК условно досрочно на 1 год и 3 месяца с испытательным сроком 3 года.

После освобождения из мест заключения я провел на свободе 1 год. Я прописался в Москве и в тот же день обратился в райисполком с просьбой об устройстве на работу, где мне не отказали в моей просьбе. Помогли устроиться на работу, на Московский автоагрегатный завод в качестве грузчика, где я работал до моего ареста. В течение 11 месяцев, которые я проработал на заводе, я не имел ни одного нарушения трудовой дисциплины, о чем может подтвердить администрация завода. (Из характеристики, выданной автоагрегатным заводом, в марте 1960 г. по направлению райисполкома был оформлен на работу в качестве грузчика гражданин Баландин А.И., вернувшийся из мест лишения свободы. За период работы на заводе Баландин показал себя с плохой стороны: грубо вел себя с работниками завода, неоднократно хулиганил в проходной завода, на замечания работников охраны выступал с бранью и угрозами.

В ноябре 1960 г. Баландин отбывал наказание 5 суток в 20-м отделении милиции за мелкое хулиганство.

1.02.61 г. Баландин явился на завод в нетрезвом виде и учинил драку в цехе вкладышей, где был связан рабочими цеха и на тележке отведен в охрану завода. Там он также учинил скандал: ударил ногой в лицо начальника караула Махова, буянил, выражался нецензурными словами. Охрана завода была вынуждена его отправить в отделение милиции.

Руководство завода неоднократно указывало Баландину на его неправильное поведение, но он никаких выводов для себя не сделал.

Партийное, хозяйственное и профсоюзное руководство в силу изложенного просит привлечь Баландина к уголовной ответственности за злостное хулиганство.

Подписи:

Директор завода, секретарь парторганизации и председатель заводского комитета профсоюза.)

В течение года я имел несколько благодарностей.

В течение года я ни одного раза не был задержан даже постовым милиционером, не говоря уже о каких-либо других правонарушениях.

И вот я совершил преступление, за которое дали 5 лет и 3 месяца. Неужели такой приговор мне вынесли за мое преступление? Я думаю, что нет. Меня судили за то, что у меня плохое прошлое. За то, что я раньше был уже судим.

Судья придерживался правила: волка бьют не за то, что он овец таскает, а за то, что он волк.

Знаете вы, как тяжело отбывать срок? Мне сейчас 23 года. Это самый молодой, самый интересный и в то же время переходящий в самостоятельную жизнь возраст. Мне вынесли такой приговор — 5 лет да еще и 3 месяца, значит, что самые цветущие годы жизни должны будут пройти в застенках. Это значит, что я должен выбросить из своей жизни еще 5 лет (плюс к тем 5 годам, которые отсидел: судим в 1955 году, сидел до 1958 г., освободился в 1958-м в апреле, в июле слова сел на 3 года, освободился в феврале 1960 г. Сел в феврале 1961 г.).

У меня дома осталась больная, престарелая мать. Она находится на пенсии. Всю свою жизнь посвятила труду и общему делу построения коммунизма.

Последний месяц на свободе я решился обзавестись семьей и уже подал заявление в ЗАГС с Трусовой В.П., с которой я сожительствовал в течение 6 месяцев. Мой среднемесячный заработок составлял 170—180 руб.

В ваших руках моя судьба. От вас зависит моя дальнейшая жизнь, а значит, и вступление в новую, достойную советского человека жизнь. На трудовой путь, на который я уже вступил, но, видно, не прочно, сорвался.

Так, граждане судьи, я прошу вас: дайте мне возможность как можно быстрее доказать себе, да, самому себе, а также всем людям нашей Страны Советов, что я, имея такое незавидное прошлое и в настоящее время заключенный, изолированный человек от общества, могу стать человеком, достойным социалистического общества, что я могу стать таким же преданным своей стране и верным делу борьбы за мир и построение коммунистического общества человеком, как А. Матросов, З. Космодемьянская и герой настоящего времени Гагарин, победитель космоса, первый космонавт. У них интересная, красивая жизнь, а что видел я? Ничего. Вся моя жизнь прошла перед моими глазами за эти месяцы, ко-

торые я нахожусь в Бутырской тюрьме, и ни одного чем-нибудь отличающегося дня от другого дня. Даже вспомнить не о чем. Освобожусь — пойду учиться, буду работать и достигну, добьюсь уважения честных людей.

Граждане судьи, прошу вас, не подумайте только, что это хитрые ужимки, что этими словами я хочу разжалобить вас, не подумайте, что это только слова, которыми я хочу достичь того, чтобы вы мне скинули срок. Нет, я пишу только то, что все эти годы будет со мной, моей тенью. Только то, что действительно находится у меня в душе, только то, что я хочу достичь.

Так, граждане судьи, прошу вас еще и еще раз: войдите в мое положение, не дайте мне окончательно разочароваться в моей жизни, прошу вас дать мне возможность направить ручей дальнейшего движения по жизни по правильному руслу, ибо через 5 лет и 3 месяца я окончательно уверую в свою неудачно сложившуюся судьбу жизни.

Прошу вас, граждане судьи, обратите серьезное внимание на изложенное мною письмо, в котором я целиком и полностью раскрываю перед вами свои мысли и мечты на будущее, когда придет день моего освобождения. Я даю вам слово, граждане судьи, и в вашем лице всем людям страны, что я никогда больше не окажусь на скамье подсудимых, что я буду достоин великого звания — Человек СССР.

Наслаждаться хочу я московской природой,
Находиться в семье среди добрых людей.
Хочу быть я вместе с любимой свободой,
В компании лучших, хороших друзей.
Работать хочу на родном мне заводе,
В ногу идти с комсомолом хочу.
Как яркое солнце на небосводе,
Я честным трудом свою жизнь освещу.
О, если бы вы знали,
Доверие ваше останется в сердце моем навсегда.
Что может свободы милей быть и краше?
Что может быть честного лучше труда?

Граждане судьи, это я написал слова своего сердца, которые все 5 месяцев неотступно следуют за мной. Находясь в Бутырской тюрьме, я о многом передумал. Полностью осознал все свои плохие стороны жизни и еще раз даю вам слово, что впредь никогда не только не окажусь на скамье подсудимых, но и сам буду бороться с хулиганством, буду вести борьбу с хулиганами и тунеядцами, пусть даже я сам в настоящее время не ушел далеко от них.

Я надеюсь, что вы поймете меня правильно и пойдете мне навстречу, если снимете часть приговора народного суда, то вы поможете мне найти правильный путь в светлое будущее быстрей, чем оно может прийти самое.

Заключенный Баландин.

ЖАЛОБА ОСУЖДЕННОГО РЯБИНИНА В.Д.

Вы ежедневно рассматриваете дела уголовных преступников по их жалобам на приговор суда. Есть среди жалоб всякие, лишь бы выгородить себя. Но у меня просьба очень откровенная и чистосердечная. Прошу вас устранить ошибки, допущенные следствием судом и мной самим. Я вам опишу коротко о себе и постараюсь сказать только правду. Я родился в семье, мать и отец были неграмотные. Из родства у меня сестры. Они окончили все институты и смогли правильно понять жизнь и нашу Партию. Я же один рос, мальчик рано лишился отца, а мать, верующая в бога, тащила меня в церковь. Я не был пионером, а вязался большинство с уличными ребятами, которые тоже не были заинтересованы в чем-либо полезном для общества и для своего правильного воспитания. Вот мой результат жизни. Я имею фактически 7 судимостей с 1949 г. Отсидел 11 лет в исправительных трудовых лагерях. Очень много пережил, ибо с 18 лет я попал в лагерь. Но все годы я работал на общих, самых тяжелых работах. Благодаря здоровью и работе я остался жив. Теперь настал мой через именно обратиться к вам, в ЦК КПСС, с просьбой о пересмотре моего дела, которое было рассмотрено 10 апреля 1964 года. На суд я скажу прямо, что я попал к жестокой судье, и она вынесла очень жестокий приговор, не взял ничего хорошего. Я ведь был членом бригады коммунистического труда, и это для меня было святое. Это было самое дорогое, о

чем я мог мечтать, а теперь об этом коллективе я могу быть только во сне.

Я освободился в 1964 г., 5 января, сидел по Указу от 4.06.47 г. ст. 1 ч. 1, был приговорен к 5 годам. ИТК отбыл календарно, ибо имел нарушения лагерного режима и ни под какие льготы не попал. Вам долго описывать. Но в 1958 г. я уже решил не быть больше на скамье подсудимых и не быть за колючей проволокой и в презрении у народа. Я с 1958 г. был бригадиром, отбывал на повале леса и строительстве железной дороги.

Виноват мой характер, но он уже полностью изменился.

Главное в жизни труд. Именно труд отливает металл и человеческий характер. Так сказал Гагарин, и это я постиг. Я освободился, прописался в городе, устроился в СМУ-8 разнорабочим и начал трудовую жизнь. Стал сварщиком. За хорошую работу был послан учиться на повышение квалификации, т.е. стал дипломированным сварщиком. Учился только на «хорошо» и «отлично», ибо дорожил доверием коллектива и изо всех сил стремился быть человеком.

Однажды встретил старого товарища, мы с ним разговорились, и в конечном разговоре он даже стукнул меня ножом, но не сильно за то, что я с ним не согласился в жизненных взглядах. Об этом знают только мать и жена. Кличка его Колдай.

19.02.64 г. я ехал из больницы от честного парня. Мы с ним выпили, а мне много пить нельзя, ибо я очень слабо пью. Ехал на 221-м автобусе домой, мне надо было сходить. Я прошел вперед, с правой стороны стояла гражданка Любезнова, и в руке у нее была сумка, и, проходя мимо, народу было много, я влез к ней в сумку. Как это произошло, даю вам слово, сам не пойму. Но рука, мол, была в сумке. Любезнова дернула сумку и обратилась ко мне: «Положи на место». Я сам оторопел и бросил на пол. Передо мной были только уже проволока и лай собак. Я был задержан на месте преступления. Меня доставили в 100-е о/м, посадили в камеру. Не буду высказывать, что у меня было на душе, но я сам ненавидел себя, ибо знал, что одна дорога — тюрьма, не было никаких сомнений. И вот в 10 часов вечера меня вызвал следователь. В милиции меня не знает следователь, но он старый, хорошо опытный. Вызвал меня на откровенный разговор, и я ему все честно рассказал, как случилось. Причем рассказал ему все честно, ничего не скрывая. Он посидел, подумал и стал

составлять протокол допроса. Я его попросил, чтобы он не писал правды в протокол, т.е. что в сумку я не лазил. Мне делали очные ставки и отправили в тюрьму. Защитника наняли мать и жена, и он мне сказал, что меня будет судить выездная сессия.

Придя на суд, я увидел жену, которая ждала 5 лет, мать-старушку и партийного работника СМУ — главного инженера, т.к. коллектив и постройком постановили ходатайствовать перед нарсудом о смягчении меры наказания. Откуда я мог знать в тюрьме, что коллектив не бросил меня, а идет мне на помощь, и не признавался. Все знали, что я ранее судим, но поверили мне, и мне очень тяжело, что я не оправдал доверия коллектива.

У нас есть воспитатели, которые нам дают правильные понятия, ведут массовые политбеседы и хотят выпустить на волю хороших людей.

Прошу помочь мне снизить срок наказания. Жена не сможет ждать вторично, мать умрет, не увидев сына. Проверьте все сами, и вы убедитесь, что я вам написал только правду.

Мне посоветовали писать жалобу в горсуд, не признаваться, доказывая, что не имеют права судить по одной потерпевшей (в процессе следствия по делу были допрошены 6 человек свидетелей, видевших кражу), что я и сделал. Даю слово — больше не буду врать нигде и никогда.

Суд начался, опросили потерпевшую, сказала всю правду, свидетели Новожилов и Коган врали самым наглым образом — выгораживали меня, тем самым заводили и меня в блудное. Я отнекивался и не сказал правды. И в последнем слове я не сказал правды.

Но я хочу быть человеком, ибо четыре годы пропали в тюрьме, и я не хочу, чтобы вся жизнь прошла в тюрьме.

Прошу вас пересмотреть мое дело и снизить мне меру наказания.

Подпись: Рябинин.

ЖЕСТОКОСТЬ

— Ты — бездельник и шалопай! Заниматься уроками не хочет, а с этой тварью готов возиться с утра до вечера! Чтоб не было этой гадости. Понял? Не то я сам с ним разделаюсь, — Юрий знал, что отец говорит правду, он действительно может запросто разделаться с щенком: возьмет за ноги, стукнет о стену живого Кузьку и отбросит его труп в сторону, как мусор. Такое уже было. Юра сам видел это. Отец так разделался с бездомной кошкой. Сначала он стукнул ее камнем, а потом схватил за ноги. Юра до сих пор слышит ее утробный вздох или стон. Он представил себе, как отец бьет головой об угол дома Кузьку. Нет, только не это. «Я его подарю кому-нибудь», — решил он.

В школе Юра спрашивал ребят, кто бы хотел иметь Кузьку. Но щенок не был никому нужен.

— А почему ты его даришь? — спросил Коля Иванов, в семье которого всегда была собака.

— Отец не разрешает его держать дома. Я даже не знаю, что теперь делать, — грустно ответил Юра.

— А ты его утопи, — подсказал Коля. — Отец всегда так делает. У нас бывает много щенят. Так он их соберет в сумку, пойдет на речку, и все. Я сам видал. Очень даже просто. Они слепые, ничего не видят и плавать не умеют. А твой умеет плавать?

— Не знаю, может, и умеет. Он уже смотрит и даже лает.

— Ну и что, все равно. Ты ему камень привяжи на шею. И все. Утонет.

После школы Юра не находил себе места. Он знал, что скоро придет с работы отец, и Кузьку нельзя было оставлять до его прихода. Будет скандал. Достанется и Юрию. Отец запросто может его побить, а Кузьке — не жить. Это точно.

Когда до прихода отца осталось меньше получаса, Юра, взяв Кузьку на руки, вышел со двора. Река текла за огородами. Юрий направился туда. Опустив Кузьку на землю, он сел на берегу. Щенок, весело повизгивая, носился по берегу, прыгал, наскакивал на Юрия, маленькими мокрыми зубами небольно кусал его за руку. Река текла плавно, спокойно. Ровная ее поверхность тускло блестела, отражая серое осеннее небо.

— Где Юрка? — услышал он вдруг голос отца, который доносился со двора.

Отец был, кажется, в нетрезвом состоянии. Юрка вздрогнул. У него похолодели руки. Схватив Кузьку, он прижал его к груди. Что делать? Рядом несся бесшумный поток реки. Щенок возился на руках у Юрия, тянул морду к его лицу, пытаясь лизнуть. Дрожащей рукой Юра достал из кармана веревочку, привязал к ней камень, обмотал ее вокруг шеи щенка и, закрыв глаза, бросил его в реку. Послышался всплеск. Когда он открыл глаза, река по-прежнему спокойно и плавно несла свои воды. Поверхность ее была ровной и отражала серое осеннее небо. Юрий понуро побрел домой.

— Ты где шляешься? — встретил его вопросом отец. — Где тебя носит? Почему не занимаешься? Опять хочешь получить двойку? Опять, наверное, возился с этим собачьим отродьем. Где щенок?

— Нет его, — глухо ответил Юра. — Нет и больше никогда не будет.

Отец вопросительно посмотрел на Юрия.

— Ладно. Это мы еще проверим. Марш за уроки. И чтоб двоек больше не было. Шкуру спущу. Понял?

Юрий пошел в дом...

...Однажды зимой, когда стояли сильные морозы, Юрий подобрал на улице полузамерзшего воробья и принес его домой. Тайком от отца он посадил его в ящик, который сверху накрыл сеткой, и спрятал под столом. Вначале воробей вел себя тихо, а когда отогрелся и набрался сил, в доме раздалось его бодрое чириканье. Юра

испугался, что отец может обнаружить воробья, и тогда не миновать скандала, а то и побоев. Он достал из кладовой старое зимнее пальто и завернул в него ящик. Воробей, видимо, испуганный темнотой, перестал пищать. Под пальто он оставался всю ночь.

На следующий день утром, когда отец уже ушел на работу, Юра, собираясь в школу, снял с ящика пальто. Воробей лапками вверх, неподвижно лежал на дне. Юра достал его. Он был мертв. Юра держал его на руке, и голова воробья беспомощно свисала вниз. Затем он вышел на улицу и, размахнувшись, со всей силой бросил его в сугроб...

Весной мальчишки наделали «оружия». Кто смастерил пращу, кто — лук со стрелами, кто — резиновые самострелы. Устроили соревнование на меткость попадания в цель. Стреляли в коробку из-под стирального порошка. Особенно метко стрелял из резиновой пращи-рогатки Юрий. Вскоре коробка была разбита. Ребята начали стрелять по птицам. Попали в воробья. Он упал на землю и, волоча переломанное крыло, попрыгал в траву. Первым к нему подбежал Юрий и поймал его. Воробей пронзительно и жалобно пищал, широко открывая рот.

— Я его отнесу домой и вылечу, — сказал Юра.

— А отец его все равно выкинет или убьет. Он же не разрешает тебе иметь птиц, — сказал один из мальчиков. Юрий молчал, он знал, что это действительно так. — Брось ты его, и давай стрелять по нему. Все равно он подохнет.

Юрий опустил воробья на землю. И тотчас в него полетели камни, стрелы, комья земли. Через несколько минут воробей, разбросив крылья, неподвижно лежал на земле. Но ребята продолжали стрелять и по мертвому. Потом снова переключились на живых. И Юрий наповал убил еще одного воробья, попав ему камнем в голову.

— Ты очень точно стреляешь, как снайпер. Прямо в голову попал, — сказал один из мальчиков, глядя на мертвую птицу, лежащую на ладони Юрия. Размахнувшись, Юрий молча бросил мертвого воробья в кусты.

Все лето Юрий не расставался с резиновой пращей-рогаткой. Он научился очень метко стрелять. На довольно большом расстоянии он без промаха попадал в птиц, кошек, собак. Ни одно встретившееся ему живое существо не уходило безнаказанным. Особое

удовольствие доставляло ему бить птиц. От удара камнем они, как правило, замертво сваливались на землю. Он нередко уходил «охотиться» в лес и стрелял там по синицам, дятлам и другим птицам.

Осенью, когда начались занятия в школе, Юрий принес в свой 8 «А» класс подстреленную им синицу. Во время перемены он вытащил ее из портфеля. Вокруг собрались ученики. Они с интересом рассматривали птицу. Синица мелко-мелко дрожала и жалобно пищала. Юрий щелкнул пальцем по ее голове. Синица клюнула руку Юрия.

— У, гадина, еще клюется, — сказал Юрий и, взявшись руками за ее лапы, потянул их в разные стороны. Синица громко и тоскливо запищала, но Юрий продолжал с силой тянуть, пока не оторвал напрочь одну лапу. Конвульсивно дергающееся тельце синицы он бросил на газету, завернул его и понес из класса. Ученики молча и испуганно смотрели на него...

— Чего орешь? Я и так из-за тебя дома сижу. Прекрати сейчас же! Навязался на мою голову. Замолчи! Все ребята на улице играют, а я с тобой должен сидеть дома. — Старший брат Виктор, мальчик лет десяти, бьет по голове младшего братишку, лет четырех. Тот начинает кричать еще громче. — Замолчи, а то убью! — И он вставляет в открытый в крике рот брата пластмассовый шарик. Мальчик давится шариком и замолкает. Затем выплевывает его, и квартиру оглашает еще более громкий крик. Виктор зажимает ладонями уши. — Ну, крикун. Когда ты угомонишься? Чего тебе надо, ты можешь сказать? Возьми мой пистолет. Можешь пострелять. — Виктор протягивает игрушку брату, но тот бьет рукой по пистолету, и он падает на пол. Виктор дает брату затрещину. — У-у, дурак. Ну и реви, пока не надоест.

Виктор подходит к окну и смотрит на улицу, залитую ярким летним солнцем...

... — Вовка, иди сюда! — кричит Виктор брату.

— Чего тебе? — спрашивает тот, боязливо глядя на брата.

— Иди, говорю. — Володя нерешительно подходит. — Ты зачем брал мой велик? Педаль погнул, идиот. — Виктор бьет брата. Тот бросается бежать. Виктор бежит за ним, догоняет, подставляет ему ногу, тот падает на землю. Виктор пинает его несколько раз. — Еще раз возьмешь — убью. — Виктор уходит.

Володя встает, отряхивает с брюк пыль, трогает ушибленный локоть. Затем хватает лежавший на земле камень и бросает вслед уходящему брату. Камень летит мимо, а Владимир быстрее камня бежит в другую сторону. Брат замечает брошенный камень, оборачивается и кричит:

— Ну, погоди, ты у меня наплачешься, я тебе покажу. — Владимир, отбежав на безопасное расстояние, показывает брату язык...

Идет группа подростков. На дорожке лежит утерянная кем-то зажигалка. Первым подбежал и схватил ее Володя, начал зажигать. К нему подошел Виктор.

— Ну-ка, дай сюда, — протянул к зажигалке руку.

— Не дам, — ответил Володя. — Я ее нашел.

— Давай сюда, — приказал Виктор. Володя спрятал зажигалку в карман. — Давай, а то худо будет.

— Не отдам. Она моя.

— Нет, моя, — ответил Виктор. — Я ее еще вон оттуда увидел, а ты первым хапнул. Давай сюда. — И он схватил Володю за рубашку, ударил рукой по голове и полез к нему в карман за зажигалкой.

Володя стал сопротивляться.

— Так нечестно, Вить, Вовка же ее нашел, — вступился один из мальчиков за Володю.

— А ты замолчи. Не твое дело. Пошел отсюда, — ответил ему Виктор, продолжая лезть в карман Володи.

Между ними началась возня. Виктор толкнул Володю, тот упал. Виктор сел на него.

— Отдай зажигалку по-хорошему, — сказал он.

Володя, пытаясь сбросить Виктора, ударил его случайно коленом. Виктор в ответ ударил его кулаком. Между ними началась драка. Виктор отколотил Володю и отнял у него зажигалку. Теперь он шел впереди, щелкал зажигалкой, и ребята смотрели, как вспыхивал огонь. А сзади, утирая слезы, плелся Володя...

Стоял тихий весенний вечер. Виктор вышел погулять. Ему встретился ученик из параллельного восьмого класса. Виктор его знал.

— Куда? — спросил Виктор.

— В магазин.

— Послушай, одолжи десять копеек. Мне на мороженое не хватает.

— Не могу. У меня нет лишних денег, мать дала точно, сколь надо.

— Подумаешь, скажешь, что потерял. А я тебе потом отдам. Ну одолжи десять копеек.

— Нет, не дам.

— У-у жадина, Рыжий Пес.

— Ты почему меня оскорбляешь? А ты лягушачий зад.

— Кто? — угрожающе спросил Виктор и стал надвигаться на подростка.

Тот не отступил, а приготовился дать отпор. Приблизившись, Виктор толкнул его в грудь, тот ответил тем же. Виктор понимал, что одному ему не справиться.

— Ну, ладно, погоди, я тебе покажу, — угрожающе произнес он и пошел своей дорогой.

На следующий день во время перерыва Виктор встретил в коридоре этого ученика.

— Пошли, поговорим, — предложил он.

Тот согласился. Они спустились в гардероб, спрятались за одежду. Там уже стоял друг Виктора. Виктор, ни слова не говоря, ударил противника кулаком и, подставив ножку, повалил его на цементный пол. Не давая ему подняться, Виктор начал избивать его ногами, стараясь попасть ботинком в лицо. Это ему удалось, и под глазом у подростка сразу образовалась опухоль синего цвета. В это время зазвенел звонок, и Виктор побежал в класс...

Жестокость, жестокий человек... Мы нередко употребляем эти слова, хотя, может быть, не всегда до конца осознаем их смысл. При этом одни и те же поступки можем оценить как жестокие и не жестокие. Большое значение при этом имеют условия, в которых они происходят, и люди, их совершающие.

Когда мальчик дергает за косу девочку, это жестокость? Трудно сказать. Все зависит от того, с какой силой он это делает. Такое действие может быть и выражением дружеского отношения. Но можно дернуть за косу так, что оторвутся волосы и девочке будет очень больно. Такой поступок можно оценить как жестокий.

Словарь современного русского литературного языка определяет жестокость как крайнюю суровость, беспощадность, бесжалостность. В. Даль в своем Толковом словаре термин «жестокий»

определяет как немилосердный, безжалостный, бесчеловечный, не знающий жалости, сожаления, сочувствия, безмерно строгий, суровый.

К сожалению, в нашем обществе еще встречаются случаи проявления жестокости по отношению к своим близким и незнакомым людям, к животным и птицам. Особенно открытый и непосредственный характер она носит у детей и подростков, которые порой мучают и убивают животных, колотят друг друга. При этом они не испытывают сострадания к боли и страданиям своей жертвы. Откуда у них появляется такая черта характера? Как она воспитывается? Кто им прививает жестокость?

Наше старшее поколение пережило и испытало на себе все ужасы, бесчеловечность, небывалую жестокость войны. Это, естественно, не прошло бесследно. Но молодежь, подростки и дети воспитываются у нас на принципах гуманного отношения друг к другу, на уважении прав и достоинства личности, дружбе и товарищеской взаимопомощи. Откуда же берутся встречающиеся случаи жестокости? Вышеизложенные истории — попытка ответить на этот вопрос.

Описанная история, может быть, и не стала бы известной, если бы закончилась изложенными событиями. Но она имела продолжение.

— Эй ты, дай закурить, — сказал Юрий.

— Я не курю, — ответил парень.

— А деньги у тебя есть? — спросил Виктор.

— И денег у меня нет. — Парень повернулся к Виктору. При слабом свете уличного фонаря было видно, что он еще молод, худ, невысок ростом. Юрий молча ударил его сбоку по голове. Парень закачался, но не упал. Прямой удар Виктора в челюсть бросил парня на Юрия. Тот оттолкнул его, и он упал на землю. Били молча, ногами. Потом раздался свисток, появились дружинники...

Из акта судебно-медицинского осмотра потерпевшего: «Перелом двух ребер, разрыв печени, трещина левой височной кости черепа, множественные ушибы и ссадины по всему телу». Заключение: тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни.

Из обвинительного заключения: «Кафтанов Юрий, семнадцати лет, и Петров Виктор, семнадцати лет, ученики слесаря цеха № 2 машиностроительного завода, обвиняются в том, что 20 июня в двадцать

три часа беспричинно избили гражданина Иванова, причинив последнему тяжкие телесные повреждения...»

Из показаний потерпевшего: «За что они меня избили? За что превратили меня в инвалида? Что я им сделал? Я проводил свою девушку и шел домой. Все было хорошо, все нормально. “Дай закурить. Ах, он некурящий...”. И по голове, а потом ногами. За что? Они отсидят свое, а я на всю жизнь инвалид. Таких, как они, надо убивать. Если б у меня был автомат, я бы их застрелил, как бешеных собак. Я им никогда не прощу того, что они со мной сделали».

Жестокость порождает жестокость. И кто знает, окончена ли эта история. Жизнь может подсказать свой конец.

БЕЗ СОУЧАСТНИКОВ

Утром следователю районного отдела внутренних дел, старшему лейтенанту милиции Курову В.Л. передали рапорт дежурного по райотделу, другие документы с резолюцией начальника отдела: «Провести расследование».

Куров внимательно прочитал документы. В рапорте дежурный по райотделу писал, что в 22 часа 30 минут сработала сигнализация продовольственного магазина № 3. Затем позвонил директор магазина Торопов И.Д. и попросил отключить сигнализацию, поскольку он находится в магазине. Он также сказал, что сигнализацию можно включить минут через пятнадцать.

Через пятнадцать минут дежурный включил сигнализацию. Прошел сигнал, что объект вскрыт. Дежурный решил, что директор пока не ушел, и отключил сигнализацию.

Та же история повторялась еще через пять и десять минут. Дежурный позвонил в магазин, но никто не отвечал. Тогда он направил туда патрульную машину. Вскоре патрульные сообщили, что дверь магазина не заперта. В коридоре на полу лежал мужчина, оказавшийся директором магазина. Голова его была окровавлена. На полу — лужа крови. Дежурный вызвал на место происшествия оперативно-следственную группу и «скорую медицинскую помощь».

В рапорте патрульных говорилось, что директору магазина было плохо, сидеть он не мог, его рвало. Но он рассказал, что на него напали, ударили сзади по голове. Он потерял сознание, упал. Кто ударил, не видел.

Куров внимательно прочитал протокол осмотра места происшествия и выяснил, что замок входной двери в исправном состоянии, повреждений не обнаружено. Рядом с потерпевшим лежал раскрытый чемоданчик-дипломат. В нем находились накладные, другие документы, триста пятьдесят рублей. Недалеко от входной двери валялся металлический прут от арматуры длиной 72 см и толщиной 16 мм. На нем обнаружено небольшое бурое пятно, похожее на кровь. Вероятно, удар нанесен этим прутом. Он изъят в качестве вещественного доказательства.

На полу обнаружены следы обуви с характерными поперечными широкими полосами. Следы сфотографированы.

В объяснительной записке заместитель директора магазина Проколов Н.А., который был вызван на место происшествия, писал, что в торговом зале ничего не нарушено, витрины целы, товары на месте. Замки и двери, ведущие в подсобные помещения и подвал, заперты и не повреждены.

«Ничего не понятно, — думал Куров, ознакомившись с документами. — Что там произошло? Нападение с целью ограбления? Дипломат открыт. Но денег не взяли. Может быть, с директором сводили личные счеты? Возможно. Но почему это произошло в магазине? Проще нападать на улице. Как преступник проник в магазин? Может быть, директор не запер входную дверь и в магазин зашел случайный человек? Откуда у него прут? Принес с собой? Значит, готовился к преступлению? А если директор запер дверь, значит, у нападавшего были ключи? Отмычки всегда оставляют повреждения». Одни вопросы.

Из своего следственного опыта Куров знал, что возможны самые невероятные совпадения событий. Может быть, здесь именно такой случай. «Нужно начинать что-то делать, искать ответы на вопросы. Прежде всего следует поехать в магазин», — решил Куров.

Около магазина было оживленно — шла разгрузка автомашины. Грузчики аккуратно катали бочки, по-видимому, с соленьями, перевозили картошку, другие овощи, ящики с яблоками, носили мясные туши.

Куров вошел в магазин и попал в коридор, знакомый по протоколу осмотра и плану места происшествия.

Куров обратил внимание, что дверь в кабинет директора находится за выступом стены и не видна от входа. Он ее увидел после того, как сделал несколько шагов по коридору. Она была открыта. В кабинете за столом сидел мужчина и, склонившись, что-то писал.

Куров вошел, представился. Мужчина оказался заместителем директора магазина Проколовым. Он извинился и попросил немного подождать: привезли продукты, их надо принять.

Вскоре разгрузка закончилась, и разговор состоялся.

— Вы по поводу Ивана Дмитриевича? — спросил Проколов. — Все работники магазина обсуждают это событие.

— И что говорят? — спросил Куров.

— Да разное. Кто во что горазд, — неопределенно ответил Проколов.

— А вы что думаете?

— Даже не знаю, что и думать.

«Что это он уходит от ответов?» — подумал Куров и внимательно посмотрел на Проколова. Лицо взволнованное, потное.

— Что делал директор ночью в магазине?

— Не знаю. Он утром уехал в деревню закупать продукцию. Это ее сейчас разгружали. Перед отъездом он мне сказал, что, наверное, не сможет вернуться. Обещал приехать сегодня к обеду. Почему он вернулся вчера, я не знаю.

— Кто вчера уходил из магазина последним и как все это происходило?

— Я уходил и уборщица. Она убрала в торговом зале, в кабинете, в коридоре. Я запер на замок кабинет, проверил, заперты ли подсобка, подвал и ушел около 9 часов вечера.

— Посторонний в магазине не мог остаться?

— Нет, совершенно исключено. Кроме того, я ночью проверял, все двери были заперты. А в коридоре спрятаться негде.

— А в торговом зале?

— Вряд ли. Продавцы, уборщица обнаружили бы его. Я думаю, что Иван Дмитриевич не запер входную дверь и какой-нибудь забулдыга забрался по пьяной лавочке, чтобы поживиться, натолкнулся на Ивана Дмитриевича, схватил прут и ударил его.

— Что значит «схватил прут»? — спросил Куров.

— Этот прут от арматуры всегда стоял у входа. Им грузчики дверь подпирают, чтобы она не закрывалась, когда они грузят продукцию.

— Но если допустить, что директор запер входную дверь, то преступник должен был ее открыть. Где он мог взять ключ? — Куров смотрел на Проколова. — У вас ключи не терялись?

Тот достал большой платок, вытер пот со лба.

— Нет. Ключи у нас одни, директорские. Он сам всегда запирает. Вчера он их передал мне. Вот они. — И Проколов показал рукой на связку ключей, лежащих на столе.

В это время наступил обеденный перерыв. Магазин закрылся. В кабинет заглянула молодая женщина, продавец.

— Николай Алексеевич, идемте обедать, — обратилась она к Проколову.

— Не хотите с нами чаю попить? — предложил он Курову.

— Спасибо. Чай пить не буду, — ответил Куров, — но с работниками магазина поговорю.

Продавцы обедали в небольшой уютной комнате. На столе лежали продукты, стояли чашки, закипал электрический самовар. Куров поздоровался, представился.

— Что думаете о случившемся? — спросил он. — Вы работаете в этом магазине, знаете обстановку и внутри, и вокруг него. Кто мог это сделать? — Некоторое время в комнате стояла тишина.

— Одному богу известно, — вздохнув, сказала пожилая полная женщина.

— Может, пьянчуга какой. Они вокруг магазина кругами ходят. Все норовят, как бы чего стащить, — высказала свое мнение вторая продавщица.

— Я думаю, не обошлось без наших доброжелателей из бывшего торга, — сказала молодая женщина, которая приглашала Проколова обедать. — Они не дают Ивану Дмитриевичу работать. Постоянно палки в колеса вставляют. ОБХСС, ревизоров на него натравили...

— Гудкова, — перебил ее Проколов, — ты думай, что говоришь. Здесь следователь из милиции, лицо официальное.

— Вот пусть и знает.

— Что это за работники бывшего торга? — спросил Куров Проколова, когда они вышли из комнаты.

— Да болтает, сама не знает, что. — Проколов некоторое время помолчал. — Торг у нас ликвидировали. Создали на его базе фирму. Работники — те же, руководят они нами по-прежнему. Вот все и злы на них.

— О каких ревизорах говорила Гудкова? — спросил Куров.

— Была тут недавно история. Пришли из торга ревизоры, сняли кассу, проверили наличные. Но ничего не обнаружили. Я деталей не знаю. Иван Дмитриевич знает все.

На следующий день Куров был в больнице. Прежде чем встретиться с Тороповым, он зашел к лечащему врачу. Тот сказал, что больной в тяжелом состоянии. В черепной кости трещина. Сотрясение мозга. Поступил в больницу в нетрезвом состоянии. Разговаривать с ним можно.

Когда Куров вошел в палату, Торопов лежал на кровати. Голова его была забинтована. Он рассказал, что магазин вообще запирается на два замка: врезной и висячий. Торопов запер дверь только на врезной замок. Удар получил, когда запирал дверь кабинета. И сразу почувствовал, как вырвали дипломат. В нем находилось около пяти тысяч рублей.

— Обнаружено триста пятьдесят, — сказал Куров.

— Отдельно лежали еще четыре с половиной, — ответил Торопов.

— Кто, кроме Проколова, имел дело с ключами?

Торопов задумался.

— Никто. — Некоторое время подумал. — Грузчики иногда брали, чтобы открыть подсобку или подвал. Вторые ключи лежат у меня дома.

— Расскажите об истории с ревизией.

Торопов посмотрел на Курова.

— Из торга пришли ревизоры, сняли кассу, проверили наличность. Никаких нарушений не обнаружили.

«Нужно выяснить, кто проводил ревизию. Может быть, возникнет необходимость их допросить», — подумал Куров.

— Кто конкретно проводил ревизию?

— Темнова и Сухарева, бухгалтеры-ревизоры торга.

— Какие у вас отношения с бывшим торгом, его руководством? — спросил Куров.

— С Лощилиным? — Торопов посмотрел на Курова, помолчал. — Непростые. Он возглавлял торг, потом работал в райкоме. А после ликвидации райкома вернулся обратно. Мы начали кое-какую коммерцию в магазине. Я лично закупал продукты в колхозах, у сельчан, и продавали через магазин. Мы же, как правильно говорит известный окулист Федоров, убогие. В магазине нет тары, ножей нормальных, топоров для рубки мяса, емкостей для хранения продуктов. Ничего нет. А интерьер магазина? Внешний вид? Все на грани нищеты. За счет заработанных средств кое-что улучшили. Отделали комнату для принятия пищи, закупили кое-что из оборудования, тары. Продавцам доплачиваем. А Лощилин был против, запрещал закупку продуктов у колхозов, граждан, считал это нарушением правил торговли, финансовой дисциплины. Дело в том, что первоначально я брал деньги для закупки продукции из кассы магазина. На следующий день их возвращал. Иначе на что я мог закупать продукты? Без оплаты колхозники ничего не дают. Ревизоры, наверное, и хотели установить факт изъятия денег из кассы. Но я не успел уехать, и деньги лежали у меня в кабинете, в сейфе. Поэтому обошлось, а то могли бы снять с работы. Сейчас это вроде не запрещено. Но я уже и не беру из кассы. Теперь есть свои оборотные средства.

— ОБХСС интересовался вами?

— Да, вызывали один раз по поводу приобретения мною у колхоза яблок, как якобы похищенных. Но я показал накладные, которые были оформлены по правилам, подписаны председателем и бухгалтером колхоза. Сейчас Лощилин и другие работники бывшего торга создали фирму, но по-прежнему стараются командовать, не дают прав юридического лица, задерживают продукцию, направляют в другие магазины. В общем, воюем... — Торопов устало и несколько виновато улыбнулся.

— Как вы думаете, кто мог совершить это преступление? Может быть, кто-то из работников бывшего торга, чтобы избавиться от вас?

Торопов посмотрел на Курова, помолчал.

— Не знаю. Зачем им это? Они и так меня могут убрать, если не успеем приватизироваться. Я ходил к руководителю районной администрации, он обещал помочь, но не знаю, чем это кончится. Надоело все. — Торопов отвернулся, задумчиво глядя в окно.

— Кто еще мог напасть на вас?

— Трудно сказать. В незапертую дверь мог войти любой. Я уже начинаю сомневаться, закрыл ли дверь на замок. — Куров внимательно смотрел на директора. — Не знаю, что думать. Если я запер замок, значит, у него должны быть ключи. Откуда? И вошел он неслышно. Если бы он открыл замок, я бы услыхал. Может быть, он находился в магазине? Но там негде спрятаться. Я всю голову сломал. Но дверь я запер на замок, помню точно.

— Вы были в нетрезвом состоянии. Могли не услыхать, как он открывал замок.

— Я выпил немного. Небольшой стаканчик домашнего вина. Дед угостил. Очень он был доволен, что я у него купил яблоки: сразу уплатил за них и, как он сказал, не обидел его, и что сам их увезу. А то, говорил он, яблоки у него обычно гнили: вывезти не на чем, с заготконторой не договоришься. Он меня угостил и чуть не плакал от радости. Сказал, что продавать овощи и фрукты будет только мне. — Торопов помолчал. — Можно было бы все организовать, как надо, и обеспечить город продуктами, если б не вставляли палки в колеса.

На этом разговор с Тороповым закончился. «Все то же самое. Ничего нового, — думал Куров, выходя из больницы. — Что же делать дальше? Единственная ниточка — ключи. Если Торопов запер дверь, значит, преступник ее открыл ключами. Кто и где их подделал? Обычно ключи изготавливают в мастерских металлоремонта. Нужно побывать там. Но для этого необходимо их взять у Торопова».

Куров вернулся обратно в больницу. Торопов позвонил домой и попросил жену передать ключи следователю.

Два дня ушло у Курова на поездки и хождения по мастерским. Все было безрезультатно. Наконец под вечер, когда Куров решил, что ничего из этого не выйдет, один мастер, покрутив ключи в руках, достал с полки заготовки, сравнил их.

— Нет, таких ключей я не делал. Но дня три или четыре назад один мужик купил у меня заготовки для этих ключей.

— А вы его можете опознать?

— Могу. А что случилось?

— Тяжкое преступление. Чуть не убили человека.

Мастер внимательно смотрел на Курова.

«Надо собрать вместе всех грузчиков и Проколова. Доступ к ключам имели только они. Возможно, кто-то из них и купил заготовки. Завтра надо провести опознание», — решил Куров по пути в райотдел.

Утром он позвонил Проколову и попросил его не посылать никуда грузчиков и не отлучаться самому. Затем созвонился с мастером.

Через полчаса они вместе были у магазина. Оставив мастера в машине, Куров зашел в магазин и попросил Проколова пригласить всех грузчиков в кабинет, а также двух продавщиц. Вскоре все собрались, и Куров привел мастера.

Когда тот вошел в кабинет, один из грузчиков, как потом оказалось, по фамилии Козлов, задвигался на стуле, как бы пытаясь спрятаться. Остальные сидели спокойно, недоуменно глядя на происходящее вокруг. Куров это заметил.

— Есть ли среди присутствующих здесь мужчина, который три или четыре дня назад купил у вас заготовки для ключей? — спросил Куров.

Мастер внимательно посмотрел сначала на Проколова. Тот поежился под его взглядом. Затем перевел глаза на грузчика, сидевшего у стола. После этого посмотрел на Козлова. Тот опустил голову.

— Поднимите голову, — сказал Куров.

Козлов поднял голову и в упор, зло и вызывающе смотрел на мастера.

— Этот мужчина купил у меня заготовки, — сказал мастер и показал рукой на Козлова.

Тот побледнел. Куров составил протокол опознания.

— Козлов поедет со мной, — сказал он Проколову.

Тот молча пожал плечами. Куров предупредил всех, чтобы они ничего никому не рассказывали о том, что здесь произошло.

«Что делать? — думал Куров по пути в милицию. — Сразу допрашивать Козлова? Наверное, не нужно. Необходимо прежде выяснить, что он за человек: давно ли работает грузчиком, судим ли раньше, женат ли и т.д.».

Козлов выглядел хмурым, но спокойным и даже отрешенным, как бы заторможенным. Куров знал, что обычно в такое состояние впадают лица, отбывавшие наказание в местах лишения свободы: внешне они спокойны, выражение лица безразличное, кажется, что

происходящее вокруг их не касается. На самом деле они внутренне очень напряжены, внимание обострено. Они очень тщательно контролируют ситуацию. «Наверное, он уже побывал в местах не столь отдаленных», — подумал Куров.

Он привел Козлова в дежурную часть и попросил посидеть.

— Может быть, его туда? — сказал дежурный и, кивнув головой в сторону «клетки» — отгороженной металлической решеткой части дежурной комнаты, загремел ключами. Козлов побледнел.

— Если будет вести себя хорошо, пусть сидит здесь, — сказал Куров дежурному и вышел.

Куров установил, что Козлов раньше работал продавцом мясного отдела, совершил хищение и был осужден на пять лет лишения свободы. Освобожден досрочно после отбытия половины срока. Работает грузчиком. Женат. Имеет дочь.

«Так, стремился побыстрее освободиться. Наверное, не хочет попадать туда и сейчас. Надо иметь это в виду. Что еще? Он знал о существовании металлического прута и использовал его, если допустить, что он напал на директора, хотя это очень сомнительно, поскольку Козлов рисковал быть опознанным и, по логике вещей, должен был убить Торопова. Опять концы с концами не сходятся. Но в любом случае есть основание подозревать Козлова в этом преступлении».

Когда Куров вошел в дежурную часть, Козлов сидел на том же месте в той же позе и никак не прореагировал на его появление, даже не посмотрел на него. Неподвижный затуманенный взгляд его был устремлен в пространство.

— Пошли, — коротко сказал ему Куров.

Козлов не спеша встал и последовал за ним.

Придя в кабинет, Куров выяснил, будет ли Козлов приглашать адвоката. Тот отказался.

— Вы подозреваетесь в том, что подделали ключи, проникли в магазин и нанесли удар директору. — Ничего не изменилось в лице Козлова. — Что вы скажете по этому поводу?

— Я этого не делал, — помолчав некоторое время, ответил тот.

— А что вы делали? — спросил Куров. — Расскажите, что вы делали. Зачем вы взяли заготовки ключей, которые подходят к замкам магазина? — Козлов смотрел неподвижным взглядом в окно

и молчал. — Посмотрите на свое положение со стороны, — сказал Куров. — Вы купили заготовки, а возможно, и изготовили ключи от магазина. Торопов травмирован арматурным прутом. О его существовании вы знали. Из дипломата директора пропали деньги, о которых вы тоже могли знать. Этого вполне достаточно для того, чтобы говорить о вашей причастности к совершению данного преступления. — Ни в позе, ни в выражении лица Козлова ничего не изменилось. — Может быть, ключи вы достали для кого-то другого? Может быть, кто-то из работников торга просил вас об этом? — Козлов перевел взгляд в сторону Курова, но смотрел как будто мимо, хотя Куров чувствовал на себе его взгляд. «Как странно смотрит». Такой взгляд Куров уже встречал у бывших заключенных. «Одно воспитание», — подумал он. — Что скажете.

— Ну, просили, — все также глядя, ответил Козлов.

— Кто просил?

Козлов отвел глаза в сторону, помолчал.

— Козел один.

— И вы сделали для него ключи?

— Ну, сделал... — Козлов повернул голову в сторону Курова и посмотрел прямо на него. — Сделал и отдал. И больше я ничего не знаю.

— Кому передали? Лощилину? — Куров назвал эту фамилию потому, что Козлов среагировал на работника торга и потому, что не знал других фамилий.

— Нет, его заму, Тимкину.

— А зачем ему нужны ключи?

— Чтобы войти в магазин и проверить нашего директора.

— А зачем его проверяют?

— Он жулит, гребет тысячи, а накрыть они его не могут.

— Откуда вы знаете Тимкина?

— Раньше работали вместе, в одном магазине.

Куров записал показания Козлова.

Вскоре Тимкин был в кабинете Курова.

— Нам известно, что вы просили грузчика Козлова изготовить ключи от входной двери продовольственного магазина № 3.

Тимкин недоуменно и удивленно смотрел на Курова.

— Бред какой-то. Зачем я буду просить его изготовить ключи?

— Это меня и интересует. Действительно, зачем?

— Ни о чем я его не просил. Не было этого.

— Хорошо, — сказал Куров.

Позвонив дежурному, Куров попросил привести Козлова. Вскоре тот бы в кабинете. Увидев его, Тимкин вздрогнул, лицо его посуровело. Он плотно сжал губы.

— Расскажите, — обратился Куров к Козлову, — как Тимкин просил вас изготовить ключи от магазина.

— Мы с ним как-то выпивали, — начал Козлов, — он сказал, что наш директор жулит, занимается хищениями. И сказал, что торг хочет пресечь это безобразие, но никак не может его схватить за руку. Поэтому нужно нагрянуть неожиданно, а для этого нужно иметь ключи от магазина.

Тимкин остолбенел, глядя на Козлова, челюсть его отвисла.

— Что вы скажете? — спросил его Куров.

— Врет он, все врет. Никакие ключи я не просил его изготовить. Чего ты несешь? — обратился он к Козлову. — Он всегда говорил, что любой ключ сделает, стоит только на него посмотреть один раз. Может, я в шутку и сказал, что можешь ли изготовить ключи от своего магазина. Но я его никогда не просил об этом. Врет он все. Может, он сам директора стукнул, а теперь на других валит.

— Ты это брось, — ровным голосом сказал Козлов. — Ключи ты взял и еще сказал: «Ладно, проверим, какой ты мастер». Я за тебя тянуть срок не намерен, козел.

— Сам козел, — зло ответил Тимкин. — Еще как посидишь, сволочь. Тебе не впервой.

Козлов молниеносно, кошачьим мягким движением метнулся к Тимкину и ударил его кулаком в лицо. Тимкин вскочил, и между ними началась драка.

Куров схватил сзади Тимкина, резким движением оторвал его от Козлова и, повернув лицом к стене, громко крикнул: «Стоять!» Услышав этот крик, Козлов тоже сразу прекратил драку. «Оба к стене!» — приказным тоном сказал Куров. Из дежурной комнаты он вызвал милиционера, который вскоре вошел в комнату, держа в руках резиновую дубинку.

— Садитесь, — сказал Куров.

Тимкин и Козлов сели на свои места. Тимкин вытирал с лица кровь, которая слегка сочилась из носа. Козлов, бледный, прерывисто дыша, смотрел в окно.

Куров составил протокол очной ставки. Посмотрел на ботинки Тимкина.

— Вы не меняли обувь в последнее время?

— Нет, — ответил Тимкин. — А что?

И тут, видимо, до него дошел смысл заданного вопроса. Он заерзал на стуле. Куров положил чистый лист бумаги на пол.

— Встаньте на него правой ногой, — сказал он Тимкину.

Тот встал. Куров взял лист, на котором довольно четко отпечатались широкие поперечные полосы, и положил его на стол. Достал фотографию следа, оставленного на полу магазина, и положил их рядом. Следы были явно похожи.

— Вот, смотрите, — сказал он обращаясь к Тимкину. — Следы одинаковы. Этот след был обнаружен в коридоре магазина, рядом с упавшим без сознания директором. Вы выйдите, посидите пока в дежурке, — обратился Куров к Козлову. — Проводите его, — сказал он милиционеру. Козлов и милиционер вышли. — Ну, так что вы скажете? — Тимкин таращил глаза на отпечаток и фотографию следов и молчал.

— Я бывал в магазине по делам службы. И в тот день был. И, наверное, оставил следы: — Голос Тимкина звучал неуверенно, глаза бегали.

— Вечером после закрытия магазина уборщица пол в коридоре вымыла. Ваши следы были обнаружены на чистом полу. Так что, даже если вы и были днем в магазине, это не имеет никакого значения.

Тимкин молча.

— Можно, я подумаю? — наконец сказал он.

— Подумайте.

Куров по телефону пригласил эксперта-трассолога и, когда тот пришел в кабинет, предложил ему срочно дать заключение о том, оставлены ли следы в коридоре магазина ботинками Тимкина или другой обувью.

Через некоторое время тот сообщил, что следы, обнаруженные на месте происшествия и оставленные ботинками Тимкина, идентичны.

Куров попросил эксперта снять отпечатки пальцев Тимкина и установить, нет ли их на арматурном пруте, дверной ручке, других предметах, где были обнаружены отпечатки. После этого разговор был продолжен.

— Ну, что надумали? — спросил Куров.

— Думаю, что это не мои следы, — ответил Тимкин.

— Следы ваши, оставлены вашей обувью. Теперь у нас есть заключение эксперта. А с ним не поспоришь. Я думаю, что теперь у нас есть основания привлекать вас к уголовной ответственности и до суда содержать под стражей.

— Как это так? Позвольте...

— Да, Тимкин, вопрос стоит именно так, Вы не признаетесь, и оставлять вас на свободе нельзя, поскольку вы будете противодействовать следствию.

— Подождите, подождите, товарищ следователь. Что это значит? Меня — в тюрьму? — Голос Тимкина срывался, руки дрожали.

— Пока в следственный изолятор. Но по существу — это тюрьма.

— Послушайте, но так же нельзя.

— А убивать и грабить людей можно? — спросил Куров, глядя на Тимкина.

— Никто его не убивал и не грабил. Все произошло случайно, я этого не хотел. Честное слово, я этого не хотел. — Тимкин заглядывал в глаза Курова.

— А что вы хотели?

— Мы хотели его только попугать, чтобы он не своевольничал. Я думал отключить холодильники, разбить что-нибудь, например, внутренние витрины, еще что. Но нападать на него я не собирался. Это произошло неожиданно. Когда я его увидел, он стоял спиной ко мне. Я боялся, что если он повернется, то увидит меня. И тогда я ударил его. Я был выпивши и не соображал, что делал.

— Не соображали, а четыре тысячи из его дипломата забрали.

— О чем вы говорите? Какие три тысячи? Ничего я не брал.

— А зачем дипломат из рук Торопова вырвали? — спросил Куров.

— Что вы, бог с вами, — замахал руками Тимкин. — Какой дипломат? После всего, что там произошло, я сразу убежал. И все. И больше ничего там не делал. Честное слово.

Куров смотрел на Тимкина и молчал. «Кажется, говорит искренне», — подумал он.

— Ладно, запишем, — сказал Куров.

— Подождите, подождите записывать. Я должен вам все рассказать, чтобы вы поняли. Никого я не грабил. Все было совсем иначе. Нам нужно было, чтобы Торопов ушел из магазина. Клим Лаврентьевич Лощилин, начальник торга, хотел его снять с работы и назначить меня на эту должность. Но сказали, что теперь это делать он не имеет права. А Торопов жулил. Частную торговлю в государственном магазине организовал, незаконно использовал денежную выручку. И обогащался. Его нужно было убрать. Клим Лаврентьевич сказал, что его надо припугнуть, чтобы он сам ушел. А когда Козлов сделал ключи, я и решился на это. Я понимаю, что это плохо, и готов возместить ущерб. Торопова бить я не собирался. Это случай, нелепый случай.

— Да, если все было так, как вы говорите, это действительно случай. — Тимкин внимательно и с надеждой смотрел на Курова. — Случайно то, что вы встретили в магазине Торопова. А дальше чистое преступление...

— Но как же так? Я же не хотел этого, не хотел. — Казалось, что Тимкин может расплакаться.

На следующий день состоялась встреча с Лощилиным. Он спокойно, с достоинством вошел в кабинет, поздоровался, бросил быстрый взгляд на стены, мебель, не спеша сел на предложенный стул.

— У нас есть данные, — сказал Куров после выполнения всех формальных обстоятельств — заполнения установочных данных, предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний и т.д., — что вы подстрекали Тимкина разгромить продовольственный магазин № 3. Что вы скажете по этому вопросу?

Лощилин все время, пока говорил Куров, спокойно смотрел на него.

— Я никогда ни словом, ни делом не подстрекал Тимкина к совершению преступления, — сказал Лощилин и словно вбил гвоздь. — Да, у нас в торге были разговоры о том, что Торопов нарушает правила торговли и финансовой дисциплины, допускает злоупотребления служебным положением. Была поставлена задача

разоблачить его и привлечь к ответственности. Я направлял к нему ревизоров, и когда они обнаружили у него продукты без накладных, сообщил об этом ОБХСС. Я не мог поступить иначе. Выполнения этих действий требовало мое служебное положение. Но я никогда не подстрекал Геннадия Тимофеевича избить или нападать на Торопова. И ничего не знал о том, что он сделал. Когда он мне сказал, что произошло, я не поверил и предложил позвонить в милицию. Но он обещал сам все рассказать.

На очной ставке Тимкин не поднимал глаз, а Лощилин его как будто не замечал.

— Как же так, Клим Лаврентьевич, вы же мне сами говорили, что нужно припугнуть Торопова, чтобы он убрался из магазина, и обещали мне его должность.

— Говорил, что его надо разоблачить и этим припугнуть. Но я разве говорил, что надо пробраться в магазин и покалечить Торопова? А? — повернувшись боком к Тимкину и глядя на Курова, спросил Лощилин.

— Нет, так не говорили.

— Вот. И не надо ничего придумывать. А в отношении твоего директорства я действительно считал, что ты вполне справишься с этой работой: ты исполнительный, толковый, грамотный специалист. И я бы тебя обязательно назначил на должность. Но ты сам все испортил. А когда ты мне рассказал о том, что сделал, какой у нас был разговор?

— Вы хотели позвонить в милицию.

— Вот именно. А ты сказал, что сам расскажешь. — Лощилин повернулся к Курову, глядя прямо на него и выражая своим видом, что все ясно.

После окончания очной ставки Лощилин на некоторое время задержался в кабинете.

— Товарищ следователь, — сказал он, — объясните мне, что происходит. Раньше нам говорили: у нас не должно быть никаких дельцов, все трудящиеся, все равны. Боролись с хапугами, спекулянтами, частниками, предпринимателями. Нас поддерживали, поощряли. А сейчас что? Повернули на сто восемьдесят градусов? Совсем в другую сторону? Вперед к капитализму? И опять все пра-

вильно? Но также нельзя. Надо же разъяснить народу, что к чему, и не гнуть опять через колено. Развели коммерсантов-спекулянтов. Они ничего не производят, только перепродают и зарабатывают миллионы. Мне это совершенно непонятно.

— Я не хочу с вами вступать в дискуссию, — сказал Куров, — но исторически всегда существовали купцы, и не только в России. Были и коробейники, которые носили товар по улицам, деревням и продавали его с наценкой.

— Но мы же строили социализм и коммунизм! — Лощилин смотрел на Курова.

— Все это вопросы большой политики, — ответил Куров. — Но в любом случае нельзя совершать преступления.

— А я и не совершал, — спокойно ответил Лощилин.

«Действительно, — подумал Куров, — в его действиях нет состава преступления. Имеет место эксцесс исполнителя, то есть Тимкин вышел за пределы его договоренности с Лощилиным».

Последующим расследованием не было установлено состава преступления и в действиях Козлова. Тимкин признал, что просил его изготовить ключи для того, чтобы проверить деятельность директора.

Вскоре дело было направлено в суд, который приговорил Тимкина к двум годам лишения свободы.

ТРИ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРА

(Документальная криминальная история)

29 марта 1996 года около 8 часов 30 минут на шоссе Москва—Егорьевск произошло дорожно-транспортное происшествие, участниками которого были водители Фуфлыгин Д.И. и Денисов А.Н. События развивались следующим образом.

Как записано в протоколе осмотра места ДТП, составленном инспектором ГАИ, Фуфлыгин Д.И., управляя автомашиной вольво-460, догнав автомашину Денисова ВАЗ-2109, пошел на ее обгон. При этом произошло касательное столкновение автомашин, от которого на задней части корпуса вольво-460 остались продольные царапины. После этого автомашина Денисова съехала в правый по ходу движения кювет и перевернулась. В протоколе также указано, что состояние асфальта — мокрое, следов торможения и скольжения нет.

Согласно рапорту инспектора 14 СБ СП ДПС ГАИ, Денисов был доставлен в Раменскую центральную районную больницу, где ему было произведено дежурным врачом медицинское освидетельствование и установлены сотрясение головного мозга, ушиб левого плеча и трети нижней голени. От госпитализации Денисов отказался.

Согласно акту судебно-медицинского освидетельствования № 145 от 17.05.96, проведенного судмедэкспертом, у Денисова обнаружены сотрясение головного мозга, ушиб левого плеча и левой голени, кровоподтек голени.

Согласно заключению эксперта-невропатолога № 269 от 27.06.96, сотрясение головного мозга и кровоподтек на левой голени относятся к легким телесным повреждениям (легкий вред здоровью).

На основании представленных документов 25.07.96 инспектором отдела дознания 14 СБ СП ДПС ГАИ было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Фуфлыгина Д.И. по факту ДТП 29.03.96 в связи с отсутствием в его действиях состава преступления и привлечении его к административной ответственности по ст. 118 ч. 2 КОАП РФ.

Данное постановление никем не обжаловалось.

30.09.96 помощником прокурора Раменской горпрокуратуры постановление инспектора Еремина было отменено и назначено проведение дополнительного судебно-медицинского освидетельствования. Основанием для такого решения послужило то обстоятельство, что Денисов находился на амбулаторном лечении, о чем свидетельствовала запись в его амбулаторной карте от 10.10.96 г.) об обращении его в поликлинику г. Орехово-Зуево.

Данное постановление помощника прокурора являлось незаконным по следующим обстоятельствам:

1. Согласно ст. ст. 112, 211 п. 2, 11 действовавшего в тот период УПК РСФСР, отменять постановления органов дознания имел право только прокурор города, района. Помощник прокурора не имел права этого делать.

Кроме того, согласно ст. 211 п.2 того же УПК РСФСР, отменены могут быть только незаконные постановления органов дознания. Постановление инспектора отдела дознания являлось законным.

2. Согласно ст. 81 того же УПК РСФСР, дополнительная экспертиза может быть назначена только в случае недостаточной ясности или полноты заключения.

При этом недостаточно ясным и полным, согласно п.12 действовавшего тогда Постановления Пленума Верховного суда СССР от 16.03.71 «О судебной экспертизе по уголовным делам», признается заключение, «основанное на исследовании не всех представленных эксперту объектов или не содержащее исчерпывающих ответов эксперта на все поставленные вопросы».

В акте СМО от 17.05.96 экспертом исследованы все обстоятельства и даны исчерпывающие ответы на характер полученных телесных повреждений.

3. Постановление помощника прокурора было вынесено спустя шесть месяцев после ДТП при отсутствии стационарного клинического наблюдения Денисова и без подтверждения результатами клинических и лабораторных исследований, что, согласно п. 31 раздела «Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений», является обязательным условием. Результаты амбулаторного наблюдения не могут служить основанием для изменения квалификации тяжести телесных повреждений, поскольку за шесть месяцев на состояние здоровья потерпевшего могли повлиять факторы, «возникшие в силу случайных обстоятельств, индивидуальных особенностей организма или дефектов при оказании медицинской помощи и т.п.». Поэтому данное постановление помощника прокурора являлось незаконным и по этому основанию.

После отмены законного постановления инспектора отдела дознания 14 СБ СП ДПС ГАИ дело помощником прокурора было направлено без предоставления каких-либо новых данных о состоянии здоровья Денисова для проведения дополнительного судебно-медицинского освидетельствования тому же судебно-медицинскому эксперту. При этом в постановлении помощника прокурора о проведении дополнительной экспертизы перед экспертом был поставлен следующий вопрос: «Могут ли по длительности расстройства здоровья повреждения, полученные пострадавшим, отнесены к категории менее тяжких?»

Данный вопрос является заведомо незаконным, поскольку противоречил, как уже отмечалось выше, ст. ст. 112, 211 п. 2 УПК РСФСР, Постановлению Пленума Верховного суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» и «Правилам судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений».

Судмедэксперт, отвечая на поставленный помощником прокурора в постановлении вопрос, в дополнении от 10.10.96 к акту судебно-медицинского освидетельствования от 17.05.96 без каких-либо дополнительных данных «установил, что у Денисова в результате ДТП

от 23.03.96 возникло повреждение в виде ушиба головного мозга, и признал его телесные повреждения менее тяжкими». В деле также имеется консультативное заключение эксперта-отоларинголога о снижении у Денисова слуха на левое ухо по типу кохлеарного неврита, астеновегетативный и вестибулярный синдром.

На основании этих консультативных заключений помощником 10.11.96 было возбуждено уголовное дело в отношении Фуфлыгина Д.И. по ст. 211 ч. 1 УК РСФСР при отсутствии заключения судебно-медицинской экспертизы и без проведения каких-либо хотя бы предварительных дополнительных исследований, что явно противоречило, как уже отмечалось, действовавшему в тот период законодательству.

Таким образом, уголовное дело было возбуждено в нарушение ст. 108 действовавшего в тот период УПК РСФСР, т.е. без достаточных доказательств и оснований, указывающих на признаки преступления, и являлось незаконным.

Расследование данного дела было поручено следователю следственного отдела Раменского управления внутренних дел, по постановлениям которого были проведены судебно-медицинская и автотехническая экспертизы.

Судебно-медицинскую экспертизу провел тот же судмедэксперт, который давал заключение ранее и 04.02.97 без каких-либо дополнительных материалов дал заключение о наличии у Денисова ушиба головного мозга, т.е. менее тяжких телесных повреждений (менее тяжкий вред здоровью).

В заключении автотехнической экспертизы от 06.02.97 было указано, что осмотр транспортных средств ВАЗ-2109 и вольво-460 и следов их повреждений не проводился. В связи с этим определить место первичного контакта на автомашине ВАЗ-2109 и ее состояние не представляется возможным. Даются два возможных варианта механизма ДТП: «1) занос и последующее столкновение; 2) производство обгона с последующим заносом и столкновение. В результате этого автомашина ВАЗ-2109 оказалась в кювете и опрокинулась». При этом трасологические исследования экспертом не проводились. Следовательно, выводы экспертизы основаны только на предположениях эксперта, хотя машина вольво-460 с поцарапанным боком стояла в гараже Фуфлыгина Д.И., но его не известили

о проведении экспертизы, и никто ему не предлагал предоставить автомашину для осмотра.

На основании данных доказательств следователь принял постановление о привлечении Фуфлыгина Д.И. в качестве обвиняемого по ст. 264 ч. 1 УК РФ и применил в качестве меры пресечения подписку о невыезде.

Фуфлыгин Д.И. и его адвокат заявили ходатайство о необходимости проведения дополнительной экспертизы с осмотром транспортных средств, участвовавших в ДТП, и комиссионной судебно-медицинской экспертизы потерпевшего Денисова А.Н.

Следователь своим постановлением в удовлетворении данного ходатайства отказал.

Фуфлыгин Д.И. с самого начала утверждал, что удара не было, а имело место боковое касание, которое не повлияло на движение автомашин. ВАЗ-2109 осталась на дороге и только после того, как вольво-460 обогнала ее, она повернула вправо и съехала в кювет, где и опрокинулась. Однако данные его показании не были приняты во внимание, а учитывались только показания Денисова, хотя он также был участником ДТП. Таким образом, расследование данного уголовного дела имело обвинительный уклон.

26.02.97 обвинительное заключение по уголовному делу в отношении Фуфлыгина было незаконно утверждено заместителем раменского прокурора, поскольку, согласно ст. 211 п. 11 действовавшего тогда УПК РСФСР, утверждать обвинительное заключение имел право только прокурор города, района, а не его заместитель.

24.02.97 раменский прокурор направил дело в Раменский районный народный суд.

В обвинительном заключении утверждалось, что вина Фуфлыгина Д.И. в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 ч. 1 УК РФ, «подтверждается всеми материалами дела». На самом деле, как изложено выше, таких доказательств в деле не было. Поэтому утверждение данного обвинительного заключения противоречило ст. 211 УПК РСФСР, п. 1 «б», «в», в которой говорилось, что «прокурор обязан строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах; следить за неуклонным соблюдением установленного на-

стоящим Кодексом порядка производства дознания и предварительного следствия».

С целью выполнения названных обязанностей прокурор, согласно пп. 2 «д», «е», «ж», «и», имеет право «отменять незаконные и необоснованные постановления органа дознания и следователя; отстранять лицо, производящее дознание, или следователя от дальнейшего ведения дознания или следствия, если ими допущено нарушение закона при расследовании дела; изымать любое дело от органа дознания и передавать его следователю, а также передавать от одного следователя другому в целях обеспечения наиболее полного и объективного расследования дела; прекращать уголовные дела по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом».

Раменский городской прокурор и его заместитель нарушили данные предписания закона и не выполнили своих должностных обязанностей.

При таких обстоятельствах Фуфлыгин Д.И. и его адвокат обратились в суд с ходатайством о необходимости проведения комплексной автотехнической и медицинской экспертизы. Данное ходатайство судом было удовлетворено.

Как указано в приговоре Раменского городского народного суда Московской области от 22.12.97, в судебном заседании была назначена и проведены комплексная трасологическая, автотехническая, судебно-медицинская экспертизы, необходимость в проведении которых была вызвана следующими основаниями: при проведении автотехнической экспертизы в ходе предварительного расследования экспертом-автотехником не было произведено трасологическое исследование следов, имеющихся на автотранспортных средствах, участвовавших в дорожно-транспортном происшествии, ВАЗ-2109 и вольво-460; механизм их образования и причины ДТП, связанные с выездом автомашины ВАЗ-2109 на обочину и далее в кювет и опрокидывание; при проведении судебно-медицинской экспертизы не были исследованы медицинские документы, связанные с последующим, после ДТП, длительным лечением потерпевшего Денисова А.Н., кроме того, до возбуждения уголовного дела было произведено два экспертных исследования по поводу полученных Денисовым А.Н. телесных повреждений; в первоначальном у него установлены легкие телесные повреждения, в последую-

щем — менее тяжкие телесные повреждения, после возбуждения уголовного дела судмедэксперт сделал вывод о том, что у Денисова А.Н. менее тяжкие телесные повреждения, только на основании предшествующих экспертных исследований.

«Согласно комплексной экспертизе, установлено следующее: в результате дорожно-транспортной аварии Денисову причинены легкие телесные повреждения (легкий вред здоровью); имевшее место касательное соприкосновение (боковое) между автомашинами вольво-460 и ВАЗ-2109 не могло вызвать потерю устойчивости и управляемости автомашины ВАЗ-2109. Выезд автомашины ВАЗ-2109 под управлением гр. Денисова А.Н. за пределы проезжей части в кювет с последующим опрокидыванием связан только с соответствующими действиями водителя Денисова А.Н. в данной дорожно-транспортной ситуации (а именно — маневрирование вправо). Нарушение правил дорожного движения, которое было связано с опрокидыванием автомашины ВАЗ-2109, в действиях Фуфлыгина Д.И. не усматривается».

По изложенным основаниям народный судья оправдал подсудимого Фуфлыгина Д.И. в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 264 ч. 1 УК РФ.

29 декабря 1997 г. раменский городской прокурор принес в судебную коллегию по уголовным делам Московского областного суда кассационный протест об отмене оправдательного приговора Раменского народного суда от 22.12.97 в отношении Фуфлыгина Д.И. и возвращении дела на новое рассмотрение в другом составе судей.

Прокурор по-прежнему утверждал, что потерпевшему Денисову А.Н. в результате ДТП причинен средней тяжести вред здоровью, и требовал допроса в суде свидетелей Меркина и Коробова, которые были допрошены на предварительном следствии.

Судебная коллегия Московского областного суда признала доводы прокурора достаточными, и определением от 25.03.98 оправдательный приговор Раменского суда был отменен и дело направлено в тот же суд на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

27 сентября 1999 г. Раменский городской суд вновь вынес оправдательный приговор. Судом была назначена новая, четвертая комплексная транспортно-трасологическая, автотехническая экспер-

тиза, как указано в приговоре, с «постановкой вопросов в судебном заседании как эксперту, ее проводившую, так и эксперту, давшему первоначальное заключение на основании автотехнических исследований, которые органами следствия были положены в основу обвинения». На основании этого суд, согласно приговору, пришел к следующему выводу:

«Оценивая выводы всех проведенных по делу экспертиз, суд берет за основу выводы последней комплексной трасологической, автотехнической экспертизы, поскольку выводы ее основаны как на автотехнических, так и на трасологических исследованиях, сделаны на основании реконструкции механизма столкновения с исследованием механических повреждений, имевшихся на обеих автомашинах — участницах ДТП, и, как установлено в судебном заседании, выводы данной экспертизы не находятся в противоречии с выводами первичной автотехнической экспертизы, которая положена в основу обвинения. Имевшееся лишь одно несоответствие в выводах данных экспертиз в части "заноса автомашины вольво", к тому же носящее предположительный характер, объясняется, как установлено в судебном заседании, отсутствием трасологических исследований, которые не были предметом исследования эксперта и которые и не входили в его компетенцию как эксперта-автотехника. Отвечая на вопросы суда, эксперт Банников М.А. указал, что не были предметом его исследований как транспортные средства, так и реконструкция механизма столкновения транспортных средств.

В судебном заседании установлено, что имело место боковое (касательное) столкновение автомобилей вольво и ВАЗ-2109, при контакте продольные оси автомобилей были примерно параллельны, в момент контакта задняя ось автомобиля вольво двигалась без бокового скольжения, механизм контактирования автомобилей не зависел от состояния покрытия проезжей части, в связи с этим величина силы бокового воздействия на автомобиль ВАЗ-2109 при контакте равна нулю, поскольку угол взаимного расположения автомобилей, установленный трасологическим исследованием, равен также 0.

Таким образом, отсутствовала прямая причинно-следственная связь между действиями водителя автомашины вольво и последующим маневром автомашины потерпевшего по съезду в кювет и ее

опрокидыванием и наступившими в результате этого последствиями, поскольку выезд автомобиля ВАЗ-2109 за пределы полотна дороги и последующее его опрокидывание являются исключительно следствием действий его водителя (маневрирование вправо). На применение водителем автомобиля ВАЗ-2109 маневра вправо указывает и характер следов колес автомобиля по правой обочине — “плавный, без заноса съезд в кювет под острым углом”, причиной опрокидывания автомобиля ВАЗ-2109 могли явиться только действия его водителя, а именно — маневр вправо, съезд на правую обочину и в правый кювет.

Доводы потерпевшего о мощнейшем ударе со стороны автомашины вольво при ее заносе в левую заднюю дверь его автомашины, с разворотом от этого удара его автомашины по часовой стрелке и последующем съезде ее в кювет и опрокидывании опровергаются выводами комплексной экспертизы, согласно которой, в этом бы случае автомобиль потерпевшего начал бы разворачиваться против хода часовой стрелки и траектория его движения изменялась бы также влево, зафиксированный же на схеме ДТП, составленной при осмотре места происшествия, след “юза” свидетельствует о плавном, без заноса съезде в кювет под острым углом, к тому же характерные повреждения на автомашинах в месте их контактирования свидетельствуют не об ударе, а о касательном столкновении, которое не могло повлечь изменение траектории движения автомашины ВАЗ-2109, в противном случае характер повреждения на автомашине ВАЗ-2109 был бы не продольным, а дугообразным, смещенным справа налево.

Доводы свидетелей Коробова Ю.В. и Меркина А.А., на которые ссылались органы следствия, носят субъективный характер и отражают личное восприятие происшедшего как удара при столкновении автомашины потерпевшего с автомашиной подсудимого. Они опровергаются научно обоснованными выводами комплексной экспертизы и фактически установленными обстоятельствами дела, вместе с тем они подтверждают выводы данной экспертизы в части съезда автомашины ВАЗ-2109 вправо в кювет с последующим опрокидыванием.

Таким образом, фактически установленные обстоятельства дела, научно обоснованные выводы комплексной трасологической,

автотехнической экспертизы, подтвержденные объективными данными протокола осмотра места происшествия, схемы к нему, протоколами осмотра и проверки технического состояния транспортных средств — участников ДТП, свидетельствуют об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления».

На данный оправдательный приговор раменский городской прокурор вновь принес кассационный протест с требованием «приговор Раменского городского суда от 27.09.99 в отношении Фуфлыгина Д.И. отменить за неисследовательностью, дело возвратить в тот же суд для рассмотрения в ином составе судей». По мнению прокурора, «ключевая ошибка выводов данной экспертизы основана на утверждении, что контакт а/м вольво и ВАЗ-2109 произошел, когда угол взаимного расположения столкнувшихся автомобилей был равен нулю.

Это условие делает невозможным имевший место контакт правой задней боковой части а/м вольво и левой задней двери а/м ВАЗ-2109 без контакта этих автомашин по всей их продольной плоскости, чего не имело места».

Тем самым прокурор подменяет собой экспертов, которые являются специалистами в данной области, имеющими право проводить подобные экспертизы. Кроме того, они были предупреждены об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Таким образом, данное заключение в соответствии с законом является доказательством и не может быть никем опорочено, тем более прокурором, обязанностью которого является надзор за соблюдением законности всеми участниками процесса и суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда не нашла доводы прокурора обоснованными и постановлением от 25 ноября 1999 г. оставила оправдательный приговор в отношении Фуфлыгина Д.И. без изменений, а кассационный протест без удовлетворения.

По представлению раменского горпрокурора в Президиум Московского областного суда прокурором Московской области был принесен протест в порядке надзора.

Прокурор признал недостаточными заключения экспертиз и настаивал на виновности Фуфлыгина Д.И.

Данное утверждение прокурора Московской области не соответствует содержанию приговора, в котором, как видно из изложенного выше текста приговора, дан не только анализ всех собранных по делу обстоятельств, но и установлено отсутствие причинной связи между действиями Фуфлыгина Д.И. и съездом автомашины, управляемой Денисовым, в кювет и ее последующим опрокидыванием. Дана оценка утверждению Денисова А.Н. о якобы имевшем место мощнейшем ударе со стороны автомашины вольво-460 в заднюю дверь управляемой им автомашины ВАЗ-2109.

Однако данный протест был удовлетворен Президиумом Московского областного суда под председательством председателя Мособлсуда. Постановлением президиума от 02.08.2000 № 1268 приговор Раменского городского суда Московской области от 27 сентября 1999 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда 25 ноября 1999 г. в отношении Фуфлыгина Д.И. были отменены и дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Таким образом, суд, теперь уже президиум Мособлсуда снова удовлетворил требования прокурора.

Данные основания не имеют значения по делу, поскольку телесные повреждения, причиненные Денисову А.Н. по его собственной вине, не могут вменяться в вину подсудимому Фуфлыгину Д.И. и он не должен нести за причинение никакой ответственности.

Что касается выяснения судом причины, по которой Денисов А.Н. направил машину в кювет, то суд не должен этого делать, поскольку суд обязан оценивать не мысли, а только действия человека. В данном случае Денисов А.Н. сам, по собственному разумению управлял машиной, и почему он так решил, для суда не имеет никакого значения. Главными в данном случае являются только действия Фуфлыгина Д.И. Суд их проанализировал и установил, что в результате его действий сноса в кювет машины Денисова А.Н. не было.

Постановление президиума Московского областного суда от 2 августа 2000 г. № 1268 Фуфлыгиным Д.И. и его адвокатом было обжаловано Председателю Верховного суда РФ с просьбой принести протест с целью отмены названного постановления № 1268 и остав-

ления приговора Раменского городского суда от 27.09.99 и определения коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 25.11.99 без изменения.

В ответе Верховного суда РФ от 31.01.01 № 4 КПН 00—145, подписанном Председателем Кассационной палаты Верховного суда РФ, указывалось, что «оснований для отмены постановления президиума Московского областного суда не имеется», и приводились те же доводы, которые были изложены в протесте в порядке надзора прокурора Московской области.

Ответ Председателя Кассационной палаты Верховного суда РФ был обжалован Фуфлыгиным Д.И. и его адвокатом. Однако в ответе на эту жалобу, подписанном заместителем Председателя Верховного суда РФ, также содержался отказ в удовлетворении жалобы. Дело было направлено в Раменский городской суд на новое рассмотрение.

Таким образом, и Верховный суд РФ, являющийся высшим органом государственной судебной власти, также признал обоснованным протест прокурора Московской области и не восстановил законности по данному делу.

12 июля 2002 г. Раменским городским судом было вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Фуфлыгина Д.И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 ч. 1 УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, по следующим основаниям, изложенным в постановлении: «В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель отказался от обвинения, предъявленного Фуфлыгину Д.И. по ст. 264 ч. 2 УК РФ, на основании п. 2 ч.1 ст. 24 УПК РФ, поскольку, согласно комплексной судебно-медицинской, автотехнической и транспортно-трасологической экспертизе каких-либо несоответствий в действиях водителя автомобиля вольво-460 Фуфлыгина Д.И. требованиям Правил дорожного движения РФ, которые находились бы в причинной связи с опрокидыванием автомобиля ВАЗ-2109 под управлением Денисова А.Н., не усматривается, а выезд автомобиля ВАЗ-2109 за пределы полотна дороги и последующее его опрокидывание являются исключительно следствием действий его водителя, кроме того, в результате ДТП потерпевший Денисов А.Н. получил телесные повреждения, расценивающиеся

как легкий вред здоровью. Указанные выводы свидетельствуют об отсутствии в действиях Фуфлыгина Д.И. состава преступления, предусмотренного ст. 264 ч. 1 УК РФ.

Потерпевший Денисов А.Н. поддержал отказ государственного обвинителя от обвинения, поскольку согласен с выводами вышеуказанной экспертизы».

Данное постановление суда сторонами не обжаловалось, и 22 июля 2002 г. оно вступило в законную силу.

9 октября 2002 г. Фуфлыгин Д.И. и его адвокат подали в Раменский городской суд исковое заявление о компенсации морального вреда. Моральным вредом, согласно ст. ст. 150, 151 ГК РФ, признается причинение гражданину физических или нравственных страданий в результате унижения достоинства личности, чести, доброго имени, деловой репутации, ограничения права свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, которые закреплены в Конституции РФ. Как указывалось в исковом заявлении, на протяжении более пяти лет — с 10 ноября 1996 г. (даты возбуждения уголовного дела в отношении Фуфлыгина Д.И.) и до 12 июля 2002 г. (даты принятия судом постановления о прекращении уголовного дела) — к были грубо нарушены конституционные права гражданина Фуфлыгина Д.И., а именно — право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в п.1 ст. 27 Конституции РФ, право на свободное перемещение, выбор места пребывания и жительства, закрепленные в п.1 ст. 27 Конституции РФ. Кроме того, были опорочены его доброе имя и деловая репутация; он испытывал нравственные страдания, нервные стрессы и перегрузки; в течение более пяти лет он был лишен возможности выехать с места своего постоянного жительства, поскольку находился под подпиской о невыезде, а значит, не мог нормально и полноценно отдохнуть, встретиться со своими родственниками, проживающими в других местах; обвинялся в уголовном преступлении, которого не совершал, и преследовался в уголовном порядке; был вынужден потратить более пяти лет своей жизни на доказывание своей невиновности вследствие незаконной деятельности раменского горпрокурора и его помощника.

По разным причинам слушание дела неоднократно откладывалось. Судебное решение было принято только 4 ноября 2003 г., ко-

торым исковые требования признаны обоснованными и взыскано в качестве морального вреда с прокуратуры Московской области в сумме 15 тысяч рублей, с Раменского УВД также в сумме 15 тысяч рублей. В обоснование данного решения судом положены следующие обстоятельства, изложенные в самом решении: «Суд считает обоснованными доводы истца о том, что незаконным привлечением его к уголовной ответственности, применении к нему меры пресечения — подписки о невыезде, которая сохранялась в течение 5 лет, были грубо нарушены его конституционные права — право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные п. 1 ст. 22 Конституции РФ, право на свободное перемещение, выбор места пребывания и жительства, закрепленное в п. 1 ст. 27 Конституции РФ.

При этом суд не обсуждает доводов сторон о виновности или невиновности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры в данном уголовном деле, поскольку закон — ст. 1070 ч. 1 ГК РФ, ст. 1100 ГК РФ — предусматривает ответственность за такой вред независимо от вины должностных лиц, которые принимали незаконные решения. Факты вынесения дважды оправдательного приговора в отношении Фуфлыгина и последнее постановление Раменского городского суда от 12 июля 2002 г. о прекращении в отношении него уголовного дела из-за отсутствия в его действиях состава преступления, в котором он обвинялся и преследовался, сами по себе являются достаточными основаниями для возложения на ответчиков — Прокуратуру Московской области (прокуратура Раменского района не является юридическим лицом и не может нести имущественную ответственность, является структурным подразделением Прокуратуры Московской области) и УВД Раменского района Московской области ответственности за причиненный истцу вред».

Суд также согласился с доводами истца о причинении ему морального вреда.

Однако, несмотря на обоснованность и законность решения суда, прокуратура снова подала кассационную жалобу с просьбой решение Раменского городского суда от 4.11.03 отменить и направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

26 декабря 2003 г. состоялось заседание судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда, на которое представитель Московской областной прокуратуры не явился.

Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда кассационную жалобу Московской областной прокуратуры оставила без удовлетворения и при этом постановила, как записано в определении: «Взыскать с Министерства финансов РФ за счет казны Российской Федерации в пользу Фуфлыгина Дмитрия Ивановича денежную компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей». Данного определения судебной коллегии никто не обжаловал.

Так закончилась длительная и изнурительная борьба за свои конституционные права невиновного человека, который необоснованно и незаконно был обвинен в совершении уголовного преступления, которого он не только не совершал, а которого не было вообще.

Очерк написан по материалам
уголовного дела № 309/37936-п/96
и гражданского дела № 2—272/03, хранящимся в архиве
Раменского городского суда Московской области

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Васильев Анатолий Васильевич

ГИДРА-2
КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Корректор *Цыганова С.В.*
Верстка *Н.В. Власкин*
Оформление и подготовка обложки *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24? а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 02.03.2011. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура «Newton С». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14. Тираж 1000 экз. Заказ Р-361.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Гидра-2 Криминальные истории 60-х
33504450 КТК- 67 П--
ISBN 978-5-9533-5889-3
Цена:
221 р

И вновь криминальные истории советских времен... Бандитизм военных лет подавлен, уголовный мир вытеснен на задворки. Милиция несет службу без оружия, работа следователей, как поется в популярной песне, «на первый взгляд как будто не видна». И все же без работы они не остаются ни на день. На них сваливаются любые дела — от бытовых до хитро продуманных заказных преступлений. И везде они должны докопаться до истины.

Еще одна книга А.В. Васильева, писателя и бывшего следователя, для любителей документального детектива с оттенком ностальгии.

ISBN 978-5-9533-5689-3
9 785953 356893

Вече 20 лет

ГИДРА-2

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ 60-Х

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ